

ISSN 2524-0285

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

1/2019

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р ист. наук, проф. **В.Н. Никольский**, д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 5 от 31.05.2019 г.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б: Гуманитарные науки

№ 1/2019

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Комарова Л. В.* Основные направления взаимоотношений России и США в вопросе ядерного разоружения на современном этапе 5
- Дибас О. А., Милокост Л. С.* Роль ООН в решении Кашмирского конфликта (январь 1948 – июль 1949 гг.) 12
- Попова В. О.* Перспективы подписания мирного договора между Российской Федерацией и Японией: исторический аспект 19
- Посредников Д. В.* Преодоление или углубление раскола православия на Украине 25
- Скоков А. С.* Предпосылки формирования налоговой системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков 32
- Соловей М. А.* Идеи панславизма Илии Гарашанина: исторические истоки, формирование и развитие 40
- Чамлай В. В.* Деятельность правоохранительных органов СССР в проведении мероприятий по ликвидации курса НЭП 46
- Шенко Л. Г., Надыкто Д. Ю.* Идеи Жорж Санд и русское общество первой половины XIX века 52

Философия

- Асташова М. С.* Структурные элементы и художественные закономерности процесса эстетической коммуникации в искусстве 59
- Бартагариева И. И.* Теория гражданского общества: контуры переформатирования 66
- Волошин В. В.* Инструментализм: онтологическое и эпистемологическое измерение 74
- Зуев К. А., Никитин Л. Н.* Постиндустриальное общество и постмодернизм: единство и противоположность 81
- Лустин Ю. М.* Понимание как типологическое средство мышления субъекта социальности 91

<i>Мазаненко О. М.</i> Векторально-ментальные механизмы творческого сознания как эстетического феномена	99
<i>Пидлубный Р. А.</i> Здоровье человека: эволюция философских идей античности	105
<i>Рочняк Е. В.</i> К вопросу определения понятия «Миф»	114
<i>Чернышов В. А.</i> Мягкая сила информационного общества: место и роль СМИ	120
<i>Шелехов Е. А.</i> Общественное сознание и стереотипы: опыт философской рефлексии	125

Педагогика

<i>Borisova M. V. Chehlan N. A.</i> The development of new institutional forms of higher education in Canada in the context of the introduction of e-learning	131
<i>Головинова А.А., Чернышев Д. А.</i> Педагогическое партнерство семьи и дошкольного образовательного учреждения	138
<i>Дробышев Е. Ю., Чернышев Д. А.</i> Принципы организации, проблемы и приоритетные направления развития системы последипломного повышения квалификации учителей	147
<i>Еремка Е.В.</i> Антропологический подход в исследовании валеологической подготовки студентов классического университета	154
<i>Зенченков И. П.</i> Анализ понятия самореализации как основы духовной составляющей физической культурной личности	161
<i>Качалов Р. Н.</i> Профессиональная компетентность выпускника музыкальной академии как объект диагностики и критерий качества образования	168
<i>Коновченко А. В.</i> Социально-экономические и педагогические предпосылки развития научно-исследовательской деятельности студентов	176
<i>Мерхелевич Г. В.</i> Методологические особенности комплексного процесса формирования иноязычной активности студента	183
<i>Стецюк Т. А.</i> Детское хоровое исполнительство и его вокальные основы	188
<i>Цанов В. А.</i> Сущностные характеристики процесса формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров будущих специалистов средствами экономико-математического моделирования	193
<i>Шелехова О. Г.</i> Реализация межпредметных связей математики и электротехники при разработке конспекта лекций по математике, адаптированного для изучения электротехники	201
Правила для авторов	208

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B: The Humanities

No 1/2019

CONTENTS

History

- Komarova L. V.* The main directions of relations between Russia and the United States in the issue of nuclear disarmament at the present stage. 5
- Dibas O. A., Milokost L. S.* UN Role in solving Kashmir conflict (January 1948 – July 1949) 12
- Popova V. O.* Prospects for the signing of a peace treaty between the Russian Federation and Japan: a historical aspect. 19
- Posrednikov D. V.* Overcoming or deepening the split of Orthodoxy in Ukraine 25
- Skokov A. S.* Preconditions of formation of the Tax system of the Russian Empire in the second half of the XIX – beginning XX century 32
- Solovei M. A.* Ilija Garashanin's ideas of Pan-Slavism: Historical origins, formation and development 40
- Chamlai V. V.* The activities of law enforcement agencies of the USSR in carrying out activities to eliminate the NEP rate 46
- Shepko L. G., Nadykto D. Y.* Ideas George Sand and Russian society first half of the nineteenth century 52

Philosophy

- Astashova M. S.* Structural elements and artistic patterns of the process of aesthetic communication in art 59
- Bartagariyeva I. I.* The theory of civil society: the contours of reformatting 66
- Voloshin V. V.* Instrumentalism: ontological and epistemological dimension 74
- Zuev K. A., Nikitin L. N.* Post-industrial society and postmodernism: unity and opposition 81
- Lustin Y. M.* Understanding as a typological means of thinking of the subject of sociality 91
- Mazanenko O. M.* Vector-mental mechanisms of the creative mind as an aesthetic phenomenon 99

<i>Pidlubniy R. A.</i> Human health: the evolution of philosophical ideas of antiquity	105
<i>Rochniak E. V.</i> To the question of the definition of the concept "Myth"	114
<i>Chernyshov V. A.</i> The soft power of the information society: place and role Mass Media	120
<i>Shelekhov Y. A.</i> Social Consciousness and Stereotypes: Philosophical Experience reflection	125

Pedagogy

<i>Борисова М.В., Чехлань Н.А.</i> Развитие новых институциональных форм высшего образования Канады в условиях введения электронного обучения	131
<i>Golovinova A. A. Chernishev D. A.</i> Pedagogical partnership of the family and preschool educational institution	138
<i>Drobyshev Y. Y. Chernishev D. A.</i> Principles of organization, problems and priorities for the development of the system of post-gradual advanced teacher training	147
<i>Yeremka E. V.</i> Anthropological approach to the study of valeological training of students of a classical university	154
<i>Zenchenko I. P.</i> Analysis of the concept of self-realization as the basis of the spiritual component of a physical and cultural personality	161
<i>Kachalov R. N.</i> Professional competence of a graduate of the Academy of Music QC object of diagnosis and the criterion of the quality of education	168
<i>Konovchenko A. V.</i> Socio-economic and pedagogical prerequisites for the development of research activities of students	176
<i>Merkhelevich G. V.</i> Methodological features of the complex process of formation of foreign student activity	183
<i>Stetsyuk T. A.</i> Children's choral performance and its vocal foundations	188
<i>Tsapov V. A.</i> Essential characteristics of the process of formation of the socio-adaptation component of the system of ideological orientations of future specialists by means of economic and mathematical modeling	193
<i>Shelekhova O. G.</i> Implementation of intermediate communications of Mathematics and Electrical Engineering during the development of Mathematics Lectures inspection adapted to study Electrical Engineering	201
Guidelines for authors	208

ИСТОРИЯ

УДК 327.37:623.454.8((470+571):7)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И США В ВОПРОСЕ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2019. *Л.В. Комарова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье проанализирован процесс сотрудничества и развития политических взаимоотношений США и РФ в ядерной сфере на современном этапе. Произведен анализ предпосылок сложившейся обстановки на международной арене, договорной базы, а также внешнеполитических стратегий данных стран. Автор концентрирует внимание на таких событиях, как реализация двусторонних и международных договоренностей.

Ключевые слова: ядерная сфера, взаимоотношения США и РФ, ядерное разоружение, стратегия, договорная база

Проблема разоружения остается наиболее острой на современном этапе международных отношений, это отражено в многочисленных докладах Комиссии по разоружению ООН, а также является камнем преткновения для развития стабильного партнерства между участниками ядерного клуба. Безусловно, ситуация связанная с развитием взаимоотношений между РФ и США по вопросам ядерного разоружения актуальна на протяжении последних десятилетий. Оба государства являются ведущими акторами в современной структуре международных отношений и входят в клуб ядерных держав. Россия, как правопреемница СССР, обладает одним из мощнейших ядерных потенциалов, но при этом прикладывает немало усилий для ограничения ядерного оружия на уровне взаимодействия в рамках Совета Безопасности ООН, а также на уровне двусторонних договоренностей Россия – США.

Основная цель нашей работы состоит в изучении и выявлении основных приоритетных направлений сотрудничества РФ и США по вопросу ядерного разоружения на современном этапе.

Свой вклад в разработку взаимоотношений США и РФ в ядерной сфере внесли научные труды таких авторов, как В. Орлов, Р. Тимербаев, А. Хлопков [1], в которых авторы определили сложный контекст современной ситуации вокруг развития диалога России и США по вопросу ядерного разоружения. А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, С.К. Ознобищев раскрыли взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения на современном этапе [2]. Это исследование было подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» («Nuclear Threat Initiative, Inc» – NTI). Аспекты, связанные с созданием США национальной системы противоракетной обороны, как угрозы безопасности России, на рубеже XX–XXI вв. нашли отражение в работе Р.О. Лобанова [3]. Однако вопрос развития российско-американских взаимоотношений в ядерной сфере, безусловно, требует комплексного анализа современной ситуации, что и составляет новизну данного исследования.

Данная проблема занимает ключевое место в Ежегодниках ООН по разоружению, где пристальное внимание уделено ядерным потенциалам США и РФ, как ведущим странам-членам Совета Безопасности. В Ежегоднике ООН публикуются отчеты, которые посвящены проблематике разоружения, нераспространения ядерного оружия, а также дается оценка динамики этих процессов на уровне мирового сообщества. В Ежегоднике за 2015 год уделяется внимание учреждению Генеральной Ассамблеи ООН новой рабочей группы, целью которой было заявлено рассмотрение эффективных мер, необходимых для построения и поддержания мира, свободного от ядерного оружия. Кроме того, затронута проблема катастрофических гуманитарных последствий применения ядерного оружия [4].

Рассматривая проблематику взаимодействия в ядерной сфере, нельзя оставить без внимания исследования ведущих международных аналитических центров, таких как Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI) [5]. Ежегодно данный центр предоставляет отчет, в котором приводится разноплановый анализ военно-политической ситуации в мире, предоставляются данные о количестве потенциальных конфликтов и войн, в том числе, довольно детально рассматривается проблематика, связанная с ядерной сферой. В частности, отчет содержит экспертные выводы о ядерном потенциале различных стран, отдельное внимание уделено США и РФ. По заявлению аналитиков SIPRI, в начале 2017 г. девять ядерных держав – США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль и КНДР – располагали арсеналом примерно в 14 935 ед. ядерного оружия, из которых 4 150 ед. оперативно развернуты в войсках. Тем не менее, за несколько последних лет число ядерных вооружений хоть и незначительно, но было сокращено. В основном численное сокращение мировых запасов ядерного оружия происходит за счет США и России, на долю которых приходится около 93 % общих арсеналов.

Лондонский международный институт стратегических исследований (IISS) [6] уделяет внимание развитию и динамике процесса ядерного разоружения. В исследованиях данного центра присутствует анализ современной ситуации международных отношений, международных военно-политических и военных проблем, военно-экономических потенциалов ведущих стран мира, оценка военных доктрин, в том числе РФ и США.

На сегодняшний день фундаментом для сотрудничества стран, обладающих ядерным потенциалом, является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [7], который вступил в силу 5 марта 1970 г. В начале XXI в. начала развиваться негативная тенденция, которая выражалась в открытом отказе великих держав от продолжения переговоров по ядерному разоружению. Безусловно, это стало беспрецедентным нарушением ст. VI ДНЯО. В настоящее время есть понимание того, что серьезные риски для режима ядерного нераспространения обусловлены распространением технологий производства делящихся ядерных материалов.

После окончания холодной войны США трижды пересматривали не только своё отношение, но и развитие, и мощность своего ядерного вооружения:

Первый пересмотр ядерной политики – Nuclear Posture Review (NPR) – был 18 сентября 1994 года, когда президент США Клинтон одобрил рекомендации NPR, подготовленные Пентагоном. Его основные разделы можно было охарактеризовать так:

- значительное и крупнейшее за все время существования ядерного оружия снижение его роли в обеспечении безопасности страны;
- стремление сократить количество ядерного оружия ввиду новых обстоятельств (распада СССР);

- рассмотрение ядерного оружия не только в качестве инструмента обеспечения национальной безопасности, но и международной (стран — союзников США).

Второй пересмотр произошел в 2002 году. В первом NPR XXI века отражалось стремление администрации президента Джорджа Буша-младшего отойти от существовавшего ранее режима контроля над стратегическими вооружениями. Именно в 2002 году США в одностороннем порядке вышли из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Тогда же и началась разработка национальной системы ПРО. Обзор 2002 года также внес изменения в классическое понятие ядерной триады. «Старая триада» состояла из тяжелых ядерных бомбардировщиков, межконтинентальных баллистических ракет (МБР) наземного базирования и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). «Новая триада» состоит из противоракетной обороны, высокоточного оружия и классической триады в качестве третьего компонента.

Наконец, на своем первом сроке в 2010 г. президент Барак Обама одобрил третий пересмотр – американский президент объявил о необходимости стремления к миру без ядерного оружия.

«Обзор ядерной политики» это один из основополагающих документов «Стратегии национальной безопасности США». Перейдем к краткому анализу вышеуказанного обзора. В преамбуле к Nuclear Posture Review (NPR) говорится следующее: «Настоящий Обзор ядерной политики США (NPR) представляет собой дорожную карту по реализации программы президента Обамы, направленной на уменьшение ядерных рисков для США, для наших союзников и партнеров, а также для международного сообщества. В настоящем Обзоре предотвращение ядерного терроризма и распространения ядерного оружия ставится во главу угла политической повестки дня США и дается описание того, как США будут уменьшать роль и количество ядерного оружия. Центральными элементами этой стратегии являются такие усилия, как достижение нового договора об ограничении стратегических наступательных вооружений с Россией, наша работа по укреплению режима нераспространения и более широкий подход к сдерживанию. В то же время до тех пор, пока существует ядерное оружие, США должны сохранять безопасный, надежный и эффективный ядерный арсенал для поддержания стратегической стабильности с другими крупными ядерными державами, сдерживания потенциальных противников и подтверждения наших обязательств по безопасности перед нашими союзниками и партнерами...» [8].

Однако, несмотря на скрытую недружелюбность, общую тональность военной доктрины Барака Обамы можно было бы охарактеризовать как вполне нейтрально-миролюбивую. К сожалению, такая стратегия президента США разделила Америку на два лагеря: лагерь сторонников разоружения и лагерь «ястребов-республиканцев».

Первые – охарактеризовали новый ядерный устав как мудрый поступок новой администрации Барака Обамы, то есть вполне естественный эволюционный шаг вперед от времен Буша-младшего, с его почти полным отвержением ядерного разоружения, реального, а не декларативного, контроля над ядерным оружием, правом на мини ядерные войны и ядерное нераспространение через карательные, превентивные ядерные удары. Это еще не разоружение, но уже достаточно уверенный шаг вперед в области контроля над ядерным оружием. Это не есть что-то из ряда вон выходящее: любая новая доктрина и должна быть шагом вперед, а не констатацией «Status Quo» и уже сложившегося ядерного равновесия. Они высоко оценили тот факт, что в данном

документе закреплено то, что угрозой для США и международной безопасности отныне является не ядерное противостояние держав, а ядерный терроризм со стороны экстремистов и распространение ядерного оружия во все большем количестве государств.

Вторые, то есть «ястребы», увидели в такой политике – «опасную игру с национальной безопасностью».

В табл. 1 приведены основные тезисы сторонников и противников ядерной эволюции под руководством Б. Обамы.

Таблица 1

ДЕМОКРАТЫ	РЕСПУБЛИКАНЦЫ («ястребы»)
<ul style="list-style-type: none"> * рекомендовали отказаться от планов масштабной модернизации вооружений стратегических ядерных сил, * проводить политику, в соответствии с которой Америка не будет первой использовать средства ядерного нападения, * аннулировать планы по нанесению превентивных ядерных ударов. 	<ul style="list-style-type: none"> * полностью одобрили действия Пентагона по обновлению ядерных сил, * три столпа ядерной триады – ракеты наземного базирования, бомбардировщики и МБР на подводных лодках – стареют и должны быть модернизированы, что позволит с большой эффективностью обеспечивать сдерживание...

Итак, резюмируя вышеизложенное мы с уверенностью можем сказать, что в соответствии со сложившейся американской политической культурой именно в доктрине национальной безопасности закладываются базовые принципы других важнейших компонентов международного курса США, а также его внешнеполитической и военной стратегий. Стратегия национальной безопасности президента Барака Обамы [9], опубликованная 26 мая 2010 г. вызвала огромный интерес со стороны мирового сообщества. В ней преобладали такие тенденции как:

- использование «мягкой силы»: дипломатия, сотрудничество и международно-правовое урегулирование для достижения глобального лидерства США;
- в документе нет упоминаний об односторонних превентивных силовых действиях (preemption), которые проводятся без весомых доказательств об угрозе и соответствующих решений международных организаций. Кроме того, отсутствует «исламский экстремизм» в качестве источника угрозы;
- подчеркивается необходимость совместных действий государств в рамках международного права и повышения в этой связи роли дипломатии. В документе отмечается, что ни одна нация не может в одиночку взять на себя бремя урегулирования вооруженных конфликтов, происходящих в мире.
- делается особый акцент на использование международных организаций для решения наиболее сложных мировых проблем. Правда, настораживает тот факт, что в Стратегии-2010 при перечислении наиболее важных международных организаций НАТО (региональная организация) стоит на первом месте, в то время как ООН, являющаяся универсальной организацией, оказалась на вторых ролях.

В марте 2009 г. на саммите G-20, который проходил в Лондоне, Барак Обама и Дмитрий Медведев пообещали согласовать сокращение ядерных арсеналов своих стран к декабрю 2009 г. Этим диалогом был запущен новый старт в американо-российских отношениях, он символизировал путь к свободному от ядерного оружия мира. После встречи, лидеры США и РФ заявили, что готовы выйти за рамки холодной войны и перезапустить отношения между двумя странами. Было отмечено, что настало время

перейти от слов к делу и на благо России, США, а также всех тех, кто заинтересован в мире и процветании [10]. В целом, оценивая эту встречу, можно отметить обоюдное желание в построении дальнейшего диалога.

Продолжая данный вектор, 5 апреля 2009 г. Барак Обама, выступая в Праге, заявил, что запускает новую доктрину, направленную на достижение мира без ядерного оружия. Президент США пообещал ратифицировать договор о запрете ядерных испытаний и созвать глобальный саммит для окончательной ликвидации ядерных арсеналов. Президент Б. Обама отметил, что предпримет усилия, чтобы Сенат США ратифицировал договор о всеобъемлющем запрете испытаний ОМУ. «Настало время, когда испытания ядерного оружия должны быть запрещены», – сказал президент [11]. Он призвал к соблюдению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 года и обратил внимание присутствующих, что Вашингтон выступит инициатором проведения международного саммита по ядерной безопасности в течение 2009 года.

Дальнейшим шагом на пути взаимодействия в данной сфере стало подписание 8 апреля 2010 г. президентом РФ Д. Медведевым и президентом США Б. Обамой Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических и наступательных вооружений (СНВ-3). Этот договор вступил в силу 5 февраля 2011 г., его действие рассчитано сроком на 10 лет с возможностью продления [12]. Согласно этому документу, Россия и США обязались сократить свои ядерные арсеналы таким образом, чтобы к 5 февраля 2018 года их суммарные количества вооружений не превышали 700 развернутых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (ТБ), 1 550 боезарядов на этих ракетах, 800 развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, БРПЛ и ТБ. Хотелось бы отметить, что в вышеуказанном договоре (СНВ-3) было впервые введено понятия «неразвернутые» носители и пусковые установки, то есть не находящиеся в боевой готовности, а используемые для обучения или испытания, не имеющие боеголовок. Кроме того, в январе 2018 г. Государственный департамент США опубликовал отчет о выполнении пунктов данного договора.

В 2013 году Барак Обама заявил об интенсификации сотрудничества РФ и США по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений на треть от условий Договора о СНВ. Тогда же он заявил о намерениях сокращения тактического ядерного оружия в Европе [13]. Стоит отметить, что за несколько последующих лет, эти обещания в большей степени не реализовались из-за нежелания американской стороны садиться за стол переговоров с Россией после событий 2014 года, связанных с политическим кризисом на Украине.

С начала 2016 г. произошел ряд ключевых событий, связанных не только с двусторонним диалогом РФ – США, но и со сферой ядерного вооружения в целом. 31 марта 2016 г. в Вашингтоне открылся международный саммит по ядерной безопасности. Это четвертая встреча данного формата, ранее они проходили в Вашингтоне (2010 г.), в Сеуле (2012 г.) и в Гааге (2014 г.). РФ впервые не участвовала в саммите, хотя ранее принимала активное участие во всех заседаниях. Российская сторона заявила, что не считает это мероприятие площадкой эффективного сотрудничества. Стоит обратить внимание, что Иран не был приглашен на саммит по ядерной безопасности, что вызвало ряд вопросов со стороны прессы [14].

В апреле 2016 года состоялась очередная сессия Комиссии по разоружению ООН, во время которой представители двух самых крупных ядерных держав РФ и США, все же выразили намерение сесть за стол переговоров и обсудить ряд проблем в

этой сфере. В частности, стороны заявили о возможном диалоге по поводу сокращения ядерного потенциала. В 2018 году заместитель высокого представителя ООН по вопросам разоружения Томас Маркрам на открывшейся в штаб-квартире ООН сессии Комиссии ООН по разоружению заявил о необходимости сотрудничества РФ и США по вопросу ядерного разоружения: «В условиях, когда беспокойство в мире по поводу ядерного оружия достигло самого высокого уровня со времен холодной войны, вопросы разоружения и контроля над вооружениями становятся как никогда актуальными» [15].

Таким образом, последние несколько лет взаимоотношений России и США можно охарактеризовать как сложный этап. Несмотря на то, что период конфронтации времен Холодной войны окончен, многие эксперты считают, что ведущие страны мира прикладывают недостаточно усилий в вопросах ядерного разоружения и мировое сообщество обеспокоено таким положением вещей и ждет конструктивного диалога. Можно констатировать, что в военно-политической сфере у представителей данных стран существует множество кардинальных расхождений по ряду ключевых вопросов, но проблема нераспространения и уничтожения ядерного вооружения занимает центральное место в данном сотрудничестве. Ведущие политические деятели и дипломаты РФ и США по-разному трактуют двухсторонние договоренности, но, несмотря на это, именно на эти страны ложится особая ответственность в деле ядерного разоружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлов В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях / В. Орлов, Р. Тимербаев, А. Хлопков. – М.: ПИР-Центр, 2001. – 152 с.
2. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения: реальность или миф? / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 101 с.
3. Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века). – Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран, вып. 9. – М., 2011. – С. 51-54.
4. Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <https://s3.amazonaws.com/unoda-web/wp-content/uploads/2018/02/disarmament-yearbook-2015-part2-ru.pdf>
5. Ежегодник СИПРИ 2017 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН: пер. с англ. Редкол.: А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский и др. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 772 с.
6. Лондонский международный институт стратегических исследований (IISS) [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <https://www.iiss.org/>
7. Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml
8. Nuclear Posture Review (NPR) [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>
9. National Security Strategy, May 2010, The White House. [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf
10. Barack Obama and Dmitry Medvedev promise nuclear arsenal deal by end of year//The Guardian: ежедн. интернет-изд. [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <http://www.theguardian.com/world/2009/apr/01/us-russia-nuclear-deal>
11. Barack Obama launches doctrine for nuclear-free world//The Guardian: ежедн. интернет-изд. [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <http://www.theguardian.com/world/2009/apr/05/nuclear-weapons-barack-obama>
12. О российско-американском Договоре о СНВ [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: http://www.mid.ru/voenno-strategiceskie-problemy/-/asset_publisher/hpkjeev1aY0p/content/id/80474.

13. Международные договоры об ограничении и запрещении ядерных испытаний и контроль их соблюдения. – М.: Министерство обороны РФ, 1999.
14. Press Call Previewing the Nuclear Security Summit // The White House [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/03/30/press-call-previewing-nuclear-security-summit>
15. В ООН заявили, что Россия и США должны вести диалог по вопросам разоружения [Электронный ресурс] Режим доступа к документу: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5088530>

Поступила в редакцию 27.01.2019 г.

BASIC DIRECTIONS OF RUSSIA-US RELATIONSHIPS IN THE ISSUE OF NUCLEAR DISARMAMENT AT THE PRESENT STAGE

L.V. Komarova

This article analyzes the process of cooperation and the development of political relations between the United States and the Russian Federation in the nuclear field at the present stage. An analysis of the prerequisites of the current situation in the international arena, the contractual framework, as well as the foreign policy strategies of these countries has been made. The author focuses on such events as the implementation of bilateral and international agreements.

Key words: nuclear sphere, mutual relations of the USA and the Russian Federation, nuclear disarmament, strategy, contractual base.

Комарова Людмила Валерьевна

Кандидат исторических наук;
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
доцент кафедры международных отношений и
внешней политики.
E-mail: marusja200781@mail.ru

Komarova Lyudmila Valerievna

Candidate of History,
Donetsk National University, Associate
Professor at the Department of International
Relations and Foreign Policy
E-mail: marusja200781@mail.ru

УДК 341.123:341.3 (540:549.1) "1948/1949"

РОЛЬ ООН В РЕШЕНИИ КАШМИРСКОГО КОНФЛИКТА (ЯНВАРЬ 1948–ИЮЛЬ 1949 гг.)

© 2019. *О. А. Дибас, Л. С. Милокост*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проанализирована роль ООН в решении кашмирского конфликта в январе 1948 – июле 1949 гг. Рассмотрены основные резолюции Совета Безопасности ООН по данному вопросу и их влияние на развитие процесса мирного урегулирования конфликта между Индией и Пакистаном относительно территории княжества Джамму и Кашмир.

Ключевые слова: кашмирский конфликт, международно-правовые механизмы урегулирования, резолюция Совета Безопасности ООН, плебисцит, линия прекращения огня.

Актуальность изучения роли ООН в урегулировании проблемы Кашмира определяется рядом факторов. Во-первых, анализом возможности решения этнических и религиозных конфликтов посредством международно-правовых механизмов в рамках международной организации и имплементацией данного опыта. Во-вторых, спецификой кашмирского конфликта, который, возникнув как пограничный территориальный спор, трансформировался в часть макрорегионального, который является одним из дестабилизирующих факторов безопасности в регионе Южная Азия и в начале XXI века.

Историография изучения проблемы Кашмира разнообразна и представлена исследованиями как российских (прежде всего, научные труды С. А. Баранова [1], В. Я. Белокреницкого [2], Т. Л. Шаумян [3]), так и зарубежных специалистов (например, работы В. В. Бейкера [4], Н. Ч. Бехеры [5], В. Д. Чопры [6], О. Б. Джонса [7]). Однако исследования, предметом которых является изучение роли ООН в медиации кашмирского конфликта, в отечественном научном дискурсе малочисленны. К ним можно отнести диссертационное исследование Д. В. Спирина [8] и работы Н. В. Мелехиной [9].

Целью данного исследования является анализ попыток поиска путей урегулирования кашмирского конфликта в рамках ООН в январе 1948 – июле 1949 гг.

Представитель Индии в ООН, П. П. Пиллай, 1 января 1948 года направил официальную жалобу Председателю Совета Безопасности на Пакистан, обвиняя последний в агрессии на территории Кашмира. Представитель Индии указывал на то, что индийское правительство обращается к ООН с просьбой потребовать от Пакистана: 1) предотвращения участия пакистанских военных лиц во вторжении на территорию Джамму и Кашмира; 2) призвать гражданских лиц Пакистана воздержаться от принятия участия в боях в штате Джамму и Кашмир; 3) не допустить использования территории Пакистана для организации операции в Кашмире и не оказывать иные виды помощи захватчикам [11].

В документе содержалось предложение принять участие в урегулировании конфликта посредством организации и проведения плебисцита или референдума на территории княжества. Так, в письме указывалось, что «...как только земля штата будет очищена от захватчика и восстановлены нормальные условия, жители штата

могли бы свободно решить свое будущее признанным демократическим методом плебисцита или референдума, который для обеспечения прозрачности может быть проведен под эгидой международного сообщества» [11].

15 января 1948 года министр иностранных дел оформил ответ Пакистана на имя Генерального секретаря ООН с просьбой направить его в Совет Безопасности для принятия соответствующих мер. В ответе, который был представлен тремя документами, отрицалось, во-первых, участие Пакистана в осуществлении подготовки вооруженного вторжения; во-вторых, совершение Пакистаном акта агрессии против Индии. Указывалось, что, возможно, «... определенное количество добровольцев из Пакистана оказывали помощь войскам Азад Кашмира», но это не является свидетельством участия Пакистана в данных событиях [12]. По поводу предложения Индии провести в княжестве плебисцит, пакистанское правительство указывало, что для его осуществления необходимым условием будет нормализация ситуации посредством вывода с территории военных подразделений и формирование новой администрации. Одновременно пакистанская сторона необходимым условием для проведения плебисцита рассматривала деятельность ООН по обеспечению прекращения огня и решению вопроса с беженцами, созданию новой администрации [12].

В результате рассмотрения кашмирского вопроса 17 января 1948 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 38 (1948), которая юридически закрепила вовлечение этой организации в конфликт в Кашмире [13]. В этой резолюции содержался призыв к правительствам Индии и Пакистана действовать в рамках «... их полномочий, направленных на улучшение положения, и воздерживаться от любых заявлений... и действий, которые могут ухудшить положение» [13]. Резолюция предполагала также дальнейшее рассмотрение Советом вопросов относительно конфликта Индии и Пакистана. В результате уже 20 января 1948 г. Советом Безопасности принимается резолюция 39 (1948), в соответствии с которой учреждается Комиссия ООН по Индии и Пакистану, состоявшая из представителей трех государств: из которых – один должен быть выбран Индией, один – Пакистаном, а третий – назначаться двумя другими членами [14]. Основная работа комиссии была определена как подготовка к проведению плебисцита.

В соответствии с резолюцией предусматривалось, что Комиссия должна действовать под руководством СБ ООН и согласно директивам, которые она получит от него. Были также определены функции Комиссии, а именно: 1) расследование фактов в соответствии со статьей 34 Устава ООН; 2) осуществление любых посреднических функций; 3) выполнение распоряжений СБ ООН; 4) составление отчета о выполнении распоряжений Совета Безопасности [14].

При дальнейшем рассмотрении вопроса представитель Бельгии предложил такую последовательность действий по решению конфликта: проведение плебисцита и формирование нового правительства, а затем – реализация конкретных шагов для содействия прекращению военных столкновений в княжестве, что, по сути, отвечало интересам Пакистана и Азад Кашмир. Данная позиция была поддержана представителями западноевропейских государств и США. Однако бельгийские предложения не получили поддержку со стороны Индии, которая рассматривала первоочередной задачей именно вывод войск с территории княжества. Когда индийская делегация вернулась домой для консультаций с правительством, пакистанские представители жаловались, что Индия использовала этот период для дипломатического

торга с Великобританией и США с целью изменения их позиции по проблеме Кашмира [15, с. 34].

В третьей резолюции по Индии и Пакистану от 21 апреля 1948 года было принято решение увеличить членский состав Комиссии до пяти представителей [16]. При этом предусматривалось, что в случае не укомплектованности Комиссии в течение 10 дней после принятия резолюции, Председатель СБ ООН имеет право доукомплектовать состав Комиссии. В числе членов Комиссии ООН были избраны Чехословакия (кандидатура была предложена Индией), Бельгия и Колумбия (назначенные советом 23 апреля), Аргентина (предложенная Пакистаном 30 апреля 1948 г.), США (назначенные Председателем Совета Безопасности 7 мая 1948 г. ввиду отсутствия соглашения между Аргентиной и Чехословакией в отношении члена Комиссии, который должен быть назначен ими). В резолюции была оговорена необходимость срочного выезда Комиссии в регион конфликта для принятия необходимых мер как для восстановления мира и порядка, так и для подготовки к проведению плебисцита [16].

В соответствии с резолюцией 47(1948) указывалось, что для восстановления мира и порядка Пакистан должен был обеспечить вывод с территории Джамму и Кашмира лиц, «обычно не проживающих в этом штате, а проникших туда для участия в вооруженной борьбе», а также не допускать дальнейшего проникновения военных контингентов на территорию штата и оказания им материальной помощи [16]. Одновременно правительство Индии должно было незамедлительно приступить к консультациям с Комиссией по вопросу вывода своих собственных вооруженных сил и постепенного сокращения их до размеров, необходимых для поддержания законности и порядка на спорной территории.

На правительство Индии возлагалась ответственность за учреждение в Джамму и Кашмире администрации для проведения в кратчайший срок плебисцита. Учреждаемая администрация наделялась всеми необходимыми полномочиями для проведения плебисцита, включая право контроля над военными и полицейскими силами княжества. Кандидатуру на должность администратора по проведению плебисцита предлагал Генеральный секретарь ООН. В свою очередь администратор по проведению плебисцита имел право предлагать кандидатуру своих помощников и других подчиненных, а также выработать правила проведения плебисцита. Администратор имел право непосредственной связи с правительством Джамму и Кашмира и с Комиссией Совета Безопасности, а также через Комиссию с Советом Безопасности, с правительствами Индии и Пакистана и с их представителями в Комиссии [16].

15 июня 1948 года в Женеве начала работу созданная в соответствии с резолюциями СБ ООН Комиссия по Индии и Пакистану. По прибытию в г. Карачи представители Комиссии были проинформированы об очередной эскалации конфликта и получили сведения о пребывании пакистанских подразделений на территории княжества Джамму и Кашмир. Это было классифицировано как «существенное изменение ситуации» в рамках положений резолюции Совета Безопасности от 17 января 1948 года, о котором Пакистан немедленно должен сообщить ООН.

В результате работы Комиссии, несмотря на новые вспышки боев в конце 1948 г., Индия и Пакистан все же согласились на прекращение огня. Это было закреплено резолюцией, одобренной Комиссией ООН по Индии и Пакистану от 13 августа 1948 года [17]. Комиссия призвала стороны к прекращению огня и указала, что Исламабад должен согласиться на вывод своих войск с территории Кашмира. Индийское правительство в соответствии с резолюцией должно было вывести из княжества основную часть своей армии, оставив лишь силы, необходимые для поддержания порядка. После вывода

пакистанских войск планировалось организационная работа по подготовке к проведению плебисцита на территории княжества Джамму и Кашмира [17].

Исходя из того, что вышеперечисленные условия предусматривали вывод всех пакистанских войск и лишь частично индийских, Исламабад был в целом не доволен принятой резолюцией. Даже присутствие представителя Комиссии не обеспечило бы, по мнению пакистанского правительства, должного наблюдения за «прозрачностью» проведения плебисцита. В результате Пакистан не принял резолюцию СБ ООН от 13 августа 1948 года. В письме, которое было направлено в Комиссию 6 сентября 1948 года, указывалось, что необходимо де-факто признать правительство «Азад Кашмира» участником конфликта и провести разграничение между пакистанскими войсками и собственными вооруженными формированиями Свободного Кашмира, которые не подлежали бы выводу с зоны конфликта. Кроме того, Пакистан требовал одновременного вывода индийских войск с территории Кашмира [18].

В декабре 1948 года Комиссия выступила с новыми предложениями, в которых содержалась детальная разработка принципов проведения плебисцита. Данные предложения были направлены одновременно в Дели и Карачи, где вызвали положительную оценку как индийской, так и пакистанской стороны. Так, Индия была удовлетворена, прежде всего, тем, что, по сути, правительство Шейха Абдуллы, в соответствии с предложениями, было признано временным правительством Кашмира. Пакистану в свою очередь импонировало то, что администратор плебисцита будет назначен Генеральным секретарем, который должен был провести консультации с Индией и Пакистаном по этому вопросу. Кроме того, администратор плебисцита не мог быть избран из сотрудников правительства Кашмира и имел «эксклюзивные» полномочия по организации и проведению плебисцита [15, с. 89].

23 декабря 1948 года правительство Индии, а 25 декабря правительство Пакистана подтвердили свое согласие с предложениями Комиссии. По предложению Совета Безопасности посредником между Индией и Пакистаном был назначен канадский генерал А.Г.Л. Макнотон. Стоит заметить, что на определенное изменение в позиции Пакистана, а, по сути, принятие за основу ранее отвергнутых предложений, оказало влияние несколько факторов: 1) смерть М.А. Джинны в конце сентября 1948 года; 2) экономическая нестабильность Пакистана как следствие необъявленной войны с Индией; 3) военный успех Индии в Хайдарабаде и Кашмире в ноябре – декабре 1948 года.

В результате 5 января 1949 г. Комиссия ООН по Индии и Пакистану приняла резолюцию, согласно которой для урегулирования кашмирской проблемы необходимо было проведение плебисцита, о котором речь шла в резолюции от 13 августа 1948 г., направление военных наблюдателей ООН в бывшее княжество Джамму и Кашмир. Условием проведения плебисцита было обозначено полное прекращение огня и соблюдение договоренности [19], изложенные в частях I и II резолюции Комиссии от 13 августа 1948 года, выполнение всех подготовительных работ, необходимых для осуществления волеизъявления жителей штата Джамму и Кашмир. Генеральный секретарь ООН, по согласованию с Комиссией, должен был назначить администратора плебисцита, с которым должны сотрудничать все гражданские и военные власти, основные политические силы в штате. Детально прорабатывался вопрос о механизме признания результата плебисцита [19]. В резолюции указывалось, что деятельностью по организации плебисцита будет руководить администратор, формально назначенный правительством Кашмира, но де-факто ООН.

24 января 1949 года в район расположения миссии ООН прибыла первая группа невооруженных военных наблюдателей, главной целью которых было: 1) наблюдения

за выполнением соглашения о прекращении огня в Джамму и Кашмире; 2) оказания поддержки Военному советнику Комиссии [20].

Первостепенной задачей было установление линии прекращения огня. Так, 2 июля 1949 года Комиссия по Индии и Пакистану направила индийскому и пакистанскому правительствам письмо с предложением направить своих военных представителей для обсуждения вопроса о возможности установления линии прекращения огня в штате Джамму и Кашмир. В письме указывалось, что запланированные «...встречи будут проводиться в военных целях, а политические вопросы не будут рассматриваться» и что «...они будут проводиться без ущерба для переговоров о перемирии» [21]. Уже 7 июля Комиссией был получен положительный ответ, как от правительства Индии, так и от правительства Пакистана.

В результате ряда встреч в Карачи в период с 18 по 27 июля 1949 года между представителями Индии (генерал-лейтенант С.М. Шринагеш, генерал майор К.С. Тимайя, бригадир С.Х.Ф.Дж. Манекшау), Пакистана (генерал-майор В.Д. Кауторн, генерал-майор Назир Ахмед, бригадир М. Шер Хан) и Комиссии по Индии и Пакистана ООН, в состав которой входили Х. Сэмпер (Колумбия), В.Л.С. Уильямс (США), генерал-лейтенант М. Делвои (советник по военным вопросам) и М.А. Марин (советник по юридическим вопросам), были достигнуты договоренности, которые легли в основу соглашения о линии прекращения огня в Джамму и Кашмире, подписанного 27 июля 1949 года [21].

В соответствии с документом «Соглашение между военными представителями Индии и Пакистана в отношении создания линии прекращения огня в штате Джамму и Кашмир» линия прекращения огня рассматривалась в качестве дополнения к приостановлению военных действий, содержащееся в части I резолюции Комиссии ООН по Индии и Пакистану от 13 августа 1948 года. Линия прекращения огня проходила от Манавара на юге, на севере до Керана и от Керана к востоку до зоны ледника. В соглашении четко были определены районы, через которые проходила линия прекращения огня. При этом указывалось, что войска останутся на расстоянии не менее 500 ярдов от линии прекращения огня, а районы, которые указывались как включенные в сферу влияния Индии и Пакистана, могут быть заняты этой стороной, но войска другой стороны должны оставаться на расстоянии 500 ярдов. Сторонам разрешалось свободно регулировать свои оборонительные позиции по линии прекращения огня, при условии, что при строительстве новых бункеров и защитных сооружений не будет иметь место минирование. Комиссия ООН получало право направлять своих представителей на линию прекращения огня для инспектирования ситуации.

«Соглашение между военными представителями Индии и Пакистана в отношении создания линии прекращения огня в штате Джамму и Кашмир» также предусматривало: 1) право Комиссии размещать своих наблюдателей там, где она сочтет необходимым; 2) процедуру контроля над прекращением огня на местах, в которой участвовали командиры местных подразделений с каждой стороны при поддержке военных наблюдателей ООН; 3) рассмотрение спорных вопросов Военным советником, решение которого являлось окончательным; 4) 30-дневный срок для того, чтобы стороны освободили находящиеся на время подписания соглашения районы за пределами линии прекращения огня [21].

Таким образом, основным результатом деятельности Совета Безопасности ООН по решению кашмирского конфликта в январе 1948 – июле 1949 гг. стала линия прекращения огня в Кашмире. Одновременно было достигнуто решение о необходимости проведения плебисцита на территории Джамму и Кашмира, условием

осуществления которого было обозначено полное прекращение огня и соблюдение достигнутых ранее договоренностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов С. А. Сепаратизм в Индии. – М.: ИВ РАН, 2003. 238 с.;
2. Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. / В. Я. Белокреницкий. – М.: ИВ РАН, 2016. – 712 с.;
3. Шаумян Т. Л. Кто и почему воюет в Кашмире?: индо-пакистанское вооруженное противостояние в Каргиле: причины и последствия / Л. Г. Шаумян. – М.: НИОПИК, 1999. – 63 с.;
4. Baker W. W. Kashmir: Happy Valley, Valley of Death. LasVegas : Defenders publication, 1994. – 175 p.;
5. Behera N. Ch. Demystifying Kashmir. Washington: The Brookings Institution, 2006. – 359 p.;
6. Chopra V. D. Genesis of Indo-Pakistan Conflict on Kashmir. New Delhi: Patriot Publications, 1990. 260 p.;
7. Jones O. B. Pakistan: Eye of a Storm. London : Yale University Press, 2002. – 328 p.
8. Спириин Д. В. История кашмирского конфликта и роль ООН в поиске путей его урегулирования : автореф. дис. ...к.и.н. : 07.00.03 / Дмитрий Владимирович Спириин. –М., 1996. – 22 с.
9. Мелехина Н. В. Кашмир в современных индийско-пакистанских отношениях / Н. В. Мелехина // Азия и Африка сегодня. – 2008. – №5. – С. 34–39;
10. Мелехина Н. В. Пути и перспективы урегулирования кашмирского конфликта / Н. В. Мелехина // Восток. – 2008. – №3. – С. 23–32.
11. Government of India's letter to the Security Council. In its letter of 31 December, 1947, taking the Kashmir issue to the UN, the Government of India wrote to the Security Council [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/kasindia.htm>, free.
12. Sheikh Mohammad Abdullah's Speech in UN Security Council, February 1948 [Electronic resource]. – Access mode: www.iammukashmir.nic.in, free.
13. Резолюция СБ ООН 38 (1948) от 17 января 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/21/IMG/NR004821.pdf?OpenElement>, свободный.
14. Резолюция СБ ООН 39 (1948) от 20 января 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/22/IMG/NR004822.pdf?OpenElement>, свободный.
15. Gururaj Rao H. S. Legal aspects of the Kashmir Problem. Bombay : Asia Publishing House, 1967. – 442 p.
16. Резолюция СБ ООН 47 (1948) от 21 апреля 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/30/IMG/NR004830.pdf?OpenElement>, свободный.
17. Резолюция СБ ООН 47 (1948) от 21 апреля 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/30/IMG/NR004830.pdf?OpenElement>, свободный.
18. Acceptance of Instrument of Accession of Jammu and Kashmir State [Electronic resource]. – Access mode: www.kashmir-infomiation.com/historicaldocuments.html, free.
19. Resolution adopted at the meeting of the United Nations Commission for India and Pakistan 1950 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/uncom2.htm>, free.
20. Официальный сайт правительства штата Джамму и Кашмир Индии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iammukashmir.nic.in, свободный.
21. Agreement between Military Representatives of India and Pakistan Regarding the Establishment of a Ceasefire Line in the State of Jammu and Kashmir (Karachi Agreement) [Electronic resource]. – Access mode: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_490729_%20Karachi%20Agreement.pdf, free.

Поступила в редакцию 30.01.2019 г.

UN ROLE IN SOLVING KASHMIR CONFLICT (JANUARY 1948 - JULY 1949)

O. A. Dibas, L. S. Milokost

The article is devoted to the complex investigation of UN role in solving Kashmir conflict in January 1948 – July 1949. The main resolutions of the UN Security Council on this issue and their influence on the development of the peaceful settlement process between India and Pakistan have been considered.

Key words: Kashmir conflict, international legal settlement mechanisms, UN Security Council resolution, plebiscite, cease-fire line.

Дибас Оксана Андреевна

Кандидат исторических наук.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Доцент кафедры всемирной истории и международных отношений.

E-mail: oksana-dibas@rambler.ru.

Dibas Oksana Andreevna

Candidate of Historical Sciences.

SEE HPE LPR «Lugansk National University named after Taras Shevchenko».

Associate Professor of the Chair of World History and International Relations.

E-mail: oksana-dibas@rambler.ru.

Милокост Любовь Сергеевна

Кандидат исторических наук.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Доцент кафедры всемирной истории и международных отношений.

E-mail: lubov.milokost@mail.ru

Milokost Lyubov Sergeevna

Candidate of Historical Sciences.

SEE HPE LPR «Lugansk National University named after Taras Shevchenko».

Associate Professor of the Chair of World History and International Relations.

E-mail: lubov.milokost@mail.ru

УДК 327 : (470 + 571) + (31) (094.2)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДПИСАНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЯПОНИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2019. В.О. Попова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются исторические предпосылки территориального конфликта между Российской Федерацией и Японией, роль США в отношениях двух государств. Анализируются перспективы двусторонних отношений. Оценена вероятность заключения мирного договора между двумя государствами.

Ключевые слова: Российская Федерация, Япония, мирный договор, Курильские острова, Советско-японская декларация 1956 г.

Российская Федерация и Япония принадлежат к числу ведущих международных акторов, однако отягчающим фактором во взаимоотношениях двух государств является односторонняя территориальная претензия Японии, которая не позволяет заключить мирный договор. В свете последних событий и активного сближения двух государств направленного на решение территориального конфликта и подписание мирного договора, тема настоящего исследования представляется особо актуальной. Целью работы является анализ современных российско-японских отношений и перспективы подписания мирного договора.

Наблюдаемая последние десятилетия напряжённость в отношениях двух государств привлекает внимание многих востоковедов. Следует отметить, что работа в данном направлении ведётся в научных учреждениях Российской Федерации: Институт Востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока, выпускающий с 1968 г. сборник научных публикаций «Актуальные проблемы современной Японии», Ассоциация японоведов (Ежегодник «Япония» с 1972 г.) и др. Ведущими японистами являются А. А. Кошкин, Э. В. Молодякова, Д. В. Стрельцов и др., которые посвятили большое количество научных трудов российско-японской проблематике [1].

В данном контексте следует выделить основные исторические факты, оказывающие непосредственное влияние на российско-японские отношения.

«Открытие» Японии и прекращение её изоляции произошло в 1854 г., когда был подписан Канагавский договор между Японией и США. Нельзя упускать из виду тот факт, что подписание состоялось под угрозой корабельной артиллерии американского коммодора М. Перри. Данный прецедент открыл серию кабальных договоров США и Японии и беспрецедентного вмешательства США в дела Японии на протяжении последующих лет.

В историческом аспекте рассмотрения проблемы принадлежности Южных Курильских островов следует выделить следующие события. В 1855 г. был подписан Симодский договор между Россией и Японией. По его условиям все Курильские острова, за исключением ныне оспариваемых, объявлялись владениями России, а Сахалин продолжал оставаться совместным владением двух государств [2]. Согласно Санкт-Петербургскому договору 1875 г. Россия уступала Японии все Курильские острова в обмен на полноправное владение Сахалином [3].

С 1868 г. в Японии начали происходить коренные изменения, которые затронули все сферы жизни страны. «Рестаурация Мэйдзи» (комплекс социально-экономических,

политических и военных реформ в Японии 1868–1912 гг.) превратила отсталую аграрную страну в модернизированную сильную державу. Укрепив свою государственность, Япония перешла к политике внешней экспансии, начиная с Кореи, наталкиваясь на сопротивление Китая, и в дальнейшем затронула интересы Российской империи, вследствие чего между двумя державами разгорелась война, окончившаяся Портсмутским договором 1905 г., который поставил точку в русско-японской войне (1904–1905 гг.). Япония для завершения войны и заключения мира привлекала посредников из Великобритании и Франции. Позже, при посредничестве США был подписан Портсмутский договор. Япония, заручившись американской поддержкой, заранее договаривалась с Вашингтоном о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. Она не смогла бы вести войну, не опираясь на финансовую поддержку английского и американского капитала. Английские банки ещё до войны 1904–1905 гг. финансировали японские военные приготовления. Согласно Портсмутскому договору Россия признала Корею сферой влияния Японии и «уступила» ей южную часть острова Сахалин (до 50° северной широты) с условием, что японцы не будут строить там военные укрепления, и передала арендные права на полуостров Квантун с Порт-Артуром и портом Дальний [4].

С геополитической точки зрения, Российская империя лишилась важных портов, которые позволяли ей беспрепятственно выходить в Жёлтое море, затем в Восточно-китайское море и в акваторию Тихого океана. Остров Сахалин после раздела утратил большую часть своего стратегического значения. Неприемлемой и оскорбительной являлась Статья 11 Портсмутского договора, согласно которой Япония навязывала России рыболовную конвенцию [5]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что русско-японская война положила начало глубоким противоречиям во взаимоотношениях двух держав, имевшим далеко идущие последствия.

В 1920-е годы Япония захватила Северный Сахалин, после чего в 1925 г. была подписана советско-японская конвенция, по которой Япония вывела свои войска с оккупированной территории. В 1930-е гг. советско-японские отношения резко ухудшились, так как в Японии господствовал антикоммунизм.

Пик противоречий в советско-японских отношениях пришёлся на конец Второй мировой войны. 11 февраля 1945 г. на Ялтинской конференции СССР, США и Великобритания достигли письменной договорённости о вступлении Советского Союза в войну с Японией при условии возвращения ему Южного Сахалина и Курильских островов [6]. Потерпев поражение во Второй мировой войне, Япония приняла условия Потсдамской декларации 1945 г. и подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Страна лишилась всей своей сферы влияния и части суверенитета.

В сентябре 1951 г. на международной конференции в Сан-Франциско был заключён мирный договор между Японией и 48 странами-участницами антигитлеровской коалиции, согласно которому Япония отказалась от всех прав на Курильские острова и остров Сахалин [7]. СССР не подписал договор, так как в англо-американском проекте документа не было указано в чью пользу Токио откажется от Курильских островов, Южного Сахалина и других территорий. В ранее предложенном советском проекте было больше конкретики. И. В. Сталин не мог допустить, чтобы СССР оказался связанным договором с размытыми условиями, позволявшими оспорить советские права на те или иные земли.

12 декабря 1956 г. вступила в силу Советско-японская декларация. Согласно документу СССР соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора [8]. Стороны вплотную подошли к урегулированию конфликта, однако Вашингтон снова вмешался в политические решения Японии и

пригрозил Токио, что если по мирному договору с СССР Япония откажется от притязаний на острова Кунашир и Итуруп, США навечно сохраняют за собой оккупированные японские территории: остров Окинава и весь архипелаг Рюкю. Параллельно, США стали играть на национальных чувствах японцев, насаждая мысль, что данные острова исконно японские, не принадлежат к Курильской гряде, а являются частью острова Хоккайдо. Таким образом, США, в качестве третьего невидимого участника переговоров, никак не могли позволить СССР и Японии заключить мирный договор и нормализовать двусторонние отношения. Американские военные базы, находящиеся в Японии, играют ключевую роль в азиатско-тихоокеанской стратегии Вашингтона. Российско-японский конфликт является источником перманентной нестабильности на Дальнем Востоке. В данном отношении его можно сравнить с индийско-пакистанским, корейским и другими конфликтами.

Для ещё большего укрепления своих позиций на японских островах, 19 января 1960 г. США заключают с Японией договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности. Этот договор являлся законодательной базой для альянса между двумя государствами и обозначил присутствие военного контингента США с размещением военных баз на территории Японии.

В Памятной записке советского правительства правительству Японии от 27 января 1960 г. заявлялось, что содержание данного договора непосредственно затрагивает интересы соседей Японии, в частности СССР и КНР. Говорилось об американской оккупации островов Окинава и Бонин, ограниченности в действиях и в целом о суверенитете японского государства. Ввиду того, что договор, по сути, лишает японское государство независимости, а американские войска, пребывающие на островах в результате капитуляции Японии, продолжают своё присутствие, складывается новая ситуация, при которой невозможно исполнение обещания Советского Союза по передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г. Многие годы российско-японские отношения не отмечались стабильностью и длительной положительной динамикой.

Отношения резко обострились в 2010 г., когда Президент России Дмитрий Медведев посетил Курильские острова, это вызвало необоснованную критику и резкие высказывания японской стороны.

В постбиполярном мире две страны сотрудничают преимущественно в торгово-экономической сфере. По их признанию, потенциал данного вида двусторонних отношений реализован далеко не полностью. Отягчающим фактором остаются территориальные притязания со стороны Японии. Необходимо подчеркнуть, что в каждой предвыборной кампании японские политики заявляют о своей решимости вернуть «незаконно оккупированные» территории, что закономерно повышает их рейтинги. Тем не менее, никто при этом не формулирует конструктивных предложений, а озвучиваются лишь требования.

Потепление в отношениях произошло в 2013 г. 29–30 апреля состоялся официальный визит Премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Россию, в ходе которого были проведены переговоры с Владимиром Путиным. При этом было акцентировано намерение возобновить диалог о мирном договоре, взаимодействовать при решении различных международных проблем, а также углублять сотрудничество в различных областях.

Закрепила тенденцию налаживания отношений встреча глав государств в 2014 г. в Сочи. «Мы сотрудничаем в целом ряде международных организаций, сотрудничаем

весьма успешно и плодотворно. ... расширяются торгово-экономические связи. ... Всё это создаёт хорошие предпосылки для решения и самых сложных межгосударственных вопросов» [9], – сказал Владимир Путин.

Во время украинского кризиса, Токио, демонстрируя солидарность с позицией других стран «семёрки», ввёл в 2014 г. санкции в отношении некоторых российских высокопоставленных лиц и организаций. В ответ последовала реакция России, которая ограничила въезд некоторых японских граждан на свою территорию. По этому поводу губернатор Токио Ёити Масудзоэ во время визита в Томск, где проходил саммит глав городов Азии признал, что Япония ввела санкции в отношении России под давлением США. Чиновник полагает, что его стране в очередной раз пришлось пойти на поводу у американского правительства из-за сложной ситуации в сфере национальной безопасности. Это вынуждает Японию в своей политике опираться на военные возможности Штатов [10]. Позже последовали японские санкции в отношении российских банков.

В марте 2015 г. Крым посетил бывший премьер-министр Японии Юкио Хатояма. Он высказал своё мнение о кризисе российско-японских отношений: «Я всего второй день в Крыму, но мне удалось собственными глазами увидеть, что крымчане живут вполне счастливой и мирной жизнью. Выбор в пользу вхождения в состав России был сделан совершенно очевидно не под влиянием какого-то вооружённого воздействия, а в связи с собственными чаяниями и настроениями. Танков на улицах городов я не наблюдал, разумеется. Очевидно, что информация в западных СМИ преподносится в одностороннем ключе» [11].

В октябре 2015 г. заявление о намерении российского и японского руководства встретиться и поговорить о заключении мирного договора сразу же вызвало резкую критику Вашингтона. Представитель Госдепа США Джон Кирби заявил, что сейчас не время вести мирные переговоры из-за позиции России по Украине и Сирии [12]. Факты указывают на прямое вмешательство во внешнюю политику Японии и разоблачают всю несостоятельность и в какой-то степени беспомощность японского руководства. Несмотря на неконструктивную позицию Вашингтона, российский и японский лидеры провели переговоры в ноябре 2015 г. «на полях» саммита Большой двадцатки в турецкой Анталье, где обе стороны выразили заинтересованность в продолжении сотрудничества.

В последнее время активизировались контакты на высшем уровне. 15–16 декабря 2016 г. состоялся первый за одиннадцать лет официальный визит Президента Российской Федерации В. Путина в Японию (г. Нагато и г. Токио). Его итоги стали отправной точкой на пути к плодотворному сотрудничеству двух государств в различных сферах. Было подписано 12 межправительственных и межведомственных, а также 68 коммерческих договоров, начат диалог по налаживанию совместной хозяйственной деятельности (СХД) на южных Курильских островах.

27–28 апреля 2017 г. Синдзо Абэ в ходе рабочего визита в Россию обсудил с Владимиром Путиным первые итоги реализации декабрьских договорённостей.

24–26 мая 2018 г. состоялся официальный визит Синдзо Абэ в Россию, в рамках которого глава японского правительства принял участие в Петербургском международном экономическом форуме, а также в церемонии открытия «перекрёстных» годов России и Японии.

На встрече в Сингапуре 14 ноября 2018 года президент России Владимир Путин и премьер-министр Японии Синдзо Абэ договорились об активизации российско-японских переговоров о заключении мирного договора на основе Совместной

декларации от 19 октября 1956 года, в которой говорится о прекращении состояния войны между двумя государствами, восстановлении дипломатических и консульских отношений.

9 января 2018 г. посол Японии в России Гоёхиса Кодзуки был приглашён в МИД России, ввиду того, что в последнее время японское руководство искажает суть договорённостей Владимира Путина и Синдзо Абэ по проблеме мирного договора. В высказываниях говорится о необходимости «добиться понимания» жителей южных Курил по вопросу о «переходе территориальной принадлежности островов к Японии», а также об «отказе от требования выплаты Россией компенсаций» в пользу Японии и бывших японских жителей за «послевоенную оккупацию островов». Из этого следует, что Япония уже считает спорные острова своими, хотя Совместная декларация 1956 года не предусматривает автоматической передачи каких-либо территорий, а также там не указывается основание передачи островов Шикотан и Хабомаи.

На основании всего вышесказанного можно констатировать, что сложившаяся ситуация не имеет однозначной динамики, это затрудняет диалог Российской Федерации и Японии. Отягчающий фактор в виде территориальных претензий отходит на второй план. Главным препятствием для нормализации двусторонних отношений являются действия США, стремящихся играть роль «медиатора». Давление на японскую внешнюю политику и гегемонистские притязания Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе не позволяют даже приблизиться к заключению мирного договора. США чётко дают понять, что не заинтересованы в решении вопроса, а, наоборот, им выгоден бесконечно тлеющий конфликт, который в нужный момент всегда можно будет использовать в своих интересах. На данный момент заключение мирного договора всецело зависит от решительности японского руководства. Сейчас Япония является, по сути, оккупированной и полностью зависимой от США территорией. Она до сих пор не обладает всей полнотой власти на своём же острове Окинава, закрывая глаза на регулярные правонарушения американских солдат и строительство новой базы США вопреки протестам местных жителей. Пока Токио следует в фарватере американской внешней политики, урегулирование конфликта невозможно. Со своей стороны, СССР уже предлагал оптимальный план решения вопроса, который поначалу устраивал Японию. Для России Курильские острова являются стратегически важными, отказ от них немыслим по целому ряду соображений. Они представляют собой цепь вулканических островов между Камчаткой и Хоккайдо (Япония), отделяют Охотское море от Тихого океана. Следовательно, обладание Курильской грядой имеет ключевое значение для российского контроля над Охотским морем, которое с 15 марта 2014 г. является признанным полностью внутренним морем РФ [13]. В связи с тем, что оно отличается суровым ледовым режимом, это обстоятельство для России является крайне важным фактором, а незамерзающие проливы Екатерины и Фриза гарантируют стратегические выходы в акваторию Тихого океана. Курильские острова беспелляционно являются неотъемлемой частью территории Российской Федерации на законных основаниях по итогам Второй мировой войны и согласно принципам, закреплённым в Уставе ООН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. – М.: Вече, 2010. – 480 с.; Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XX, 2004. – 284 с.
2. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, (1842-1925) / Проф. Э. Д. Гримм. – Москва: Инст-т востоковедения, – 1927 – С. 52.

3. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях Часть I: От Французской Революции до империалистической войны / Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. – М.: Литиздата Н.К.И.Д., – 1925. – С. 214
4. Кабанов Д. С. Роман Романович Розен и заключение Портсмутского мирного договора 1905 года. / Д. С. Кабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – №2. – С. 179–184
5. Сборник договоров России с другими государствами. 1856 – 1917 / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 341
6. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: Документы и мат-лы. Том 3. – М.: Госполитиздат, – 1947. – С. 111-112.
7. Сборник документов и материалов по Японии. (1951-1954 гг.). – М: ДВО МИД СССР, – 1954 – С. 89–104.
8. Декларации, заявления и коммюнике Советского Правительства с правительствами иностранных государств. 1954-1957 гг. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 313–316
9. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 08 февраля 2014 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20184>.
10. Губернатор Токио: Япония ввела санкции против России под давлением США // «Первый канал». 04 сентября 2014 г. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/266948>.
11. Экс-премьер Японии не увидел в Крыму танков и голодающих людей // ТАСС. Информационное агентство России. 11 марта 2015 г. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1819984>
12. США раскрыли намерение Японии начать переговоры с Россией о заключении мирного договора // «Первый канал». 11 октября 2015 г. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/293920>
13. Зыкова Т. Охотское море – наше все. ООН увеличила просторы России на 52 тысячи километров // Российская газета. 17 марта 2014 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/03/17/more.html>.

Поступила в редакцию 21.01.2019 г.

THE PROSPECTS OF SIGNING A PEACE TREATY BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND JAPAN

V.O. Popova

The article deals with the historical background of the territorial conflict between the Russian Federation and Japan, the role of the United States of America in the relations between the two States. The prospects of bilateral relations are analyzed. The probability of a peace Treaty between the two States is estimated.

Key words: Russian Federation, Japan, peace Treaty, Kuril Islands, Soviet-Japanese Declaration of 1956.

Попова Валерия Олеговна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
аспирант кафедры международных отношений и
внешней политики.

E-mail: valeria.popova12@mail.ru

Popova Valeria Olegovna

SCE HPE “Donetsk National University”,
Graduate Student of the Chair of International
Relations and Foreign Policy.

E-mail: valeria.popova12@mail.ru

УДК 94 : 322 : 271.222(477)

АВТОКЕФАЛИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЛИ УГЛУБЛЕНИЕ РАСКОЛА ПРАВОСЛАВИЯ НА УКРАИНЕ

© 2019. Д.В. Посредников

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются причины и тенденции развития политико-конфессионального конфликта на Украине. Накладываясь на контекст гражданской войны и на обострение международной обстановки, предоставление Томоса неканоническим религиозным организациям таит серьезный конфликтогенный потенциал для Украины и мирового православия.

Ключевые слова: православие, Томос, УПЦ, ПЦУ, Украина.

В прошедшие десятилетия украинских исследователей православия привлекали история УАПЦ, специфика «украинской религиозности», «киевцентричная традиция». Проблема преодоления раскола в православии решалась исключительно с позиции создания независимой от Москвы Украинской поместной православной церкви. Данная идея разрабатывалась Отделением религиоведения Института философии имени Г.С. Сковороды НАНУ [1], звучала рефреном на научных конференциях [2] и в диссертационных работах [3]. Центр религиозной информации и свободы Украинской ассоциации религиоведов издавал сборники, посвященные проблемам государственно-церковных отношений, цель которых – приблизить государственно-конфессиональную сферу к европейским стандартам [4]. Европейский университет в брошюре [5] даже ввел в оборот понятие: «суверенитет Украины в духовно-религиозной сфере». Основная идея большинства украинских публикаций: обретение духовной независимости от «московского православия», преодоление раскола путем слияния УПЦ КП, УАПЦ с УПЦ при активной роли государства и ВСЦиРО [6]. При этом такие понятия как «каноничность» и «раскол» были вынесены за рамки дискурса. Альтернативная точка зрения была слышна только в сборниках, подготовленных пресс-службой УПЦ под редакцией В.С. Анисимова [7].

Цель работы – в соответствии с хронологией событий выявить основные тенденции развития внутривосправославного кризиса на Украине.

Религиозный конфликт на Украине имеет в качестве истоков процессы, произошедшие с начала образования украинского государства. Доминирующая линия: «Независимому государству – независимую церковь» [8] обозначилась в поддержке администрациями Л.М. Кравчука, Л.Д. Кучмы и В.А. Ющенко неканонических «киевцентричных» УПЦ КП и УАПЦ. Последние же Константинопольской православной церковью признавались как «раскольничьи сообщества». Сам патриарх Варфоломей еще в начале 1990-х г. вынес вердикт: «Такой институции, как киевский патриархат, в Православии не существует, а Филарета никто не считает архиереем». В случае перехода в Константинопольский патриархат клириков из УПЦ КП и УАПЦ перерукополагали [9]. Поэтому неизменным условием, которое ставил Константинопольский патриархат. Вступая в переговоры с украинским руководством по «предоставлению Томоса Украине», было участие в проекте канонической УПЦ.

Новейший этап развития религиозного кризиса на Украине связан с инициированием 17 апреля 2018 г. президентом Украины Петром Порошенко

переговоров с Константинопольским патриархом Варфоломеем о предоставлении «Украине» Томоса (грамоты о предоставлении автокефалии). Предполагалось, что в объединенную церковь войдут пребывающие в расколе УПЦ КП, УАПЦ и максимальное число епархий и приходов канонической УПЦ. Результатом такого объединения виделось создание крупнейшей православной церкви. Так, на 1 января 2018 г. общин: УПЦ – 12 348, УПЦ КП – 5 167, УАПЦ – 1 167, УГКЦ – 3 433; всего – 22 115. О серьезности отношения к православию верующих данных религиозных организаций свидетельствует статистика монашествующих. В 211 монастырях УПЦ проживало 4 721 монахов (по 22 на монастырь); в 62 монастырях УПЦ КП – 216 (по 3,5 на монастырь), в 12 монастырях УАПЦ числилось 15 человек (по 1 на монастырь) [10].

Как известно, механизм предоставления автокефалии во Вселенской церкви прорабатывался с Родосского совещания (1961 г.) и Межправославной подготовительной комиссии. В 2009 году была согласована формула: «...Вселенский Патриарх официально провозглашает автокефалию ходатайствующей об этом Церкви посредством издания Томоса об автокефалии. Этот Томос подписывается Вселенским Патриархом и свидетельствуется подписями в нем Блаженнейших Предстоятелей святейших Православных Церквей, приглашенных для этого Вселенским Патриархом» [11]. После отказа РПЦ и ряда церквей от участия во Всеправославном соборе на Кипре, вопрос о предоставлении автокефалии остался не урегулированным. Константинополь считал его своей прерогативой. Московский патриархат отстаивал формулу «сопровождают», учитывающую позиции поместных церквей.

22 апреля УПЦ заявила, что «...согласно 36 ст. Конституции Церковь отделена от государства, а потому вопросы церковной жизни Церковь решает самостоятельно» [12]. УПЦ к Патриарху Варфоломею с просьбой предоставить ей автокефалию не обращалась, не уполномочивала на это ни президента, ни депутатов Верховной Рады. Тем не менее, Синод Константинопольской церкви обращение от Украины к рассмотрению принял.

К 1030-летию крещения Руси в Киеве прошли два крестных хода. Власть, стараясь показать количественное превосходство участников от УПЦ КП и УАПЦ над УПЦ, прибегла к манипуляциям. По данным полиции, 27 июля в крестном ходе УПЦ приняло участие 20 тыс. человек (УПЦ заявила о 250 тыс.). 28 июля УПЦ КП и УАПЦ дали цифру в 65 тыс. [13].

31 августа патриарх Московский Кирилл пытался убедить патриарха Варфоломея: «На Майдане произошел госпереворот и новая незаконная власть пытается через автокефалию укрепить свои позиции», и высказал мнение, что на Украине будет пророссийская власть. На что Варфоломей заметил, что у Московского патриархата на Украине нет полной поддержки, а его представители не могут туда свободно ездить [14]. 1–3 сентября на Синаксисе (собрании архиереев) Константинопольского патриархата было принято положение о предоставлении автокефалии Украинской церкви. 7 сентября патриарх Варфоломей назначил своих экзархов на Украине. 13 сентября экзарх митрополит Галльский Эммануил (Адамакис) сообщил, что создание Автокефальной Православной Церкви началось.

14 сентября Священный Синод РПЦ заявил, что временно разрывает отношения с Константинопольской церковью. В тот же день Дмитрий Песков заявил, что в Кремле «отслеживают» работу Синода и считают «предпочтительным» сценарий «сохранения единства православного мира» [15].

17 сентября 2018 г. представитель Константинопольского патриархата при Всемирном совете церквей епископ Тельмесский Иов (Геча) в интервью украинским

СМИ заявил: «Украина была и оставалась, даже после 1686 года, канонической территорией только Вселенского Патриархата» [16].

Накануне заседания Синода Константинопольского патриархата состав его участников был изменен. 9–11 октября на Синоде были приняты решения: 1. Об удовлетворении апелляции патриарха Филарета, а также апелляции митрополита Макария. 2. О признании незаконной аннексии Киевской Митрополии Русской Церковью в 1686 г.

15 октября 2018 г. в «Заявлении Священного Синода РПЦ» Константинопольскому патриархату указывались допущенные грубые нарушения канонов: «Вступление в общение с уклонившимися в раскол, а тем паче отлученными от Церкви равносильно уклонению в раскол и сурово осуждается канонами Святой Церкви (Антиохийского Собора правило 2; Апостольские правила 10, 11). Решение об отлучении Филарета от церкви было признано всеми Поместными Православными Церквами, в том числе и Константинопольской Церковью. Об отсутствии прав Константинополя на рассмотрение апелляций из других Церквей свидетельствует 9-е правило IV Вселенского Собора; о невозможности принятия в общение осужденного в иной Поместной Церкви – 15 правило Антиохийского Собора и 116 (118) правило Карфагенского Собора». «Акт 1686 года, подтверждающий пребывание Киевской митрополии в составе Московского Патриархата и подписанный Святейшим Константинопольским Патриархом Дионисием IV и Священным Синодом Константинопольской Церкви, пересмотру не подлежит» [17].

17 октября Порошенко передал Андреевскую церковь (кафедральный собор УАПЦ) Константинопольскому патриархату (ничего не предоставив взамен). И сразу же на Синоде УПЦ КП был изменен титул Филарета: «Святейший и Блаженнейший Филарет, архиепископ и митрополит Киева – матери городов Русских, Галицкий, Патриарх всея Руси-Украины, Свято-Успенская Киево-Печерской и Почаевской Лавр Священноархимандрит».

3 ноября патриарх Варфоломей и Петр Порошенко подписали двустороннее соглашение о сотрудничестве и координации, предположительно содержащее список культовых сооружений, передаваемых в ставропигию (то есть, в прямое управление) Константинопольскому патриархату.

13 ноября Петр Порошенко предпринял новую попытку сломить непокорных иерархов УПЦ. Он лично позвонил митрополиту Онуфрию и в ультимативном тоне потребовал пойти на автокефалию: «Какие каноны!» – кричал Президент в трубку [18]. На проходившем в тот момент соборе УПЦ позиция митрополита Винницкого Симеона (Шостацкий) о поддержке инициативы президента об автокефалии встретила жесткую критику со стороны подавляющего большинства (82 голоса из 83), присутствовавших на соборе архиереев. По итогам работы Синода и Архиерейского собора УПЦ был принят ряд определяющих решений. Вечером на встречу с президентом в Украинский дом явились только митрополит Александр (Драбинко), митрополит Симеон (Шостацкий) и архиепископ Филарет (Зверев).

15 ноября священники Винницы (42 из 44 присутствовавших) выступили против митрополита Симеона, не поддержавшего решений собора УПЦ.

27–29 ноября Синод Вселенского патриархата утвердил коммюнике: «В контексте ранее принятого решения Вселенского патриархата предоставить автокефалию Украинской церкви» [19].

Так как УПЦ не шла на взаимодействие с раскольниками и властью по созданию автокефальной церкви, 5 декабря начались допросы духовенства УПЦ, которому

инкриминировали статьи: «Государственная измена» и «Разжигание религиозной розни». 30 ноября был проведен обыск у митрополита Павла (Лебеда). В тот же день глава Информационно-просветительского отдела УПЦ архиепископ Климент сообщил, что иерархи УПЦ не будут принимать участие в соборе.

Филарет, верно полагая, что теперь, при отсутствии представителей УПЦ, он получит большинство голосов, повел на соборе откровенный торг с президентом и Константинополем. 15 декабря 2018 г. в работе «собора» из УПЦ приняли участие: бывшие митрополиты Александр (Драбинко) и Симеон (Шостацкий) (за сутки до «собора» принятые в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, что по определению Синода УПЦ значило: «...перешли в раскол, ...в диптихе канонических епископов Украины они больше не значатся» [20], архимандрит Дорофей (Маркевич), протоиерей Петр Зуев, протоиерей Богдан Гулямов, протодиакон Ростислав Воробей (запрещены в служении решением Синода УПЦ). Участники собора избрали главу Православной Церкви Украины (ПЦУ) ставленника Филарета Епифания Думенко. Патриарх Варфоломей на «объединительный собор» не явился. Поздравления ПЦУ поступили от Константинопольского патриархата, администрации президента Украины, посольства США (в «Твиттере») и ЛГБТ-сообщества.

Решение Константинопольского патриархата напрямую не поддержала ни одна из 15 православных церквей. Негативную позицию высказали: Александрийская церковь, церковь Чешских земель и Словакии, Православная церковь в Америке. Антиохийская, Польская, Сербская и Кипрская церкви заявили, что не признают ПЦУ и призвали другие поместные церкви обсудить украинский вопрос на Всеправославном соборе или на собрании предстоятелей. Румынская церковь ведет торг с РПЦ за Молдавию. С Грузинской православной церковью активный диалог ведут власти, а также посольство США. На Болгарскую церковь давит премьер-министр Б. Борисов. На позицию Элладской церкви оказывают давление местные власти, а также посол США Дж. Пайетт [21]. Афонские монастыри заявили, что не примут у себя делегацию ПЦУ (приняли в Ксенофонте, Пантократоре, Новом Эсфигмене и Ватопеде).

6 января 2019 г. состоялось вручение Томоса. «Автокефалия» ПЦУ оказалась значительно уже, чем автокефалия УПЦ, вполне сопоставима с экзархатом. Кроме того, под управление Константинополя должны отойти 12 объектов культа на Украине, а также европейские епархии «украинских церквей». На Украине своими действиями Фанар под удар государства и радикалов поставил более 12 000 общин УПЦ.

На «интронизацию» Епифания кроме Константинопольского патриархата и украинского «политикума» никто не явился (на интронизации митрополита Онуфрия в 2014 г. были представители 13 поместных церквей). 5 февраля прошёл первый Синод ПЦУ, на котором команда Филарета повела борьбу за имущество и пересмотр ряда положений Томоса.

На подготовительном этапе и в процессе обретения Томоса были допущены грубейшие нарушения права. Петр Порошенко нарушил Конституцию Украины (ст. 102–112), ст. 5 ЗУ «О свободе совести и религиозных организациях». В УПЦ особую тревогу вызвали: ЗУ № 5 309 от 20 декабря «О внесении изменений в Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» относительно названия религиозных организаций, руководящий центр которой находится в государстве, которое законом признано осуществившим военную агрессию против Украины» (подписан 22 декабря 2018 г.), требующий изменения названия УПЦ, а также ЗУ № 4 128 (об определении принадлежности зданий общине по схеме: 50 % + 1 голос), предоставляющий возможность изымать храмы, принадлежащие УПЦ путем манипуляций с подвозом

«общины». Согласно «Карте переходов в ПЦУ из УПЦ МП» на 21 февраля 2019 г. переходов 340 [22], однако архиепископ Нежинский и Прилуцкий Климент (Вечеря) заявил о 36 переходах и 24 захватах, в 250 случаях «есть силовое противостояние и конфликт» [23]. Если учесть, что ПЦУ была зарегистрирована 30 января, значит переходы, осуществленные до этой даты были проведены в УПЦ КП. Выступая в Верховной Раде 23 ноября 2018 г. Филарет, в нарушении буквы Томоса, заявил: «Мы будем независимыми от всех центров» [24].

Особое внимание следует обратить на развитие контактов между ПЦУ и УГКЦ. Глава греко-католиков Святослав Шевчук в канун Рождества говорил о возможности объединения УГКЦ и ПЦУ: «Это хорошая радостная перспектива... Прежде всего речь идет о *евхаристическом сопричастии*» [25]. 9 января он заявил: «Сегодня нужно приложить все усилия, чтобы... восстановить первоначальное единство Киевской церкви в ее *православной и католической ветвях*» [26]. Поздравляя Епифания, глава УГКЦ сказал: «В этот знаменательный момент я протягиваю руку от имени нашей Церкви к вам и всем православным братьям, предлагая вам начать вместе прокладывать наш *путь к единству*, к правде» [27]. Шевчук подчеркнул, что процесс возглавляют Константинопольский патриархат и Папа Римский, «...никто, так как мы, – украинцы, так нуждаемся во вселенском единении Церквей» [28]. Епифаний поддержал: «Мы очертили определенный путь будущего нашего сотрудничества... Будут созданы соответствующие комиссии со стороны нашей Православной Церкви и со стороны Греко-католической церкви, и вместе разработаем дорожную карту дальнейшего сотрудничества» [29].

Вывод: на Украине происходит грубое попрание принципов правового государства, причем дискриминации подверглась исключительно УПЦ. Раскол в православии не преодолен, касается Вселенской Церкви, имеет международный аспект. Последний вызван вмешательством Константинопольского Патриархата и США в церковную жизнь Украины. Вселенская православная церковь оказалась в новой реальности, в которой придется делать выбор между Константинопольским патриархатом и Русской православной церковью; между признанием или непризнанием ПЦУ как автокефальной поместной церкви. Очевидно, что коллизия между Конституцией Украины, ЗУ «О свободе совести...» и политикой «национально-государственного строительства» имеет цель: разрыв церковного, культурно-цивилизационного и исторического единства Украины и России с дальнейшим переформатированием украинского духовного пространства с участием греко-католической церкви. Дж. Шерр (Чатем-Хаус, Лондон) полагает, что «...создание Украинской православной церкви не только нанесло ущерб проекту «русский мир», но и уничтожило основания для утверждений, что украинцы и русские являются «одним народом» [30]. Таким образом, долговременные последствия предоставления Томоса будут гораздо более существенными, выйдут далеко за пределы религиозных вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальні проблеми державно-церковних відносин в Україні : наук. зб. / Від-ня релігієзнавства Ін-ту філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України ; голов. ред. В.Д. Бондаренко, А.М. Колодний. – Київ : VIP, 2001. – 206 с.
2. Ідея національної церкви в Україні : матеріали Всеукр. наук.-практ. конф., Тернопіль, 17–18 жовтня 1997 р. / Українська асоціація релігієзнавців, Держ. архів Тернопільської області, Тернопільська держ. медична академія ім. І.Горбачевського ; ред. А. Гудима, Б. Хаварівський. – Тернопіль, 1997. – 200 с.

3. Григорович Л.С. Помісна православна церква як чинник становлення та розвитку української нації : Автореф. дис. канд. філос. наук: 21.03.01 / Л.С. Григорович. – Київ, 2007. – 19 с.
4. Державно-церковні відносини в Україні у контексті сучасного європейського досвіду. Наук. збірник. – Київ, 2004. – 356 с.
5. Державно-церковні відносини: світовий досвід і Україна (історико-політичний аналіз): монографія / С.В. Сьомін, Ю.Г. Кальниш, В.М. Петрик, В.В. Остроухов. За ред. І.І. Тимошенка. – Київ : Вид-во Європ. ун-ту, 2002. – 136 с.
6. Нетецька, Є.В. Динаміка православ'я в сучасній Україні (релігієзнавчий аналіз відносин Московського і Київського патріархатів) : автореф. дис ... канд. філософ. наук: 09.00.11 – релігієзнавство / Є.В. Нетецька. – Київ : Б.В., 2015. – 18 с.
7. Самосвятские расколы в Украине / под ред. В.С. Анисимова. – Киев: Пресс-служба УПЦ, 2012. – 208 с.
8. Петрушко В.И. Архиерейский собор Русской православной церкви 31 марта – 5 апреля 1992 г. / В.И. Петрушко, прот. Владислав Цыпин // Православная энциклопедия. – М. : Православная энциклопедия, 2001. Т. III. – С. 552—555.
9. Заявление ОВЦС Украинской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //pravoslavue.org.ua/2018/04/](http://pravoslavue.org.ua/2018/04/) (дата обращения: 10.02.2019).
10. Звіт про мережу релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2018 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http : //www.mincult.kmu.gov.ua](http://www.mincult.kmu.gov.ua) (дата обращения: 5.01.2019).
11. В РПЦ рассказали о процедуре предоставления автокефалии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https: //religions.unian.net/orthodoxy/10129082-v-rpc-rasskazali-o-procedure-predostavleniya-avtokefalii.html](https://religions.unian.net/orthodoxy/10129082-v-rpc-rasskazali-o-procedure-predostavleniya-avtokefalii.html) (дата обращения: 5.01.2019).
12. Заявление ОВЦС Украинской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html) (дата обращения: 5.01.2019).
13. Крестный ход УПЦ КП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https : //www.pravda.com.ua/rus/news/2018/07/28/7187632/](https://www.pravda.com.ua/rus/news/2018/07/28/7187632/) (дата обращения: 10.09.2018).
14. Вселенский патриарх подтвердил, что Украина была и остается канонической территорией Константинополя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https : //www.unian.net/politics/10278912-varfolomey-pri-obsuzhdenii-ukrainy-postavil-na-mesto-kirilla-a-mitropolitu-rpc-prigrozil-proklyatiem-ekspert.html](https://www.unian.net/politics/10278912-varfolomey-pri-obsuzhdenii-ukrainy-postavil-na-mesto-kirilla-a-mitropolitu-rpc-prigrozil-proklyatiem-ekspert.html) (дата обращения: 10.02.2019).
15. Песков выразил обеспокоенность ситуацией с УПЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https: //www.gazeta.ru/politics/news/2018/09/14/n_12036001.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/09/14/n_12036001.shtml) (дата обращения: 18.09.2018).
16. Деркач Т. Иов (Геча): «Территория Украины является канонической территорией Константинопольской Церкви» [Электронный ресурс] / Т.Деркач. – Режим доступа: [https: //gisu.org.ua/ru/index/expert_thought/interview/64119/](https://gisu.org.ua/ru/index/expert_thought/interview/64119/) (дата обращения: 11.02.2019).
17. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html) (дата обращения: 11.02.2019).
18. «Кричал в трубку». Митрополит Онуфрий «довёл» Порошенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https: //regnum.ru/news/2519455.html](https://regnum.ru/news/2519455.html) (дата обращения: 12.11.2018).
19. Вселенский патриархат утвердил проект устава будущей Украинской поместной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https : //www.unian.net/society/10357902-vselenskiy-patriarhat-utverdil-proekt-ustava-budushchey-ukrainskoj-pomestnoj-cerkvi.html](https://www.unian.net/society/10357902-vselenskiy-patriarhat-utverdil-proekt-ustava-budushchey-ukrainskoj-pomestnoj-cerkvi.html) (дата обращения: 30.11.2018).
20. Перешли в раскол: в УПЦ прокомментировали участие иерархов в «объединительном Соборе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //www.pravoslavie.ru/117936.html](http://www.pravoslavie.ru/117936.html) (дата обращения: 20.12.2018).
21. ПЦУ раздора: поддержит ли мировое православие украинскую автокефалию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vesti-ukr.com/strana/323676-ptsu-razdora-poderzhit-li-mirovoe-pravoslavie-ukrainskuju-avtokefaliju-> (дата обращения: 21.02.2019).
22. Карта переходів до ПЦУ з УПЦ МП [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [https : //www.google.com/maps/d/viewer?mid=1XQR0sfHFFiiXyGiVYq11mNylJ9ffPdnh&ll=50.15555735528037%2C30.524103162640813&z=9&fbclid=IwAR0tZD7PJmR8Fz4pQJG_EZtiz1E_md2nc6dOanWsURfdlejLCH512LJu-o](https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1XQR0sfHFFiiXyGiVYq11mNylJ9ffPdnh&ll=50.15555735528037%2C30.524103162640813&z=9&fbclid=IwAR0tZD7PJmR8Fz4pQJG_EZtiz1E_md2nc6dOanWsURfdlejLCH512LJu-o) (дата обращения: 21.02.2019).
23. Архиепископ Климент: из 12 тысяч приходов УПЦ в ПЦУ перешли только 36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https: //vesti-ukr.com/strana/326292-iz-12-tysjach-prikhodov-upts-v-ptsu-pereshli-tolko-36-arkhiiepiskop-kliment](https://vesti-ukr.com/strana/326292-iz-12-tysjach-prikhodov-upts-v-ptsu-pereshli-tolko-36-arkhiiepiskop-kliment) (дата обращения: 20.12.2018).
24. Коли церква стане автокефальною, московського духу в Україні не буде – Філарет [Електронний ресурс]. – Режим доступу : [https : //www.ukrinform.ua/rubric-society/2586186-koli-cerkva-stane-avtokefalnou.html](https://www.ukrinform.ua/rubric-society/2586186-koli-cerkva-stane-avtokefalnou.html) (дата обращения: 10.02.2019).

25. Глава УГКЦ: «Єднання між Українською Греко-Католицькою Церквою та Православною Церквою України цілком реальне» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http : //ugcc.ua/video/glava_ugkts_yednannya_realne.html](http://ugcc.ua/video/glava_ugkts_yednannya_realne.html) (дата обращения: 13.02.2019).
26. Глава Украинской греко-католической церкви заявил, что единение католиков и православных – не утопия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https : //gordonua.com/news/ society/glava-ukrainskoj-greko-katolicheskoy-cerkvi-zayavil-cto-edinenie-katolikov-i-pravoslavnyh-ne-utopiya-649443.html](https://gordonua.com/news/society/glava-ukrainskoj-greko-katolicheskoy-cerkvi-zayavil-cto-edinenie-katolikov-i-pravoslavnyh-ne-utopiya-649443.html) (дата обращения: 12.02.2019).
27. Глава греко-католиков назвал ПЦУ Божьим даром на пути к «полному единству» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //spzh.news/ru/news/58472-glava-greko-katolikov-nazval-pcu-bozhyim-darom-na-puti-k-polnomu-jedinstvu](http://spzh.news/ru/news/58472-glava-greko-katolikov-nazval-pcu-bozhyim-darom-na-puti-k-polnomu-jedinstvu) (дата обращения: 12.02.2019).
28. Глава УГКЦ рассказал о своем видении отношений с Православной церковью Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https : //zik.ua/ru/news/2019/01/08/glava_ugkts_rasskazal_o_svoem_vydenyy_otnoshenyy_s_pравославnoy_tserkovyu_1483905](https://zik.ua/ru/news/2019/01/08/glava_ugkts_rasskazal_o_svoem_vydenyy_otnoshenyy_s_pравославnoy_tserkovyu_1483905) (дата обращения: 12.02.2019).
29. Епифаний сообщил, что разработает с УГКЦ дорожную карту сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //spzh.news/ru/news/58776-jepifanij-soobshhil-cto-razrobotajet-s-ugkc-dorozhnuju-kartu-sotrudnichestva](http://spzh.news/ru/news/58776-jepifanij-soobshhil-cto-razrobotajet-s-ugkc-dorozhnuju-kartu-sotrudnichestva) (дата обращения: 11.02.2019).
30. Украинская автокефалия и российский раскол [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https : //www.liga.net/politics/opinion/ukrainskaya-avtokefaliya-i-rossijskiy-raskol](https://www.liga.net/politics/opinion/ukrainskaya-avtokefaliya-i-rossijskiy-raskol) (дата обращения: 11.02.2019).

Поступила в редакцию 22.02.2019 г.

AUTOCEPHALIA: OVERCOMING OR DEEPENING THE SPLIT OF THE ORTHODOXY IN UKRAINE

D.V. Posrednikov

The article discusses the causes and trends in the development of the political-confessional conflict in the Ukraine. Providing tomos to non-canonical religious organizations in the context of civil war and aggravation of the international situation contains a serious conflict potential for Ukraine and world Orthodoxy.

Key words: Orthodoxy, Tomos, UOC, PCU, Ukraine.

Посредников Дмитрий Владимирович.

Кандидат исторических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры политологии

E-mail: dposrednikov@yandex.ru

Posrednikov Dmitriy Vladimirovich.

Candidate of Historical Sciences, Docent.

SCE HPE «Donetsk National University».

Associate Professor Associate Professor at
the Department of Political Science.

E-mail: dposrednikov@yandex.ru

УДК 93/94

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2019. А.С. Скоков

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени В. Даля»

В статье рассмотрены основные предпосылки формирования налоговой системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., определены основные этапы ее становления, проанализирована деятельность М.Х. Рейтерна, Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте на посту министра финансов, выявлены ключевые изменения в структуре налогообложения.

Ключевые слова: акциз, налоговая система, подушная подать, промысловый налог.

После поражения в Крымской войне со всей очевидностью встал вопрос реформирования социально-экономической сферы Российской империи в целом и налоговой системы как одной из основных ее составляющих, в частности. Подушный принцип налогообложения, наличие привилегированных неподатных сословий, сельское хозяйство как основной источник налогов – все это не отвечало реалиям времени. Без коренных преобразований, в том числе и в сфере финансов, Россия рисковала утратить влияние на международной арене и перейти в разряд второстепенных держав, что в условиях XIX в. с большой долей вероятности означало превращение в полуколонию.

Налоговая система Российской империи получила освещение в ряде работ. Так, М.К. Шацилло [1] рассматривает эволюцию налоговой системы России в XIX в. и делает важный вывод о преобладании косвенных налогов в формировании бюджета Российской империи этого периода. В диссертации кандидата экономических наук А.Е. Куранова [2] рассматриваются местные налоги и сборы, существовавшие в XIX – XX вв. на территории Российской империи. Затронуты вопросы формирования структуры земских сборов, развития налоговой базы городских и земских бюджетов, проведен анализ влияния на их структуру социально-экономических преобразований второй половины XIX в. В работе Д.Б. Рязанцева [3] проанализирована система прямого налогообложения Российской империи, рассмотрено законодательство о косвенных пошлинах и налогах, затронут вопрос местного налогообложения. В докторской диссертации Е.С. Кравцовой [4] проанализирована модернизация налоговой системы Российской империи в 1885 – 1917 гг. Также рассмотрена эволюция налоговых органов Российской империи конца XIX – начала XX вв., дан анализ изменения динамики выкупных платежей, проанализированы новые имущественные налоги и казенные сборы как шаг на пути к подоходному налогообложению населения, выявлены основные этапы эволюции местных налогов, включая земские и городские налоги и сельские сборы. В то же время вопрос предпосылок формирования налоговой системы Российской империи не получил должного освещения, что и обуславливает актуальность нашего исследования.

Начало преобразования налоговой системы России было связано с именем М.Х. Рейтерна, который 4 февраля (23 января) 1862 г. сменил А.М. Княжевича на посту министра финансов. Причиной экономического отставания Российской империи Рейтерн считал наличие крепостного права, которое не давало развивать «личную экономическую инициативу трудящихся» [5, с. 61]. Новый министр финансов отмечал,

что колонизация земель Юга России, в том числе и Донбасса, происходила в результате бегства части населения «материковой» России, вызванной чрезмерными налогами и повинностями, а также чрезмерной опекой бюрократии: «большая часть бежала в новороссийские земли от того, что им стало тесно в узких рамках обязательного труда, и необходимого для его поддержания полицейского надзора». Так же Рейтерн подверг критике подушевой способ налогообложения: «Простолюдин у нас, коль скоро он вне деревни своей, находится как бы под постоянным подозрением, под полицейским надзором; подать, лежащая лично на нем, а не на земле ставит его на всю жизнь в положение должника» [5, с. 62]. Во время деятельности М.Х. Рейтерна на посту министра финансов произошло сокращение армии и флота, а также уменьшение средств на содержание чиновников. Рассматривалась возможность отмены питейных откупов и предпринимались некоторые шаги в сторону введения элементов подоходности в налогообложении. Они предусматривали введение налогов на земли помещиков, городскую недвижимость, реформирование раскладки гильдейских сборов за право торгово-промышленной деятельности в сторону ее большей прозрачности, обложение гербовой пошлиной освобожденных от нее ранее коммерческих сделок [6, с. 41]. Несмотря на некоторые успехи, например, отмену питейных откупов, сословность налогообложения, являвшаяся одним из основных препятствий на пути реформирования налоговой системы, так и не была преодолена.

Несмотря на свое отрицательное отношение к подушному принципу налогообложения, подушную подать М.Х. Рейтерн не отменил. Этот вид прямого налога продолжал оставаться основным прямым налогом в Российской империи, несмотря на такие признаки ее неэффективности, как рост недоимок. Расчеты правительства об уменьшении числа налогоплательщиков после окончания Крымской войны оказались неверными, число податных увеличилось на 3,5 млн, соответственно увеличились доходы государства. Тем не менее, в 1862 г. произошло увеличение размера подушной подати до 1 руб. в европейской части России и до 90 коп. в Сибири. Это увеличило доход государства на 1 млн руб. Также был введен дополнительный сбор к подушной подати, от 8 до 44 коп., в зависимости от благосостояния плательщиков, что дало казне еще около 6,1 млн руб. временный сбор был продолжен на следующие годы, а в 1867 году стал постоянным. В том же 1867 г. произошло очередное повышение подушной подати, в среднем на 50 коп. По губерниям раскладка была проведена с учетом их доходов от сельского хозяйства и промышленности. Увеличение подушной подати принесло казне около 10,6 млн руб. [7, с. 477]. С 1867 и до конца царствования Александра II величина собственно подушной подати не менялась, но к ней были добавлены два других сбора, которые взимались также по подушной системе: государственный земский и общественный сборы [7, с. 401].

Основным итогом деятельности М.Х. Рейтерна стало то, что налоговая система в целом сохранила свой прежний характер, а налоги на крестьянство – основного налогоплательщика – увеличились. При этом новым для России фактором было привлечение к налогообложению представителей неподатных сословий.

После русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. наступил кризис, на волне которого в 1880 г. к власти пришли деятели либерального направления во главе с М.Т. Лорис-Меликовым. 27 октября 1880 г. пост Министра финансов занял А.А. Абаза. В этой должности он предпринял ряд энергичных мер. В частности, после отмены соляного налога, снижение государственных доходов должно было быть компенсировано повышением таможенных пошлин и сборов с торговых документов. Также Министерство финансов приступило к преобразованию подушных сборов и их

постепенной отмене. Кроме этого, А.А. Абаза выработал план погашения кредитных билетов, которые были выпущены во время Крымской войны; также начался выкуп в казну железных дорог. Работа А.А. Абазы на посту министра финансов оказалась непродолжительной, вскоре после вступления на престол Александра III он был уволен 6 мая 1881 г. [7, с. 401]. На должность министра финансов стали выдвигать Н.Х. Бунге. Летом 1880 г. он был назначен сначала товарищем (заместителем) министра финансов, а через несколько месяцев возглавил министерство. После вступления в должность Н.Х. Бунге составил программную записку, предназначенную императору, в которой содержались его экономические воззрения. Причинами финансового кризиса новый министр считал бюджетный дефицит, рост внешних заимствований, падение курса рубля и, как результат, инфляцию. Н.Х. Бунге предложил программу выхода из кризиса, которая предусматривала следующие мероприятия:

1) сокращение расходов на государственный аппарат (путем оптимизации деятельности центральных и местных органов власти);

2) прекращение выпуска не обеспеченных драгоценными металлами кредитных билетов и сокращение их количества в обороте до уровня 1878 г.;

3) организацию переселения безземельных и малоземельных крестьян на неосвоенные государственные земли с их последующей колонизацией;

4) отмену подушной подати, налога на соль и на паспортный сбор, снижение выкупных платежей бывших помещичьих крестьян и оброчного налога с государственных крестьян, а для компенсации расходов казны предусматривалось увеличение государственного земельного налога (который должен был лечь на плечи представителей неподатных сословий) и налога на городскую недвижимость, установление налогов с доходов лиц свободных профессий (адвокатов, врачей, архитекторов и т.д.), торговых и промышленных предприятий, денежных капиталов (которые содержатся в ценных бумагах и банковских вкладах) и тем самым обеспечить основу для введения в перспективе общего налога на прибыль;

5) издание законов, стимулирующих развитие промышленности и торговли [8, с. 247].

В записке также выражено отношение Н.Х. Бунге к подоходному налогу: «Желательно, чтобы подоходный налог служил у нас не постоянным, а чрезвычайным финансовым ресурсом, необходимым для внутренних реформ, в особенности податных, и для покрытия военных расходов...» [1, с. 365].

Первоочередными задачами своей деятельности новый министр видел в реорганизации налоговой политики: предусматривалось уменьшение налогового бремени на крестьянство и перенесение части налогов на более зажиточные слои населения. Сам Н.Х. Бунге выделял три наиболее важных мероприятия, направленных на преобразование налоговой системы России: отмену соляного налога, снижение выкупных платежей, отмену подушной подати. Он писал по этому поводу следующее: «Когда постиг Россию неурожай 1880 г., тогда отмена налога на соль казалась делом наиболее соответственным для облегчения народного бедствия. Когда было доказано, что выкупные платежи превышают земельный налог (ренту с крестьянских наделов) и что крестьяне бегут от земли, отказываясь от наделов, тогда здравый финансовый расчет потребовал понижения выкупных платежей. Наконец, когда сделалось очевидным, что подушный налог с крестьян обещает в будущем лишь громадное приращение недоимок, тогда надо было его заменить чем-либо другим» [9, с. 15].

Император Александр III подписал несколько указов о снижении выкупных платежей. В результате государство взяло на себя часть крестьянского долга и

переложило затраты, связанные с наделением крестьян землей, на всех плательщиков налогов. Манифестом от 15 мая 1883 г. из 28,6 млн руб. недоимок было списано 13,8 млн руб., а на следующий год – еще 2,3 млн руб. [8, с. 248]. После снижения выкупных платежей особую актуальность приобрел вопрос об отмене подушной подати. Проекты отмены подушной подати начали разрабатываться уже после начала проведения реформ 1860-х гг. В постановлении Екатеринославского губернского по крестьянским делам присутствия от 4 февраля 1872 г., состоявшегося по вопросу о замене подушной подати подворным налогом и поземельной податью, отмечалось, что «Особая Комиссия при МФ, находя, что существующая ныне подушная система для обложения податного сословия податями и прочими государственными повинностями, взимаемыми с души, несет в себе многие недостатки, с одной стороны для самих плательщиков от неуравнительного распределения между ними сборов, так как предметом обложения при нынешней системе является душа, которая и облагается обыкновенно одинаковым окладом повсеместно, и с другой, не представляет достаточного обеспечения и для казны в полном поступлении определенного количества сборов; кроме того, существующая ныне подушная система, прикрепляя крестьян к месту записки по ревизии, крайне затрудняет перечисление их из одной местности в другую, препятствуя, таким образом правильному распределению населения» [10, л. 379].

Н.Х. Бунге был сторонником постепенной отмены подушной подати. По его мнению, такую реформу необходимо было проводить на протяжении восьми лет (с 1883 по 1891 гг.). Но, прежде всего благодаря стараниям самого Н.Х. Бунге, реформа была проведена значительно быстрее, хотя условия для отмены подушной подати были не слишком благоприятными. По росписи на 1882 г., несмотря на увеличение винного акциза с 7 до 8 коп., преобразование сахарного акциза, повышение некоторых ставок таможенного тарифа и на увеличение гербового сбора, ожидался недобор в 10 млн руб. [11, с. 4]. Тем не менее, сотрудники МФ во главе с Н.Х. Бунге «сознавали, что в ряду болезненных явлений государственного хозяйства бюджетный не есть худшее из зол; что несравнимо опаснее – дрящущийся и усугубляющийся недочет в народных силах, и что принесение этих сил в жертву бюджетному равновесию не создаст для финансов прочной почвы». Принципы последующих реформ были следующие:

1) Налоги, заменяющие подушные сборы, должны вести к упразднению деления сословий на податные и неподатные.

2) Главным источником увеличения средств государственного казначейства до замены подушной подати, должны служить преимущественно налоги уже существующие; из новых же видов налогов могут быть допущены лишь те, которые способствовали бы установлению в существующем податном строе большей равномерности обложения всех доходов.

3) Вводя налоги с новых источников дохода, следует возможно менее облагать мелкие промыслы [11, с. 5].

28 мая 1883 г. Александр III подписал указ, согласно которому 1 января 1885 г. отменялась подушная подать с бывших помещичьих и удельных крестьян, на которых распространялось действие положений от 19 февраля 1861 г. и 26 июня 1863 г. Через год подушная подать была отменена у всех категорий населения (кроме Сибири, где она была отменена в 1903 г.). Чтобы компенсировать потери от этого вида налогов, необходимо было прибегнуть к государственным займам или к увеличению других видов налогов. Н. Бунге отмечал необходимость перераспределения налогового бремени с крестьян на другие категории населения. Поэтому он предложил увеличить

налог на землю с 7,6 млн руб. в 1883 до 11,7 млн в 1884 г. Этот налог постепенно увеличивался и составлял в 1888 г. 13,1 млн руб. Закон от 13 мая 1883 г. повышал объем налога на имущество горожан на 46% – с 4,1 до 6,0 млн руб., а через 10 лет – до 7,7 млн руб. [8, с. 249].

В начале 80-х годов XIX в. в Российской империи сохранялась система промышленного налогообложения 1824 г., которая частично была улучшена законами от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. Однако устаревшие гильдейская и цеховая организация оставались и необходимы были меры для изменения существующей системы налогообложения. В то время кардинально изменить систему промышленного налогообложения оказалось невозможным, поскольку это требовало создания новой системы на местах. Закон от 5 мая 1884 г. способствовал консолидации промышленного налога. Были сгруппированы в один налог значительные сборы, установлены дополнительные сборы с торговых документов в пользу земств и городов, торговые организации были обложены налогом не по виду деятельности, а по размеру капитала, установлены новые правила налогообложения товариществ и торговых домов, установлены льготы для мелкой торговли и ремесла, отменены свидетельства на мещанские промыслы и т.п.

Введение указанного закона позволило увеличить поступления от промыслового налога с 21 млн руб. до 25,7 млн руб. в 1885 г. Несмотря на опасения деловых кругов новый закон не затормозил промышленного развития. Постепенно поступления от налога на промышленность росли и увеличивалась их часть общей сумме поступлений в казну. Значительные поступления давал 5 % налог на доходы от банковских вкладов и ценных бумаг. Несколько позднее был введен 5 % налог на гарантированные правительством доходы от акций частных железных дорог и 3 % — на негарантированные [8, с. 250].

Реформа налоговой системы распространилась почти на все слои населения. Она охватила и государственных крестьян, которые продолжали платить оброк. Н.Х. Бунге предложил перевести их на обязательный выкуп. Формально эта категория крестьян сохраняла в своем пользовании земли и угодья. Суть реформы сводилась к тому, чтобы государственные крестьяне выкупили эти земли в частную собственность. По замыслу Н.Х. Бунге, эта операция должна была завершиться в 1931 г.

В целом деятельность Н.Х. Бунге способствовала переходу к более прогрессивной налоговой политике, развитию промышленности, торговли, сельского хозяйства и транспорта. Важнейшей стороной деятельности Н.Х. Бунге на посту министра финансов стал курс на ликвидацию сословности обложения, который нашел свое проявление в привлечении к налогообложению имущих слоев населения.

В январе 1887 г. министром финансов стал И.А. Вышнеградский. Ему удалось урегулировать инфляцию, впервые обеспечить бездефицитный бюджет, обеспечить превышение экспорта над импортом, обеспечить значительный золотой резерв. Эти успехи обеспечивались повышением старых налогов и введением новых. Вышнеградский был сторонником введения табачной и винной монополии, которая начала вводиться в 1895 г. [12, с. 309]. Также продолжало увеличиваться косвенное обложение. В 1887 г. произошло увеличение акцизов на керосин, спички, спирт, табак, произошло увеличение гербового сбора и стоимости актовой бумаги, увеличились ставки поземельного налога, раскладочный сбор с торгово-промышленных предприятий, повышены налоги, которые платили акционерные общества. Ожидалось повышение доходов до 52 млн руб. [1, с. 371]. В сфере внешней торговли Вышнеградский отстаивал принципы протекционизма, поэтому проводилось

регулярное повышение тарифных ставок. В 1887 г. были увеличены пошлины на каменный уголь, чугун, металлы и металлические изделия. Также вырос размер пошлин на чай, апельсины, лимоны, пряности, сельдь, табак. Следствием ужесточения правительственного курса стала так называемая «таможенная война» с главным торговым партнером России – Германией, в результате которой обе стороны пошли на уступки и подписали договор 1894 г., предусматривавший уменьшение ставок налогообложения [1, с. 372]. Особенностью проведения налоговой политики при Вышнеградском стало взыскание недоимок по отмененным сборам, что отрицательно сказалось на крестьянах, которые вынуждены были продавать хлеб по невыгодным ценам, в том числе и семенной фонд. После голода в 1891 и 1892 гг. Вышнеградский ушел в отставку, а его преемником стал С.Ю. Витте.

Сразу после вступления в должность Витте занялся пересмотром налога на предпринимательскую деятельность (иначе промыслового налога). Предприятия платили налоги исключительно по внешним признакам. Крупные предприятия пользовались огромными преимуществами, которые не были оправданы ни фискально, ни экономически. Так, все кредитные и банковские учреждения с капиталом свыше 50 000 тыс. руб. обязаны были выкупать свидетельство 1-й гильдии. В результате, одинаковую сумму налога платили как единоличные предприниматели (физические лица) с капиталом 50-60 тыс. рублей, так и акционерные банки с капиталом в десятки миллионов рублей. К одной категории налогоплательщиков были отнесены как небольшой завод с 17 работниками, так и промышленный гигант с многотысячным персоналом [1, с. 375]. В 1898 г. было принято новое «Положение о государственном промысловом налоге», в котором вводились элементы подоходности.

В результате фискальной политики, проводимой С.Ю. Витте, произошло перераспределение налоговой нагрузки с крестьянства на более зажиточные слои населения, в частности, на промышленников (в результате повышения промыслового налога) и зажиточных горожан (путем введения квартирного налога). Налоговая система, которая сложилась при С.Ю. Витте, функционировала без коренных изменений до Первой мировой войны [1, с. 380].

Таким образом, к социально-политическим и историческим предпосылкам формирования налоговой системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. необходимо отнести поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., которое показало растущее отставание России от стран Западной Европы. Крепостническое хозяйство, основанное на подневольном крестьянском труде, вступило в полосу стагнации, грозящей кризисом. Чрезмерное обложение крестьян налогами и повинностями создавало благоприятную почву для роста протестных настроений среди крестьянства, из года в год росло количество крестьянских выступлений, власть опасалась новой пугачевщины. Насущной стала необходимость отмены крепостного права, в результате которой произошли изменения в системе налогов и повинностей основной массы налогоплательщиков – крестьянства. Промышленное отставание Российской империи от стран Запада, грозящее превращением России во второстепенное государство, было невозможно преодолеть без изменения налоговой системы. В тоже время основная тяжесть налогообложения лежала на сельском хозяйстве, промышленники платили недостаточное количество налоговых сборов, особенно это касалось крупных предприятий. Необходимость хозяйственного освоения Донбасса и формирования промышленного сектора экономики также требовала реформирования устаревшей налоговой системы. Для нормального функционирования финансовой системы Российской империи

требовалось приобщение к налогообложению привилегированных слоев населения и вытекавший из этого процесса переход к подоходному налогообложению. К одному из факторов формирования налоговой системы Российской империи необходимо отнести преобладание и рост косвенного налогообложения, которое особенно усилилось в конце XIX – начале XX вв.

В результате, налоговая система Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. прошла в своей эволюции ряд этапов. Первый этап был связан с подготовкой и проведением буржуазных реформ 1860-1870-х гг. Происходило сокращение государственных расходов на армию и государственный аппарат, попытки привлечения к выплате налогов представителей неподатных сословий. В дальнейшем происходила замена устаревших методов налогообложения, таких как питейные откупа, более прогрессивными акцизными сборами. Вторым этапом преобразований в налоговой сфере происходил в 1881-1886 гг. Он характеризуется следующими особенностями: были понижены выкупные платежи бывших частновладельческих крестьян, вследствие чего и произошел их переход на обязательный выкуп, произошла отмена подушной подати (кроме Сибири). Третий этап – 1887-1892 гг., на протяжении которого основной целью деятельности правительства стала ликвидация бюджетного дефицита и политика протекционизма. Именно в этот период важнейшее место в налогообложении населения занимают косвенные налоги. Вводились элементы подоходности в налогообложении. Четвертым этапом связан с деятельностью С.Ю. Витте на посту министра финансов в 1892-1903 гг. В этот период была введена винная монополия, которая стала важным источником пополнения бюджета. Также наблюдается устойчивый рост иностранных вложений в экономику Российской империи. К началу XX в. ведущее место в налогообложении населения Российской империи заняли косвенные налоги, что в конечном счете отрицательно сказывалось на уровне жизни подавляющего большинства населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шацилло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. / М.К. Шацилло // Экономическая история. – 2002. – С. 345 – 383.
2. Куранов А.Е. Этапы эволюции системы местных налогов и сборов в России (XIX – XX вв.): Дис... канд. экон. наук. – М., 2003. – 147 с.
3. Рязанцев Д.Б. Налоговая система России во второй половине XIX – начале XX века (историко-правовой аспект): Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – 169 с.
4. Кравцова Е.С. Модернизация налоговой системы России: 1885 – 1917 гг.: Дис... д-ра истор. наук. – Курск, 2011. – 602 с.
5. Рейтерн М.Х. Влияние экономического характера народа на образование капиталов / М.Х. Рейтерн // Морской сборник. 1860. – № 5. – С. 55 – 72.
6. Степанов В.Л. Михаил Христофорович Рейтерн / В.Л. Степанов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 33 – 50.
7. Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. – СПб., 1902. – 640 с.
8. Гринчуцький В., Піндус Т. Роль М. Х. Бунге у проведенні фінансових реформ в Російській імперії наприкінці XIX ст. / В. Гринчуцький, Т. Піндус // Історія народного господарства та економічної думки України (збірка наукових праць). Частина 2. – К., 2009. – С. 245 – 253.
9. Бунге Н.Х. Исследование по вопросу восстановления налога на соль / Н.Х. Бунге. – СПб., 1893. – 61 с.
10. О замене подушной подати и государственного сбора подворным налогом и поземельной податью // РГИА. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 187а. – 641 л.
11. Шванебах П.Х. Наше податное дело / П.Х. Шванебах. – СПб., 1903. – 403 с.
12. Фридман М.И. Винная монополия. Т. 2. Винная монополия в России / М.И. Фридман. – Петроград: Тип. "Правда", 1916. – 638 с.

Поступила в редакцию 12.03.2019 г.

**PRECONDITIONS OF FORMATION OF THE TAX SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY**

A.S. Skokov

The article describes the main prerequisites for the formation of the tax system of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX centuries, identified the main stages of its formation, analyzed the activities of M.Kh. Reiterna, N.H. Bunge, S.Yu. Witte as Minister of Finance, identified key changes in the tax structure.

Key words: excise tax, tax system, poll tax, trade tax.

Скоков Антон Сергеевич.

Старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени В. Даля».

E-mail: sckockov.anton@yandex.ru

Skokov Anton Sergeevich.

Senior Lecturer, Department of Domestic and Universal History.

SCE HPE «Lugansk National University named after V. Dahl».

E-mail: sckockov.anton@yandex.ru

УДК 94(497.11)"1800/1844"

ИДЕИ ПАНСЛАВИЗМА ИЛИИ ГАРАШАНИНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ, ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

© 2019. М.А. Соловей

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается процесс формирования идеи т.н. «пансербизма», или «Великой Сербии», анализируются исторические истоки этого явления, внутренние и внешние предпосылки его развития. Также дается оценка роли и вклада Илии Гарашанина в создании идеологии «Великой Сербии».

Ключевые слова: Сербия, «Великая Сербия», пансербизм, Илия Гарашанин.

Идея «Великой Сербии» была сформулирована и обоснована в первой половине XIX в., когда в среде сербской элиты широкое распространение получило стремление к освобождению от османского владычества путем объединения всех южнославянских народов. Сербские радикалы положили ее в основу националистической идеологии пансербизма, которая отводила сербам роль гегемона в этом процессе. Илия Гарашанин придал ей законченность, сформулировав в 1844 году в «Начертании» долговременную тайную политическую экспансионистскую программу Сербского княжества. Эта работа, написанная автором, которого на родине называют «балканским Бисмарком», до сих пор остается едва ли не самым цитируемым документом новой сербской истории. Споры и дискуссии вокруг сформулированной там доктрины, которая все еще актуальна для многих сербских политиков, не утихают до сих пор.

Так, в начале XXI в. идеи «этнонационального возрождения» получили массовое распространение и политическую поддержку в ряде балканских стран и, в первую очередь, в Сербии. Лидер Сербской радикальной партии профессор Воислав Шешель в 2015 г. откровенно сказал, что его партия не намерена отказываться от идеи «Великой Сербии». Он заявил: «Эта идея существует уже 300 лет, и жить она будет еще 300 лет, возможно вплоть до своего осуществления. Неизвестно, когда она будет реализована, но мы принципиально от нее не будем отказываться» [1].

Возникновение и развитие идеи пансербизма изучается такими российскими историками как Е.Ю. Гуськова, К.В. Никифоров, М.Ф. Белов, украинскими исследователями Л.С. Черник, Ю.В. Узун, сербскими учеными С. Чарковичем, С. Ярчевичем, П. Милатовичем, Д. Странаковичем, Р. Лушечем и другими. При этом некоторые из современных сербских авторов, например, Слободан Ярчевич, вполне согласны с утверждениями Вука Караджича о том, что сербы – это почти все славянское население Балкан, и даже нынешние румыны и молдаване являются потомками древних сербов [2]. Так что дискуссия о пансербизме еще далеко не окончена.

Цель данной статьи – комплексное изучение процесса формирования идеи «Великой Сербии» в сербской национальной идеологии, взятой в контексте взаимодействия внутренних и внешних импульсов развития, творчества элиты и начала массового освободительного движения, внутривнутриполитической борьбы и внешнеполитической конъюнктуры и, в частности, обозначение роли Илии Гарашанина в этих процессах.

На югославянских землях Австро-Венгерской монархии термины «Великая Сербия», «великосербизм», «великосербский гегемонизм», «пансербизм» активно

использовались представителями различных национально-политических течений и групп уже с первой половины XIX в. – со времени подъема освободительной борьбы, национального возрождения славянских народов Балкан. Уже в ходе Первого сербского восстания (1804–1813 гг.) против Османской империи повстанцы высказали идею возрождения Великой Сербии.

Исторической основой пансербизма считается предание о средневековом Царстве Стефана Душана – сербского правителя, который в своем внешнеполитическом курсе вдохновлялся византийской имперской идеей. В состав Сербского государства при нем входили не только все этнические сербские земли, но и отвоеванные у Византии территории, заселенные болгарами, греками, македонцами, албанцами.

Начало оформления сербской национальной идеологии следует отнести ко времени распространения идей Просвещения, расцвет которого среди австрийских сербов приходится на последние десятилетия XVIII в. и связан, прежде всего, с творческой деятельностью писателя, мыслителя и общественного деятеля Доситея (Досифея) Обрадовича. Его также называют основателем пансербизма, т.к. в своих произведениях об освободительной борьбе сербского народа и патриотических стихах он считал всех жителей Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации, Хорватии, Сирмия, Баната и Бачки братьями независимо от религии и церкви [3].

Идея освобождения сербского народа от османского владычества вкупе с исторической памятью о былом величии Сербии стала основой для идеологии воссоздания сильного независимого государства под эгидой Сербии, включающего все югославянские земли.

Первое сербское восстание, в ходе которого повстанцы при поддержке со стороны России добились фактической независимости от Османской империи и приступили к государственному строительству, создало благоприятную возможность для попытки реализации идеи объединения. Рождение выдвинутой ими великосербской внешнеполитической программы следует, по-видимому, отнести к осени 1808 – весне 1809 гг., когда происходившие ранее процессы самоидентификации и некоторые вновь возникшие обстоятельства дали толчок для ее кристаллизации.

Проект сербского государства, которое, кроме Сербии, включало бы в себя и так называемую «Старую Сербию» (сегодняшнее Косово), Черногорию, Боснию и Герцеговину, в 1808 году разработал член Правительствующего совета при Карагеоргии Иван Югович [4]. Сербский историк Лильяна Алексич-Пейкович отмечает, что, в первую очередь, «своей землей» как исторически, так и этнически сербы считали Боснию и Герцеговину, бывшие на тот момент частью Османской империи [5].

Катализатором для выработки проекта полной независимости и выдвижения идеи Великой Сербии стали активизация контактов с сопредельными балканскими областями, столкновение с переменчивой внешнеполитической средой эпохи «наполеоновских войн» и опыт взаимодействия с русской дипломатией, проникнутой просветительскими тенденциями (постреволюционная адаптация внешней политики предполагала признание *de facto* негосударственных народов как субъектов международных отношений). Расширение территориальных границ по образцу Средневекового государства гарантировало бы сербам в глазах повстанческого руководства формальный статус «великой» державы [6]. Программа была, безусловно, утопичной, но она имела большой успех у сербских повстанцев.

Свой вклад в формирование великосербской идеи внесли, никак не желая того, не только российские дипломатические, но и военные чиновники, все чаще, по мере развития движения и осложнения отношений с Турцией, входившие в контакты (личные и

посредством письменных обращений) с представителями повстанцев. Одной из задач, которые русские власти вынужденно решали при подобном общении, являлось внесение элементов системы, сознательности, реализма в требования, выдвигаемые повстанцами. Деятельность Петербурга в данном направлении имела, однако, и некоторые неожиданные последствия: национальная идентификация повстанческих предводителей, таким образом, совмещалась с политической. В их сознании происходило отождествление самих себя с полномочными предводителями всего сербского народа (именно так их именовали русские чиновники разного уровня), которые должны отстаивать интересы Сербии на международной арене. Надеясь продвинуть усилия сербских повстанцев в выгодном для России направлении, ее дипломаты в результате многочисленных бесед и письменных обращений одновременно внушили повстанческим руководителям мысль, что Белградский пашалык есть ни что иное, как средоточие сербской нации, призванной вершить свою судьбу [7].

Во время борьбы за признание автономии Сербского княжества (1815–1833 гг.) идейно-политический опыт Первого восстания прошел переработку в целях утверждения у власти Милоша Обреновича как основоположника истинно народной династии.

В 1836 году написан один из главных текстов сербского национализма «Сербы все и повсюду» В.С. Караджича, в котором были суммированы его отрывочные взгляды по этому вопросу. Начался следующий этап в развитии сербской национальной идеологии [8]. Вук Караджич доказывал, будто сербы – это почти все славянское население Балканского полуострова, кроме болгар. Неважно, что эти разноплеменные «сербы» принадлежат к трем разным верам. Неважно, что называют они себя не сербами, а хорватами, славенцами или славонцами – все равно все они сербы. Эту точку зрения быстро подхватили и развили. Так, выходящая в Австро-Венгрии сербская газета «Srbobran» писала о том, что хорватского народа не существует в природе. Люди, называющие себя хорватами, это окатоличенные сербы. Идея оказалась долговечной для сербской идеологии. Она переходила из сочинения в сочинение и стала общепринятой не только для сербских политиков, но и для историков. К примеру, одна из исторических работ Николы Жутича имеет название «Сербы – римские католики, так называемые хорваты» [9]. Рассуждения Вука Караджича подвели основу под будущую концепцию «вливания» всех южнославянских народов в состав единого сербского государства.

Первое упоминание термина «Великая Сербия» в значении перспективы создания нового объединенного государства южных славян связывают с именем Или Гарашанина. Свои великосербские идеи он четко сформулировал в 1844 г. в работе «Начертание», ставшей впоследствии на долгие годы тайной политической программой Сербского княжества [10].

Гарашанин решил первоначально ограничить объединительную деятельность Сербского княжества только землями, находившимися под турецким владычеством. Борьба одновременно и с Турцией, и с Австрией было бы безумием. Непосредственной целью провозглашалось расширение Сербии за счет Боснии и Герцеговины (население которой считалось преимущественно сербским) и Черногории, а также Северной Албании для получения выхода к Адриатическому морю. Были в «Начертании» и тенденции к объединению усилий южных славян. Предполагалось вести пропаганду общего дела в Болгарии, а также в австрийских югославянских землях – Хорватии, Славонии, Далмации, отчасти на территории будущей Воеводины [11].

В основе этой программы лежал проект известного панслависта, чешского военного теоретика, сражавшегося за независимость Сербии Франтишека Заха «Плана словенске политике Србије» [12], согласно которому Сербия должна завершить свою «священную историческую миссию», начатую царем Душаном в XIV в., и объединить всех сербов. Однако некоторые различия в планах относительно Великой Сербии у Ф. Заха и И. Гарашанина все же были. Если Зах видел Сербию как ядро будущей югославской империи, где хорватам будут предоставлены равные права, то Гарашанин видел только Сербскую империю. Сильная, независимая Сербия могла бы, по задумкам Илии Гарашанина, помешать великим державам Европы – Англии, России, Австро-Венгрии – занять позиции Турции на Балканах [13].

Определенное идейное влияние на И.Гарашанина оказали также польские эмигранты, в частности, Адам Чарторийский. Написанные весной 1843 г. «советы Чарторийского», предоставленные И.Гарашанину, предполагали, что Сербия должна была участвовать в процессе создания крупного славянского государства с другими славянскими народами, которое могло бы изменить равновесие сил в Европе в противовес, в первую очередь, России. Деятели польской эмиграции стремились добиться восстановления польской государственности, утраченной в ходе разделов Польши в конце XVIII в. Создание крупного славянского государства должно было ограничить влияние российской империи и создать благоприятный прецедент для решения польского вопроса [14].

В «Начертании» Гарашанин принимал идею создания крупного славянского государства, но, в отличие от польских внешнеполитических программ, для Гарашанина на первом месте было создание сербского государства во главе с сербской династией, которое объединило бы всех сербов. Формирование нового сильного государства, по его мнению, способствовало бы созданию равновесия на Балканах и избавило бы балканские народы от посягательства великих держав. Илия Гарашанин допускал и сотрудничество с Россией, если она поддержит объединение сербов вокруг княжества. Отношениям с другими славянскими народами тоже уделяется особое место, предполагались совместные выступления против Османской империи что, впоследствии воплотилось в идее создания Балканского союза, но, в отличие от плана Заха, идея единого славянского государства уступает идее Сербского национального государства. Как отмечает К.В. Никифоров, Гарашанин в тексте «Начертания» поставил перед сербским княжеством «насушные задачи», где речь шла «...о начале процесса собирания этнических сербских земель» [15].

Относительно Боснии и Герцеговины в тексте «Начертания» говорится о создании союза этих земель с Сербией, в рамках которого в Боснии и Герцеговине будут введены сербские законы, а политическим лидером в союзе будет сербский князь. Для создания государства, объединяющего сербские народы, проживающие на территории Османской империи, во главе которых встала бы Сербия, предполагалось вести подготовку к общему восстанию христиан на территории Османской империи и поддерживать национальные восстания [16].

Предпринимались также попытки добиться территориального расширения Сербии путем соглашения с Портой. Так в марте 1848 г. по заданию Гарашанина представитель Сербии в Турции К.Николаевич презентовал проект «Сербского вице-королевства», согласно которому в рамках Османской империи предлагалось создать вице-королевство во главе с сербским князем, включавшее в себя Черногорию, Северную Албанию, Боснию и Герцеговину. Однако султан решительно отклонил этот проект [17].

Впоследствии «Начертание» легло в основу внешней политики многих сербских государственных деятелей, в том числе, Александра Карагеоргиевича, Михаила Обреновича, Николы Пашича и других.

Идеи «Великой Сербии» Илии Гарашанина вызвали немалое беспокойство у хорватов. Их симметричным ответом стало составление Янко Драшковичем своей программы, которая подразумевала создание «Великой Иллирии», состоящей из Хорватии, Славонии, Военной границы, Далмации, Котора, Боснии и Герцеговины, Штирии, Каринтии, Крайны, т.е. всего славянского юга Австрии. Таким образом, Драшкович в территориальном аспекте выходил далеко за этнические границы хорватского народа. Это заложило основы будущих сербо-хорватских противоречий на долгие десятилетия [18].

Таким образом, подводя итоги, мы можем констатировать, что идея «Великой Сербии», которую в законченном виде сформулировал И. Гарашанин, формировалась и вызревала постепенно, долгие годы. Истоки ее следует искать в патриотических произведениях просветителя Д. Обрадовича, воспевавшего былое величие Сербии и призывавшего к единению в борьбе против османов. Стремление сербов избавиться от турецкого владычества и восстановить свою государственность с годами плавно трансформировалось в задачу воссоздать державу в границах правления Стефана Душана.

Новый толчок формированию пансербизма дало Первое сербское восстание, в ходе которого появились программа И. Юговича – первая программа воссоздания государства с включением в него чужих территорий. В определенной мере способствовали укоренению пансербизма российские военные и дипломаты, которые оказывали помощь сербам в их борьбе против турок, вели с ними переговоры, чем подогревали в них осознание своей исключительности. В дальнейшем идея пансербизма укрепилась благодаря утверждениям Вука Караджича о том, что все южные славяне суть сербы.

Окончательное формирование концепция Великой Сербии получила освещение в «Начертании» И. Гарашанина, который учел наработки Ф. Заха и советы А. Чарторыйского. «Начертание», предполагавшее включение в состав Великой Сербии других южнославянских земель, представляет собой уже детальную программу сербской экспансии. Именно это произведение долгие годы определяло вектор внешней политики Сербии и было руководством к действию для многих сербских политических деятелей. Для значительной части сербских радикалов его идеи актуальны и сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Идея Великой Сербии будет жить еще триста лет, пока не осуществится: интервью Воислава Шешеля сайту RusNext.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusnext.ru/news/1444715888>
2. Ярчевич С. Предками Румын и молдаван были сербы (славяне) / Слободан Ярчевич [Электронный ресурс] / Информационное агентство «Русская народная линия – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/09/06/predkami_rumyn_i_moldavan_yavlyayutsya_serby_slavyane/
3. Узун Ю. В. Геополітичний проект «Велика Сербія»: формування та сучасне використання // Наукові праці. Політологія. – Випуск 236, том 248. – С. 105 - 109. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.chdu.edu.ua/article/view/55723/51899>
4. Чиркович С. История сербов / С. Чиркович – М. : Весь мир, 2009. – С.44.
5. Alexi-Пејковић Љ. Bosna and Herzegovina at sonoporation planavimo and New. Bosna and Herzegovina credig century to navieg times. Odogovorni urednik the Slavenka Terzi. – Beograd, 1995. – S.331.
6. Белов М.В. Формирование и развитие сербской национальной идеологии в конце XVIII - середине 30-х гг. XIX века. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. – Нижний Новгород, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-serbskoi-natsionalnoi-ideologii-v-kontse-xviii-seredine-30-kh-gg-xix>

7. Белов М.В. К вопросу о роли России в возрождении идеи Великой Сербии в период восстания 1804—1813 гг. / М.В.Белов // Мининские чтения. Материалы научной конференции 10 декабря 2002 года. Нижний Новгород, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://annales.info/evrope/small/greatserb.htm>
8. Белов М.В. Формирование и развитие сербской национальной идеологии в конце XVIII - середине 30-х гг. XIX века. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. – Нижний Новгород, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/formirovanie-i-razvitie-serbskoi-natsionalnoi-ideologii-v-kontse-xviii-seredine-30-kh-gg-xix>
9. Беляков С. Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя / С.Беляков. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 312 с.
10. Načertanije, Encyclopedia of Eastern Europe. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.questiaschool.com/read/106918273?title=N%3A%20Na%C4%8Dertanije>
11. Никифоров К. Балканский Бисмарк // Серпска.ру. Все о Сербии на одном сайте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=13100>
12. Kratka biografija Františka Aleksandra Zaha iz emisije Eсе Homo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rozhlas.cz/brno/upozornujeme/_zprava/342326
13. Узун Ю. В. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics.chdu.edu.ua/article/view/55723/51899>
14. Никифоров Д.И. На пути к восточному кризису 1875 – 1878 гг.: Босния и Герцеговина в плане Или Гарашанина «Начертание» / Д.И.Никифоров // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. – №5. – часть 1. – С. 49.
15. Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель / К.В.Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995. – С.51.
16. Гарашанин И. Начертаније // Šarkinović Н. Воšnjaci od Načertaniја do Memoranduma. – Podgorica, 1997. – С. 34.
17. Чернік Л.С. Державотворчій процес у Сербії в другій половині XIX століття // Порівняльно-аналітичне право. Електронне наукове фахове видання юридичного факультету ДВНЗ «Ужгородський національний університет» – Ужгород, 2017. – №2. – С. 27. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pap.in.ua/2_2017/7.pdf
18. Филимонова А. Понятие «Великая Сербия» в политике хорватских и словенских католических деятелей (1914-1918) / Анна Филимонова // Релігія в Україні. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/5619-ponyatie-velikaya-serbiya-v-politike-horvatskix-i-slovenskix-katolicheskix-deyatelej-1914-1918.html

Поступила в редакцию 22.02.2019 г.

ILIJA GARASHANIN'S IDEAS OF PAN-SLAVISM: HISTORICAL ORIGINS, FORMATION AND DEVELOPMENT

M.A. Solovei

The article considers the process of formation of idea of so-called Pan-Serbism, or Greater Serbia. The author analyzes the historical origins of this phenomenon, internal and external preconditions of its development. The article also provides an assessment of the role and contribution of Ilija Garašanin in creating the ideology of Greater Serbia.

Key words: Serbia, Greater Serbia, Pan-Serbism, Ilija Garašanin.

Соловей Мария Александровна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России и славянских
народов, ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: valkyr-mariya@yandex.ru

Solovei Mariia Alexandrovna
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of
History of Russia and Slavic Peoples
SCE HPE Donetsk National University.
E-mail: valkyr-mariya@yandex.ru

УДК 338(09)(470) «1921/1929»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СССР В ПРОВЕДЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЛИКВИДАЦИИ КУРСА НЭП

© 2019. *В.В. Чамлай*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

Материалы научной статьи раскрывают особенности реформирования правоохранительной деятельности в условиях изменения политического курса государства: ликвидации новой экономической политики. Кроме того, в статье рассматривается перечень мероприятий по «национализации» имущества нэпманов.

Ключевые слова: административно-командная система, СССР, правоохранительные органы, полиция, государственная политика.

Проблема изучения вопросов развития, формирования целей и задач правоохранительных органов во времена становления курса НЭП нашла свое освещение в ряде научных работ ведущих историков и правоведов современности. На протяжении существования СССР, советская историография способствовала образованию мифа о развитой правоохранительной системе, которая всегда успешно действовала в различные исторические периоды существования советского государства. Как правило, исследование различных аспектов правоохранительной деятельности советскими юристами и историками С.Л. Фуксом, Р.С. Мулукаевым, А.И. Рогожиным [1–3] отличалось однообразностью, и констатированием фактов об организации деятельности исключительно на принципах законности и правопорядка. Безусловно, что современники испытывали на себе груз идеологического давления со стороны государства, что в свою очередь не способствовало объективному описанию исторических событий периода НЭПа. С другой стороны современные исследователи, среди которых можно выделить как украинских, так и российских ученых в разной степени освещала данную проблему: П.П. Михайленко, И.Г. Билас [4; 5].

Целью данной научной статьи является комплексное изучение событий, связанных с участием правоохранительных в проведении мероприятий по ликвидации курса НЭП.

В тоже время анализ историографических источников указывает, что исследование деятельности правоохранительных органов в условиях ликвидации курса НЭП является темой актуальной в контексте дальнейшего проведения диссертационного исследования молодыми учеными. Кроме того, данная тема имеет интерес с практической точки зрения, так как до сих пор открыт вопрос реформирования правоохранительных органов, определения их места в процессе становления и развития современного государства на основе исторического опыта прошлого. Также отдельно можно выделить пути повышения эффективности работы правоохранительных органов, в контексте изменения политического курса. Важно отметить, что глобальные перемены в жизни государства способствуют всплеску новой волны преступности и как следствие требуют реформирования правоохранительной системы для повышения и без того высокой степени самоотдачи в борьбе с преступностью. Именно поэтому исследование и переоценка научных сведений, накопленных предшественниками актуально сегодня. Изучение материалов описывающих развитие советского государства в период становления большевистской власти свидетельствует, что в начале 20-х годов XX века экономическое положение послевоенного государства было крайне тяжелым, а степень социальной напряженности населения оставалась достаточно высокой.

Политика «военного коммунизма» не принесла ожидаемого результата, и руководство государства теряло свои позиции, значительно повысился уровень преступности, и возросла не удовлетворенность граждан, объяснялось их социальной незащищенностью со стороны государства. Обострение экономического и политического кризиса в 1921 году в стране стало решающим фактором в принятии НЭПа как спасательного курса для большевиков. Реформирование правоохранительной системы происходило параллельно с рассветом НЭПа. Развитие товарно-рыночных отношений привело к обострению криминогенной ситуации в государстве. Увеличилось количество преступных группировок. В условиях отсутствия четко сформированной нормативной базы по вопросам компетенции работников милиции было принято решение о расстреле на месте преступления пойманных преступников без суда и следствия [11]. Такие радикальные меры были вынужденной мерой, но именно они стали отправной точкой в ряде мероприятий по укреплению государственной экономики, но и в борьбе с преступностью.

В целом мнение сторонников партии большевиков и ее главы В.И. Ленина в вопросах выбора дальнейшего курса развития было неоднозначным. Часть сторонников большевиков восприняла вынужденное отступление от принципов «военного коммунизма» как предательство. Кроме того, репрессивные действия со стороны правоохранительных органов были вынужденными мероприятиями ни только исходя из политического курса, предшествующего НЭПу, но и в контексте рассмотрения наличия внешнего врага в лице анти большевицких разрозненных групп, которые действовали и после окончания Гражданской войны. Поэтому перед сотрудниками правоохранительных органов, как представителями исполнительной власти в государстве стояли задачи обеспечения соблюдения социалистической законности и правопорядка. В ходе деятельности сотрудники милиции должны были охватить все сферы общественной жизни экономику, политику, идеологию. На первый взгляд, переход к НЭПу и возможность заниматься свободной торговлей, оплачивая налоги, сразу был принят гражданами. Интересно отметить, что введение НЭПа встретило сопротивление со стороны крестьянства. Крестьяне с недоверием отнеслись к таким радикальным переменам, что способствовало низменным вооруженным выступлениям. Таким образом, органы исполнительной власти по приказу руководства вынуждены были применять давление на граждан с целью утверждения и укрепления большевистской власти в украинском селе путем введения НЭПа. Пользуясь пробелами в административном законодательстве сотрудники силовых структур проводили массовые обыски и аресты. Несмотря на ряд сложностей, можно с уверенностью констатировать факт, что укрепление позиций советской власти стало движущей силой в проведении ряда реформ. В частности состоялась реорганизация правоохранительных органов.

Актуальность исследования вопросов реформирования правоохранительной системы во времена НЭП, обусловлена противоречивостью развития законодательной базы. Процесс реформирования правоохранительной системы, требовал создания правовой базы, которая бы не только контролировала процессы, присущие стремительному развитию экономики, но и способствовала установлению тесной связи между гражданами и государством. Важное значение в создании условий для НЭПа играло формирование гражданского права, задачей которого было налаживание взаимоотношений между государственной и частными владельцами. На основе законодательной базы было создано четкое разграничение государственной и частной собственности, соответствующей условиям НЭПа. Различения форм собственности в РСФСР регламентировалось на основе статей Гражданского Кодекса на: государственную, кооперативную и частную. Признание факта частной собственности не является характерным для большевистской власти, и эта отличительная особенность подчеркивается в исторической литературе, как необходимая мера для возрождения экономики

и установления политической стабильности большевистской партии. Следует отметить, что предпочтение отдавалось государственной собственности. Недра, земля, леса, воды, железные дороги общего пользования, согласно Гражданского Кодекса, считались исключительно собственностью государства. С помощью норм гражданского права государственные органы получили возможность предоставить большую самостоятельность предприятиям в своем развитии и независимость в занятии хозяйственной деятельностью. Другой категорией субъектов гражданско-правовых отношений следует считать юридические лица. Права юридических лиц предоставлялось предприятиям, организациям. Государственные предприятия относились к особой группе юридических лиц, которые были переведены на хозрасчет. Среди них особо следует отметить предприятия не находящиеся на государственном снабжении. Тенденция объединения частных предпринимателей в так называемые по началу давало возможность противостоять государственному прессингу и притеснениям в отношении частных предпринимателей. Таким образом, частные предприниматели сохраняли возможность заниматься предпринимательской деятельностью, укрепляя собственные экономические позиций в государственной торговле. Не менее весомый вклад в создание прочной базы государства и выполнения правоохранительной деятельности в области государственных финансов оказали нормы административного права. Административно-правовая деятельность остается главной составляющей деятельности органов исполнительной власти [6, дел. 2803, л. 4]. Стремительное развитие рыночных отношений во времена НЭПа требовало неотложных реформ в сфере административного права, наряду с налаживанием работы правоохранительных органов в административном секторе. Постановление правительства УССР, от 27 июня 1924 года, закрепила за органами милиции право надзора и соблюдения правил торговли. Основные задачи правоохранительных органов сводилась к выявлению правонарушителей в сфере торговли и проведения профилактической деятельности с составлением соответствующих протоколов, которые рассматривались органами внутренних дел. В ходе исследования административной деятельности особого внимания привлекает деятельность руководства Народного комиссариата внутренних дел СССР. Процесс расширения полномочий правоохранительных органов оказал влияние в различных сферах общественной деятельности, вплоть до осуществления административного контроля за деятельностью предприятий.

Таким образом, стремительное развитие НЭП в определенной степени повлекло ряд изменений в деятельности правоохранительных органов. Стремительное развитие экономического потенциала государства на протяжении 1921–1924 гг. как следствие сменилось полным упадком развития экономики, что совпало со смертью В.И. Ленина и приходом к власти И.В. Сталина. Следует отметить, что тенденция к своеобразным повышениям и потере предыдущих достижений характерна развитию любой страны. Таким образом, кризисная ситуация в развитии экономики во второй половине 20-х годов XX столетия обуславливается такими негативными тенденциями, как отсутствие «здоровой конкуренции» между товарами, производящими государственными предприятиями и частными учреждениями. Соответственно тотальное притеснение частной собственности не давала возможности развиваться дальнейшей экономике государства естественным путем, товары становились не способны конкурировать как на внутреннем рынке, так и внешнем, что приводило государство к экономическому спаду. Одним словом, исследование и изучение материалов партийных решений 1925–1928 гг., показывает нам радикальное изменение политического курса страны. Чрезмерное вмешательство органов исполнительной власти и контроль до определенного момента является необходимым в развитии государства, а в случае превышения такового контроля происходит, как правило, обратная реакция. Развитие сталинского политического курса предполагало формирования административно-командной системы в условиях дальнейшего установления всестороннего руководства предпринимательской деятельностью, что привело к значительным

потерям в экономическом развитии государства. Середина 1920-х гг. характеризуется попыткой свертывания НЭПа. Прежде всего, проводится ряд мероприятий по ликвидации частных синдикатов в промышленной отрасли и существенное уменьшение доли частного имущества предпринимателей. Все эти меры осуществляются при участии правоохранительных органов, которые создают все необходимые условия для создания жесткой централизованной системы управления экономикой. Изменение курса развития деревни поспособствовало появлению дефицита товаров необходимых для крестьянства, что привело к появлению серьезных трудностей в получении хлеба, необходимого для снабжения городов и выполнения экспортно-импортных планов. Попытка Н.И.Бухарина озвучить проблему хлебных заготовок и проблему капиталовложений в тяжёлую индустрию, которая, по его словам, будет «мучительно и жгуче стоять в течение ближайших 15 лет» в своем выступлении перед XV съездом партии вызвала ряд дискуссий [7, с. 3]. К моменту XV съезда (декабрь 1927 года) плановые заготовки хлеба упали на 42 % по сравнению с тем же периодом предыдущего года. В итоге хозяйственная отрасль, которая ранее позволила восстановить государственный потенциал после Гражданской войны, перестала быть прибыльной и обрела черты затратного механизма, который приносил государству лишь убытки. Не рентабельность сельского хозяйства покрывались за счет государственных средств и была поводом к началу кампании по открытой ликвидации частного капитала. Изначально в СМИ были размещены объявления о недоимках по налогам в частном секторе по СССР. Данная информация была призвана усилить тревогу населения о недоимках в части касающейся налогов [12]. Вследствие этого были организованы бригады по проверке взимания недоимок с «частников», так называемые оперативные «тройки» из «наиболее выдержанных и проверенных товарищей». В компетенцию данных сотрудников входило обследование и выявление недоимок у лиц, на которых падало подозрение в том, что они скрыли свои доходы. Эти «ударные бригады» путем тщательного обыска на квартирах выясняли, не прячет ли предприниматель своих ценностей и денег, нет ли у него скрытого имущества, также они наводили справки у соседей, а затем выписывали ордер на обыск жилья. Широкое привлечение рабочих к подобной деятельности объяснялось не столько нехваткой работников налоговых служб и отсутствием специальной налоговой полиции сколько, собственно говоря, слабой подготовкой правоохранителей в вопросах борьбы с экономическими преступлениями. Кроме того, перед большевизским руководством негласно стояла цель создать на государственном уровне общую атмосферу нетерпимости к тем, кто сумел создать капитал и жил лучше других. Данная атмосфера негативно влияла не только на частных предпринимателей, но и на самих право охранителей, на которых могло пасть подозрение в лояльности фининспекторов к гражданам, имеющим высокие доходы. К 1928 г., в компетенцию так называемых троек, наделенным специальными полномочиями, было предписано в обязательном порядке привлечь частного предпринимателя к уголовной ответственности по статье «Спекуляция продуктов сельского хозяйства», при малейшем на то поводе. Повод к аресту способствовал дальнейшей конфискации товаров и всего имущества частного предпринимателя. Как правило, подобным образом наказывалась скупка частными предпринимателями хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства. Поводом к аресту зачастую мог служить даже факт владения крупным недвижимым имуществом, санкция за данное «правонарушение» составляла лишение свободы сроком до одного года с конфискацией имущества. Данная форма привлечения к наказаниям успешно осуществлялась не квалифицированными сотрудниками и

губительно влияла на экономику страны. Подобные мероприятия проводились массового в различных организациях, фактически руками право охранителей была объявлена не официальная война «среднему классу» и зажиточной части населения. Чистки были проведены и в государственных хозяйственных организациях. Мероприятия по «сращиванию» частного предпринимателя и рабочего возлагались на рабоче-крестьянскую милицию. Особенно размах данные мероприятия коснулись Сибирского региона. Оперативные сводки ОГПУ, сохранившиеся в фонде управления краевого прокурора Новосибирского государственного архива свидетельствуют, что только за вторую половину января 1928 г., или, как говорилось в документах, «с начала проведения кампании», по 107 статье в Сибири было арестовано 396 частных предпринимателей. Среди них – владельцы кожевенных заводов, мельниц, торговцы хлебом, мануфактурой, чаем, мясом. Сообщения об арестах частных предпринимателей и конфискации их имущества не сходили со страниц «Советской Сибири» в течение всего года [8, с.72–73]. Тенденция увеличения налогов на нэпманов в отношении частных предпринимателей постепенно стали приобретать все более общий характер, давление на предпринимателей оказывалось во всех сферах жизни. В Сибири по решению первого Краевого Сибирского съезда жилищной кооперации «нетрудовой элемент» подлежал в короткий срок полному выселению из кооперативных домов. Та же участь ожидала предпринимателей, проживавших на государственных квартирах. В их отношении предполагалось действовать под девизом: «Ни одного метра жилой площади в муниципализированных домах – нетрудовому элементу» [9]. Осознавая, что государственная поддержка предпринимателей сменилась тотальным прессингом, свою лепту разрушение частного капитала внесли профсоюзы, которые способствовали своей деятельностью увеличению ультимативных требований со стороны наемных работников. Неудовлетворение общим положением дел на частных предприятиях приводило наемных рабочих к забастовкам и дальнейшему разорению владельцев предприятий.

Интересно отметить, что курс новой экономической политики позволил неожиданно в кратчайшие сроки возродить экономический потенциал государства, за счет развития товарно-рыночных отношений, к стремительному развитию которых само руководство страны оказалось неготовым. Именно поэтому большевики нашли ряд надуманных причин, дабы свернуть данный политический курс. Удивительным является тот факт, что темпы реализации задач НЭП по восстановлению экономики страны опережали заранее обозначенный план по выполнению. Вследствие этого руководством страны предполагалась, что излишняя инициатива в развитии экономики со стороны нэпманов является не приемлемой и противоречит как административно-командной системе государства, так и принципам построения и развития модели советского тоталитарного государства. Показательным является выступление И. Сталина, который на конференции аграриев-марксистов 27 декабря 1929 г. заявлял: «Если мы придерживаемся НЭПа, это потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы новую экономическую политику отбросим к черту» [10].

Безусловно, что данное выступление стало открытым призывом к усилению влияния государственной собственности. И значение силовых структур в реализации курса свертывания НЭП велико. Используя ресурсы правоохранительных органов, большевикам удалось в короткий отрезок времени вырвать из рук частников инвестиционные ресурсы, без чего не было бы дальнейшей коллективизации и индустриализации. Энтузиазм десятков миллионов людей воодушевленных НЭПом,

стал разменной монетой в СССР. Успешный технологический рывок стал хорошим фундаментом для построения дальнейшего комплексного хозяйства СССР с внедрением плановости, отчетности, и «пятилеток». НЭП позволил вырастить с нуля широчайший спектр специалистов в различных сферах жизнедеятельности, позволил создать образцового советского человека грамотного, культурного, всесторонне развитого. И на наш взгляд каждый рядовой гражданин времен НЭП подсознательно сравнивал свою собственную жизнь до революции, во время НЭПа и после него, с соответствующими выводами. Но увы, делиться данными мыслями было не модно и не безопасно, поэтому к 1930 г. частный предприниматель был ликвидирован как класс и смог возродиться лишь с наступлением развала СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукс С. Л. Советское государство в период от начала НЭП до перехода к развернутому наступлению социализма по всему фронту (1921-1929 гг.) / С. Л. Фукс. – Х., 1965. – 70 с.
2. Мулукаев Р. С. О сотрудничестве советских республик в строительстве рабоче-крестьянской советской милиции / Р. С. Мулукаев // Советское право. – 1982. – № 11. – С. 63-67.
3. Рогожин А. И. Рабоче-крестьянская советская милиция УССР в период иностранной интервенции и гражданской войны : конспект лекций / А. И. Рогожин. – Х. : ХЮИ, 1964. – 24 с.
4. Михайленко П. П. Міліція України радянського періоду (1923-1940 рр.) / П. П. Михайленко, Т. Л. Кальченко // Міліція України. – 2003. – № 9. – С. 18-19.
5. Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні 1917—1953 рр. : Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз : у 2 кн. / І. Г. Білас – К. : Либідь – Військо України, 1994. – Кн. 1. – 428 с.
6. ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 20. – Спр. 2803.
7. Роговин В.З. Власть и оппозиция/ В.З. Роговин. – М.: Товарищество «Журн. „Театр“» . – 465 с.
8. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации / Под ред. Г.Л. Соболева. Барнаул, 1998. – 240 с
9. Миронин С. С. НЭП: неизвестные страницы // Рабочий класс. – № 27. – (418) июль 2008 г.
10. Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции от 27 декабря 1929 г.
11. Глушенко П.П., Жаркой М.Э. Становление карательной политики в первые годы советской власти // Научный журнал «Общество и право» – 2009. – №1 (23). – С. 14-22. – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-karatelnoy-politiki-v-pervye-gody-sovetskoj-vlasti> (дата обращения: 21.02.2019).
12. Кучеров И.И. Налоговое право России / И.И. Кучеров – М.: ЮрИнфоР, 2001. – 360 с.

Поступила в редакцию 29.01.2019 г.

ACTIVITIES OF LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES OF THE USSR IN CONDUCTING MEASURES FOR THE ELIMINATION OF THE NEW ECONOMIC POLITICS COURSE

V.V. Chamlai

Materials of the scientific article expose the features of reformation of law-enforcement activity in the conditions of change of political course of the state: liquidations of new economic policy. In addition in the article the list of measures is examined on "nationalization" of property of new economic policies.

Key words: command system, USSR, law enforcement agencies, police, state policy.

Чамлай Виталий Валентинович

Кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.
E-mail: valentinovich-v@mail.ru

Chamlai Vitaly Valentinovich

Candidate of Law Sciences,
Chief of research department,
Donbass legal academy (Donetsk)
E-mail: valentinovich-v@mail.ru

УДК 930.85:2-137(862.33)

ИДЕИ ЖОРЖ САНД И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

© 2019. *Л.Г. Шепко, Д.Ю. Надыкто*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной научной статье рассматривается влияние социальных идей Жорж Санд на русское общество первой половины XIX в. Проанализированы основные причины успеха романов французской писательницы в России и отношение русской общественности к ее творчеству.

Ключевые слова: русское общество, революционные идеи, Жорж Санд, Россия, первая половина XIX в.

В гуманитарном знании возрос интерес к проблемам «диалога культур», который осуществляется в разных видах литературы, формам их взаимовлияния, появляющихся в ходе формирования общего интеллектуального пространства. В историко-культурном процессе взаимодействия разных стран и народов особое место занимают отношения России и Франции. В год 215-летия со дня рождения французской писательницы-романистки Жорж Санд (1804–1876) литературоведы отмечают неизменный читательский интерес к ее творчеству. Этот факт предполагает выяснить, какие идеи и почему остаются интересными нашему современнику.

Жорж Санд приобрела в XIX в. известность благодаря смелым убеждениям, изложенным на страницах своих романов. Личность Жорж Санд и ее литературное наследие многогранны, а высказанные идеи многозначны. Все это, вместе и в отдельности, вызвало неоднозначную оценку в обществе, особенно в период революционных событий 40-х гг. XIX в., на которые пришелся пик творческой деятельности французской романистки.

Являясь сторонницей социалистических идей, писательница проповедовала идею «свободной женщины», призывала предоставить ей возможность самой управлять собственной судьбой, иметь равные возможности с мужчинами в повседневной жизни и общественной деятельности. Подобные суждения звучали революционно, так как противоречили сформировавшимся буржуазным представлениям о роли женщины в обществе и семье.

Творчество Жорж Санд пользовалось большой популярностью не только во Франции, но и во всем мире. Смелые идеи оставили заметный след в женской истории русского общества и стали толчком для изменения ряда социальных норм. Важен не только социальный контекст творчества Жорж Санд, но и его преломление в интеллектуальном пространстве. И если Франция сформировала личность французской романистки, то воздействие ее идей, образа мышления и сами поступки на определенные социальные группы в другой конкретно-исторической среде может представлять самостоятельный интерес.

В этом плане Россия является удачным полем для исследований данного направления. Это обусловлено тем, что французская романистка пользовалась широкой популярностью в России с 40-х гг. XIX в. По нашему мнению, именно этим обусловлена актуальность темы. Социальная активность женщин, актуализация их интеллектуальных занятий оказывает большое влияние на общество.

Цель статьи – проанализировать влияние социальных идей Жорж Санд на русское общество первой половины XIX в.

В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих научных задач:

- проанализировать основные причины успеха романов французской писательницы в России;
- определить отношение русской общественности к личности, идеям творчеству Жорж Санд.

Источниками работы выступают художественные произведения Жорж Санд, русских писательниц XIX в., статьи литературных критиков в периодической печати России 30-60-х гг. XIX в.

Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались в научных трудах российских специалистов по истории русской и зарубежной литературы, исследовавших вопросы места и роли женщин-писательниц XIX в. Здесь следует отметить работы современного писателя С. С. Шашкова [1] и писателя-публициста К. А. Скальковского [2]. Творчество и взгляды Жорж Санд вызывали интерес у многих писателей. Не утратило своего значения изданное в 1933 г. биографическое описание личности и творчества Жорж Санд, созданное драматургом и переводчицей Н. А. Венкстерн [3].

В настоящее время творчество Жорж Санд и его воздействие на русское общество является предметом серьезных исследований О. Б. Кафановой [4–6].

К вопросам взаимодействия литературы и общества, влияния творчества французской романистки на интеллектуальную жизнь России обращаются литературоведы О. А. Ильина [7, 8], О. В. Тимашова [9], Н. А. Литвиненко [10], философы Л. П. Костюкевич [11]. В контексте развития социальных представлений о положении женщины в обществе важны исследования российского историка Н. Л. Пушкаревой [12, 13].

Положение женщины во Франции также вызывало интерес у русской общественности. Изменения в положении женщины во Франции под влиянием просветительных идей накануне революции и женское движение в годы Французской революции проанализированы Е. Н. Щепкиной [14].

Женщина во Франции первой половины XIX в. была лишена гражданских прав. Главной функцией брака как социального института была функция воспроизводства человеческого рода, освященная католической церковью и санкционированная государством. Брачный союз считался пожизненным и нерасторжимым. Соответственно цели брака – деторождение и материально-экономическое обеспечение потомства – делали отца или брата ответственными за выбор мужа для девушки, не учитывая ее сердечных предпочтений. Французская общественность ограничила женщину даже в управлении имуществом в собственной семье.

И во Франции, и в России был исключен доступ женщинам к полноценной общественной жизни, их деятельность вне семьи была ограничена рамками салонов. Например, такие русские писательницы, как К. К. Павлова и Е. П. Растопчина, остались в истории литературы только авторами талантливых салонных произведений [15].

К 1848 г. относится небольшая поэма Каролины Павловой «Разговор в Трианоне», которая была запрещена цензурой (писательница выступила в ней убежденной и воинствующей противницей передовых идей, со страхом встретившей революционные события, развернувшиеся в 1848 г. в Западной Европе) [16].

Евдокия Растопчина в 1839 г. издала «Очерки большого света», главной темой которых было право женщины на любовь по собственному выбору. Работа была

проигнорирована критикой. Из-под пера писательницы вышла целая череда стихотворений, где читатель, по словам литературного критика А. В. Дружинина, нашел «сильный протест против многих сторон великосветской жизни». Насмешки и критика светского общества вызвали бурную реакцию среди высших слоев, осудивших писательницу за ее легкомыслие [17].

Контакты России и Франции в первой половине XIX в. были плотными. Еще после реформ Петра I (1715–1725) Россия активно включилась в европейскую жизнь, в которой преобладало влияние французской культуры. Огромный интерес к Франции послужил возникновению настоящей галломании в различных сферах деятельности, будь то история, искусство, наука или язык. Особый интерес вызывала французская литература. Произведения многих известных французских писателей переводили на русский язык. Именно литература стала основным средством для распространения идей и взглядов [18].

Тесные связи двух стран способствовали проникновению в русскую литературу романов Жорж Санд. Широкий отклик в России получили выраженные в ее произведениях идеи о праве женщины на самостоятельную общественную работу, о свободе чувств. Но смелые идеи и образы Жорж Санд российское общество восприняло неоднозначно.

Находясь под сильнейшим влиянием идеалистической философии, русская общественная мысль также осуждала Жорж Санд, как нарушительницу спокойствия, представительницу французской «неистойовой словесности», эстетика которой была своеобразной формой отрицания реальной действительности [19].

В 30-е гг. XIX в. российская литературная критика в лице О. Сенковского, Ф. Булгарина, В. Белинского выступила против французской романистки. Например, русский критик и журналист Ф. В. Булгарин на страницах газеты консервативного направления «Северной пчелы» в 1848 г. старался клеветой и насмешкой развенчать образ женщины, влияние которой становилось опасным

Правительство самодержавной России, как и французское буржуазное общество, восприняли Жорж Санд как опасного врага. Выступлениями против неравенства мужчины и женщины в обществе писательница подрывала веру в таинство церковного брака, который в теории декларировал, что любовь – необходимое его условие, но на практике закреплял патриархальные представления. Кроме того, в 30-е гг. XIX в. Жорж Санд выступала с идеей реформы брака, который бы позволил женщине развестись с супругом в случае несчастливой совместной жизни. В подобной ситуации государство и церковь в лице мужской части населения, опасаясь разрушения патриархальной семьи и «святого» брака, наделили писательницу репутацией «развратительница нравов» [5].

В начале 1840-х гг. положение меняется, в русском обществе формируется философская, культурно-социальная, эстетическая программа, предопределившая дальнейшее направление духовного развития. Бурные либерально-демократические процессы в России, а также поиск новых способов изображения действительности привлекли внимание к идейно-художественному содержанию произведений Жорж Санд. Ее идеи вызвали оживленную полемику, которая привела к возникновению термина «жорж-сандизм». В романе русского писателя А. Ф. Писемского (1821–1881) «Люди сороковых годов» (1869) есть отдельная глава (XII) «Жорж-сандизм» [20]. Автор запечатлел важную особенность российской общественно-культурной жизни 30–60-х гг. XIX в. – бурное обсуждение комплекса нравственно-этических идей, связанных с пересмотром любви и брака, заявленных в романских коллизиях Жорж Санд.

Изменилось отношение В. Г. Белинского к романам Ж. Санд. Он восторженно характеризует социальные идеи «Мопры», называя роман одним из лучших созданий автора. В 1837 г. «Мопра» впервые была напечатана в «Московском наблюдателе» в переводе И. Проташинского, в 1839 г. вышла отдельной книгой в «Библиотеке избранных романов, повестей и любопытнейших путешествий», издаваемой книгопродавцем Н. Н. Глазуновым (Улитиным) [21].

В кругах московских и петербургских западников Жорж Санд воспринималась не только как «первый поэт и первый романист нашего времени», но и как основатель культурного движения, которое должно привести к разрешению многих, если не всех, противоречий современной жизни [22]. Революционно-демократическая критика России признала Жорж Санд талантливым художником, а русские классики: Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев оценили по достоинству идеи писательницы.

И. А. Гончаров, характеризуя личность литературного критика В. Г. Белинского, приводит свидетельства популярности Жорж Санд, о которой «...тогда говорили непрерывно; по мере появления ее книг, читали, переводили ее; некоторые женщины даже буквально примеряли на себе ее эмансипаторские заповеди, поставив себя в положение тех или других ее героинь» [23].

Жорж Санд первая пробила брешь в этой каменной стене, ограждающей женщину от возможностей реализации своих интеллектуальных способностей. Например, писательница поспособствовала развитию в России «женской» прозы, вдохновила женщин выражать свои эмоции, чувства, переживания и идеи с помощью литературных приемов. Благодаря ей наиболее смелая и отчаянная часть женщин пыталась психологически оформить типические особенности своего бытия, имеющие отличительные черты от мужского бытия.

Например, русские беллетристки М. С. Жукова (1805–1855) и Е. А. Ган (1814–1842) первыми выразили в литературе духовные потребности многих современниц, которые желали признания прав женской личности и отказывались мириться с дискриминацией женщины в обществе [24]. Опираясь на сюжетные линии романов Ж. Санд и главного героя ее романа «Жак», М. С. Жукова в своей повести «Барон Рейхман» (1837) затрагивает вопрос ограниченности возможностей для женской самореализации, замкнутости женской сферы в рамках семьи [25].

Русская писательница Е. А. Ган использовала в своих произведениях образ Индианы одноименного романа Жорж Санд (1832) [26]. Так, в повести «Идеал» (1837) она подчеркивала идею борьбы за личную свободу и возможность самореализации одаренной и стремящейся к самостоятельности женщины [26]. В повести «Суд света» (1840) главная героиня борется с грубым вмешательством светского общества в ее личную жизнь и пытается сохранить свою индивидуальность и отстоять себя как личность [27]. Стоит заметить, что вслед за Жорж Санд женская проза «изнутри» исследовала ощущения и мирозерцание женской личности.

В литературе появился «женский» взгляд на главных героинь, который полностью противоречил «мужскому». Например, на смену бесстрастному и целостному образу Татьяны Лариной, покорившейся своей судьбе вопреки чувству, «женский» вариант жорж-сандовского типа предполагал те же общечеловеческие черты, что и «мужской», отличаясь тем, что его доминирующими чертами становились гордость, врожденное чувство собственного достоинства и независимость от общепринятых в свете норм поведения [19].

Влияние смелых идей и взглядов Жорж Санд поспособствовало развитию женского движения 40-х и 50-х гг. XIX в., получившее название жорж-сандиз. Русские

«западники» сознательно или бессознательно свои поступки сверяли с поведением героев ее романов [28].

Многие героини романов французской романистки, в свою очередь, тоже приобрели значение своеобразного кода:

- Индиана (героиня романа «Индиана», 1832) стала символом женщины, борющейся за право на любовь по собственному выбору [29];
- Жак (героиня романа «Жак», 1834) воплощал идею самоустранения мужа и протест против узаконенного насилия над женщиной, которое общество и церковь поддерживали, отказывая в праве на развод и новый брак [30];
- Эжени (героиня романа «Орас», 1841) олицетворяла тип женщины-работницы, зарабатывающей себе на жизнь; идеал возлюбленной и гражданской жены [31];
- Лукреция Флориани (героиня романа «Лукреция Флориани», 1846) образ, который явился символическим для пересмотра понятия «падшая женщина» [32].

Созданный Жорж Санд культурно-исторический тип личности, порывающей с традициями патриархального сознания, стал своеобразным образцом поведения для части российской интеллигенции. Мужчина, чтобы сохранить чувство собственного достоинства, должен был следовать правилам любовно-супружеского кодекса, описанного Жорж Санд [19].

Героини ее романов, взволновав русскую общественную мысль, стали одной из причин социальных перемен. Жорж Санд придавала мужества многим женщинам для выражения своих собственных желаний и предпочтений. Женская половина населения стала бороться за равенство полов в любви. Женщины самостоятельно выбирали себе партнеров для создания семьи, а не из расчетных соображений отца или брата. Любовь, как не материальное состояние, стала играть ведущую роль при выборе мужа. Кроме того, борьба за любовь в браке стала опорной точкой, из которой и началась борьба женщин за свои права.

Вместе с тем, стремление освободить любовь и женщину и низвергнуть «устарелые» понятия о доме и семье; не означало у писательницы выступления «против брака в принципе» [33].

Идеи писательницы о преодолении социальных границ и устранении социальной несправедливости также нашли отклик в русском обществе. Об этом свидетельствуют массовые браки представителей различных сословий, развитие женского литературного движения и расширение тематики так называемого «женского вопроса».

Женщины стремились вырваться из узких рамок семейного быта для развития своих интеллектуальных способностей, поиска индивидуального и выражения внутреннего мира. Французская романистка превратила женский интеллект в «современный тренд», который стал необходимым условием в русском обществе.

Соответственно изменился и идеал женщины, которому отвечали духовное развитие, серьезные занятия, самосовершенствование, способности разделять интеллектуальные интересы мужа. Неслучайно, московские «западники» не приняли М. Л. Огареву, которая любила балы и наряды (признак легкомыслия и пустоты характера, согласно их этике) и почитали Н. А. Герцен, более соответствующую новому идеалу. То, что еще десять лет назад было частью повседневной жизни, стало «немодным» и осуждаемым [34].

Хотя эволюция взглядов Жорж Санд, отход от социального романа, подчеркивание ценности и необходимости семьи, внимание к воспитанию как «верному пути прогресса» к концу 1860-х гг. не отвечали динамизму женской эмансипации в России [5]. Вместе с тем, очевидно, что идеи и взгляды Жорж Санд,

изложенные на страницах ее романов, оказали существенное влияние на русское общество.

Дискуссии вокруг личности и творчества Ж. Санд развернувшиеся в русской критике означали признание ее глубокого влияния на общество. Произведения и идеи, звучавшие в них, послужили катализатором интеллектуальных изысканий в различных кругах российского общества, в частности западников и славянофилов. Внимательное прочтение ее романов стимулировало появление, используя современную терминологию, гендерных, микроисторических (крестьянская жизнь) исследований, дало импульс формированию нового образа крестьянина [8], распространению идей социального равенства и презентации их в художественной литературе, имело следствием материализацию идей в социально – интеллектуальной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шашков С.С. История русской женщины. – СПб., 1879
2. Скальковский К.А. Женщины-писательницы XIX столетия. – Т. 1. – СПб., 1865.
3. Венкстерн Н. А. Жорж Санд. Жизнь замечательных людей // ЕЁ Медиа. – М., 1993 (первое издание 1933 г.).
4. Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. (Мифы и реальность) 1830–1860 гг. Томск, 1998.
5. Кафанова О.Б. Жорж Санд как феномен русской литературы и культуры // Вестн. Томского гос. пед ун-та. – 2000. – Вып. 6. – С.18–22
6. Кафанова О.Б. Жорж Санд и начало разрушения патриархального сознания в русской литературе XIX века // Вестник ТГПУ. – 2006. – Выпуск 8 (59). – Серия: гуманитарные науки (филология). – С. 31-37
7. Ильина О.А. Полемика западников и славянофилов о «сельских» повестях Жорж Санд // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы XI Всерос. конф. молодых учёных / под ред. А.А. Казакова. – Томск: ТГУ, 2010. – Вып. 11, т. 2.
8. Ильина О.А. Повесть Жорж Санд «La Mare au diable» («Чертово болото») и ее рецепция в России XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 352 (нояб.). – С. 11–14. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/povest-zhorzh-sand-la-mare-au-diable-chertovo-boloto-i-ee-getseptsiya-v-rossii-xix-v...> (01.12.2016).
9. Тимашова, О.В. Роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Личность и эпоха: автореф... дис. канд. филол. наук. 10.01.01. – Саратов, 1999
10. Литвиненко Н.А. Романтическое мифотворчество Жорж Санд и русская литература XIX века // Вестн. ун-та Рос. акад. образования. – 2013. – № 3. – С. 72–79.
11. Костюкевич Л.П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли (I половина XIX века). Автореф. дис. канд. филос. наук. 09.00.03. – Мурманск, 2003
12. Пушкарёва Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в. динамика социокультурных изменений. – М., 1997.
13. Пушкарева, Н. Л. Русская женщина: история и современность : Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000: Материалы к библиографии / Н. Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 2002.
14. Щепкина, Е.Н. Женское движение в годы Французской революции. – Пг.: Б. и, 1921. URL: <http://istmat.info/node/37746>.
15. Скальковский К. Женщины-писательницы XIX столетия. – Т. 1. – СПб., 1865. – С. 34
16. Рапгоф Б. Е. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества // Трирема. – Пг., 1916.
17. Н. В. П. О графине Ростопчиной. (Из записной книжки Н. В. П.) // Русский архив, 1865. – Изд. 2-е. – М., 1866. – С. 1349–1350.
18. Загряжская Т. Ю. Русско-французские культурные связи // Франция и Россия: культурные контакты. – М.: Издательский Дом «Городец», 2008. – С. 5–47.
19. Скальковский К. Женщины-писательницы XIX столетия. – Т. 1. – СПб., 1865. – С. 4/
20. Писемский А.Ф. Люди сороковых годов Собр. соч.: в 5 т. – Т. 4. – М., 1983. – Ч.2, гл. XII.
21. Белинский В. Г. Бернард Мопрат, или перевоспитанный дикарь, сочинение Жорж Занд, (Г-жи Дюдсван) Пер. с фр. Часть первая. Санкт-Петербург. В тип. И. Воробьева. 1841 // Белинский В. Г.

- Собрание сочинений в 9-ти томах. – М.: Художественная литература, 1979. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 – март 1842. URL:http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0500.shtml
22. Белинский В. Г. Статьи и рецензии 1846-1848. Тереза Дюнойе. Роман Евгения Сю. – Матильда, записки молодой женщины. Сочинение Евгения Сю. – Сын тайны. Роман Поля Феваля. – Иезуит. Характеристическая картина из первой четверти осмнадцатого столетия. Соч. К. Шпиндлера // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 10. М., 1956. – С. 106.
23. Гончаров И. А. «Заметках о личности русского литературного критика В. Г. Белинского // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. – С.58
24. Обломиевский Д. Д. Жорж Санд // Французский романтизм. – М., 1947.
25. Коноплева М. С. Мария Семёновна Жукова // Голос минувшего. – 1913. – № 7.
26. Ган Е. А. Идеал //Русская романтическая повесть, – М.: Советская Россия, 1980 стр. 435-480. URL: http://az.lib.ru/g/gan_e_a/text_0010.shtml
27. Шелгунов Н. Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. 1869. № 9–12.
28. Кафанова О.Б Жоржсандизм как явление русской культуры // Диалог культур в условиях глобализации. XII Международные Лихачевские научные чтения 17-18 мая 2012 г. – Т. 1. Доклады. – СПб., 2012. – С. 461–463.
29. Санд Ж. Индиана / Ж. Санд [пер. с фр. А. Н. Толстая]. – М.: Азбука-Аттикус, 2014.
30. Санд Ж. Жак / Ж. Санд [пер. с фр. А. В. Бекетова]. – М.: АСТ, 2008.
31. Санд Ж. Мопра. Орас/ Ж. Санд [пер. с фр. Л. Коган, Я. З. Лесюк, Р. И. Линцер]. – М: ЛитМир, 1974.
32. Санд Ж. Лукреция Флориани / Ж. Санд [пер. с фр. А. Шадрин]. – М.: Славия, 1993.
33. Всеобщая история литературы. [Составлена по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов. Начата под ред. В.Ф. Корша. Окончена под ред. проф. А. Кирпичникова]. – СПб., 1892. – С. 826–827.
34. Шелгунов Н. Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. – 1869. – № 9–12.

Поступила в редакцию 18.02.2019 г.

THE IDEAS OF GEORGE SAND AND RUSSIAN SOCIETY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

L. G. Shepko, D. Y. Nadykto

In this research article examines the impact of the revolutionary ideas of George sand in Russian society the first half of the nineteenth century analyses the main reasons for the success of the novels of the French writer in Russia and the attitude of the Russian public to her work.

Key words: Russian society, revolutionary ideas, George sand, Russia, the first half of the XIX century.

Шепко Лариса Георгиевна

Доктор исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк
E-mail: ppakra@mail.ru

Shepko Larisa Georgievna

Doctor of History, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: ppakra@mail.ru

Надыкто Дарья Юрьевна

Студентка магистратуры исторического
факультета ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
E-mail: daria_nadykto27@mail.ru

Nadykto Daria Yurievna

Student of the Master Course of Historical faculty
E-mail: daria_nadykto27@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 18:316:7

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИСКУССТВЕ

© 2019. *М.С. Асташова*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье проанализированы структурные элементы и художественные закономерности процесса коммуникации в искусстве. Стержневая структура горизонта эстетической коммуникации позиционируется как система связей «автор – произведение искусства – зритель – художественный критик – коммуникативная среда», в которой характер взаимодействия элементов обусловлен рядом антропологических и психофизиологических факторов.

Ключевые слова: эстетическая коммуникация, эстетические образы, художественное восприятие, эстетические эмоции.

Анализ процессов эстетической коммуникации, упрощенную модель которой можно проиллюстрировать как систему связей «автор – произведение искусства – зритель – художественный критик – коммуникативная среда», входит в проблематику междисциплинарного изучения эмоционально-чувственной составляющей искусства в срезе философии культуры, культурологии, социологии и психологии. Актуальность научного обоснования этой модели обусловлена принципиальной значимостью осмысления основных процессов в горизонте эстетической коммуникации как одной из фундаментальных проблем эстетики и искусствоведения. В современном научном дискурсе нет единства мнений касательно рационально-логического обоснования способов трансформации каркаса общественного сознания через художественное пространство, не интегрированы объективные подходы к пониманию эстетических моделей как инструментов регуляции канонов и ценностных ориентиров. Отдельные аспекты проблемы коммуникации в искусстве проанализированы Г. В. Петровской («Произведения изобразительного искусства в процессе художественной коммуникации»), М. В. Тарасовой («Коммуникация зрителя и произведения изобразительного искусства в художественной культуре»), В. С. Антоновой («Модели художественного пространства как предмет философского анализа»), Е. И. Шулевой и А. О. Кузнецовой («Эстетическое восприятие и художественное восприятие: независимость или зависимость?») и другими авторами. Закономерности знаково-символических манипуляций эмоционально-чувственными состояниями человека и функционирования эстетических абстракций изложены в монографии А. П. Воеводина «Эстетическая антропология». Целью данного исследования является анализ структуры и базовых механизмов эстетической коммуникации как целостной системы, характер взаимодействия всех элементов которой обусловлен рядом антропологических и психофизиологических факторов.

Итак, начальным звеном эстетической коммуникации – процесса, в ходе которого посредством воздействия на эмоционально-чувственные аффектации индивида через эстетические образы программно осуществляется моделирование тех или иных стандартов чувств в обществе – является автор. Эстетическая деятельность

художника представляет собой особый способ социальной активности, направленный на искусственное абстрактно-символическое удвоение в материально-знаковой форме чувственного опыта. Основной профессиональной задачей художника является регулирование эстетического сознания социума через модификации социально осознаваемых форм чувственных состояний посредством развития и усложнения различных эстетических образов в соответствии с актуальными в том или ином культурно-историческом измерении социальными запросами.

К эстетической деятельности можно отнести любую трансформацию формы объекта природного происхождения с целью придания ему формы культурного антропогенного характера. Однако финальный продукт только в том случае является произведением искусства в исчерпывающем значении этого понятия, если он не просто наделяется способностью произвольно стимулировать эмоционально-чувственные реакции, но также, в результате преобразования исходной формы, утрачивает пригодность к утилитарному использованию. Эстетической ценностью обладают не произведения, а чувственные состояния, которые возникают в процессе их создания и восприятия.

Эстетическое сознание художника и его высокоорганизованная схема восприятия, имеют преимущество перед обыденным сознанием и восприятием, состоящее в активном деятельном потенциале. В данном случае нетождественность понятий «смотреть» и «видеть» имеет принципиальное значение. Автор формирует художественный образ как преломляющее зеркало своего восприятия, зритель же, лишь воспринимая изображение, отдает себе наглядный отчет в том, что ранее он воспринимал безотчетно. Преимущество профессионального автора в контексте творческой практики перед иными индивидами состоит в его способности рационально привести к минимуму спонтанность экспрессивной игры воображения в пользу объективных закономерностей оперирования знаково-символическим материалом. Эстетическая деятельность автора опирается на его художественный метод как, с одной стороны, совокупность познавательных-оценочных операций (отбор и обобщение социально значимого жизненного материала, осмысление, типизация и идеализация эмоциональных реакций и так далее), а с другой – рассудочное формирование сбалансированной и устойчивой программы «включения» зрителя в пространство произведения и его восприятия, базирующееся на знании технологических приемов и языкового кода вида искусства. Таким образом, авторский метод содержит одновременно аксиологическую и стилиобразующую стороны, что позволяет установить баланс формы и содержания произведения, где замысел выражается адекватными ему средствами.

Вступая в контакт с произведением, зритель переживает произвольно вызванные в нем эстетические чувства, которые являются сложносоставными и в своей основе, согласно выводам А. П. Воеводина, имеют рекомбинации в схеме «прекрасное – безобразное – ужасное». Данные понятия маркируют определенные эмоциональные абстракции, сопровождающие чувственно узнаваемые признаки практических ситуаций («прекрасное» – удовольствие от успешных практических действий, «безобразное» – отрицательные чувства от неудачных практических актов, «ужасное» – чувство, возникающее через обобщение биологически врожденного страха). Стимуляция эстетических чувств реализуется в ходе художественного восприятия, последовательность стадий которого Д. А. Леонтьев обозначил следующим образом: 1) предкоммуникативная стадия (акт выбора произведения искусства и бессознательная настройка на его восприятие); 2) коммуникативная стадия (физический контакт в его

чувственно-материальной форме и встречная деятельность сознания); 3) стадия погружения реципиента в пространство произведения на основе механизмов идентификации и уподобления; 4) стадия осмысления содержания и реконструкции мира произведения; 5) стадия художественного переживания (диалог двух ценностно-смысловых миров – мира личности и мира произведения, трансформация ценностно-смысловой организации личности в ключе качественного обогащения); 6) стадия оценки произведения. В свою очередь, оценочная деятельность протекает в следующих стадиях: перцепция (получение художественного впечатления); апперцепция (актуализация оценочного опыта, усвоенных критериев, шкал и стереотипов); оценочные операции (сопоставление полученного впечатления с общепринятыми критериями и оценками других реципиентов, фиксация оценки).

Проблема эмоциональных реакций как ответа на импульсы, посылаемые произведением, также обоснована в трудах Т. Липпса, согласно выводам которого, эффект «вчувствования», возникающий в ходе восприятия, отражает способность индивида преобразовывать сенсорно регистрируемые сигналы в переживание интимного, личного характера. Психофизические и эстетические механизмы восприятия, в том числе, идентификация, синестезия, художественная суггестия, эстетическое наслаждение и т. д. исследуются в срезе теории рецепции. По мнению С. Холла, актуализировавшего теорию рецепции применительно к СМИ, зритель не пассивно воспринимает произведение как текст, но интерпретирует его, опираясь на свой социокультурный опыт. Исходя из этого, значение текста программируется не внутри самого текста, а возникает в поле взаимодействия произведения и зрителя. Этот факт объясняет и саму двойственность бытия произведения, которое, как отметил С.М. Даниэль, несет в себе собственную внутреннюю среду, в самом художественном замысле наделено неизменной в пространстве и во времени «внутренней жизнью», и одновременно ведет «светский образ жизни, являясь зрителям различных времен, пространств, коллективов» [3, с. 50].

По сути, процесс художественного восприятия – не примитивный акт декодирования фиксированной в произведении информации, а более сложный феномен, обусловленный тремя факторами: во-первых, заданными свойствами произведения (объективная составляющая), во-вторых, творческими способностями, культурным и жизненным опытом зрителя (субъективная составляющая), и, в-третьих, обстоятельствами (временем и местом) контакта с произведением. Процесс коммуникации протекает эффективно только в том случае, если хотя бы некоторые аспекты изображения в достаточной мере сообщаются с личным опытом реципиента. Этот феномен выборочной актуализации элементов, внятных сознанию зрителя, объясняется предметностью самого восприятия и законом психологических ассоциаций, то есть наличием установившихся в жизненном опыте прочных связей между предметами и их условными обозначениями. Иными словами, непредметные изображения произвольно ассоциируются в сознании с конкретными материально осязаемыми объектами. Восстановление связей «ассоциативно возникающих образов жизни в тех ее явлениях, которые входят в опыт, эмоциональную память и внутренний мир (интеллектуальный и чувственный, сознательный и неосознаваемый) реципиента» с «художественно-условным отображением действительности, и художественным образом» осуществляется в процессе сотворчества, протекающего в области воображения [4]. В. Б. Блок акцентирует на аспекте сотворчества как «проявителе художественных начал в читательском восприятии», которое «не просто расшифровывает, но и творчески конструирует свои ответные образы, прямо не

совпадающие с видением автора, хотя и близкие ему по содержательным признакам» [1, с. 163].

Другим базовым компонентом художественного восприятия является сопереживание – проявление когнитивной и предикативной эмпатии, состоящее в способности субъекта намеренно или произвольно переживать эмоциональные состояния персонажа через отождествление с ним в воображении. Зритель получает удовольствие в контакте с произведением, в том числе, в силу естественной психологической потребности в эмпатии. Сотворчество и сопереживание стимулируют сложные психические процессы, степень активности которых, по сути, является индикатором эффективности воздействия эстетических моделей.

Позиционирование процессов сотворчества и сопереживания как основополагающих сторон художественного восприятия было различным на тех или иных стадиях генезиса искусства. Так, ориентир на схематизацию и условность изобразительности первобытного духовно-синкретического комплекса свидетельствовал о преобладании сотворчества, содействовавшего человеку осознать себя человеком. Критический реализм принципиально акцентировал на сопереживании как концептуальной доминанте восприятия и понимания искусства. В период постимпрессионизма художники пренебрегали сопереживанием зрителей в поисках новых механизмов углубленного сотворчества. Та же тенденция характерна для авангардной живописи, требующей от зрителя «пересотворения» образов с тем, чтобы ответить художнику индивидуальными интеллектуальными или чувственными ассоциациями.

Самоценным звеном в цепочке эстетической коммуникации является группа лиц, к которой принадлежат искусствоведы, художественные критики, кураторы и так далее, выступающие в отношении к художникам как высокоорганизованные зрители, а в отношении к публике – как профессионально подготовленные эксперты в области теории и практики искусства, носители художественно-эстетического опыта. Так же как и художники, арт-критики теоретически осознают инструментальный спектр искусственного моделирования эмоциональных реакций посредством эстетических знаков. Опыт логического познания позволяет критику подвергнуть эстетическую эмоцию «рефлексии, обозначить ее в понятиях, познать ее качество, интенсивность, продолжительность», и тем самым установить ее социальное значение [5, с. 372–373].

Функциональное назначение этого звена состоит в квалифицированном анализе и оценивании аксиологической и стилеобразующей составляющих того или иного произведения, формировании научно обоснованного истинного суждения о нем, установлении степени его соответствия потребностям социума, а также в коррекции и регуляции взаимодействия автора и зрителя в горизонте эстетической коммуникации. Пытаясь привести к единому знаменателю языковой код, которым пользуется автор, и код, которым владеет реципиент, критик выполняет функцию некоего переводчика. Тот факт, что «произведения искусства являются не просто наглядными историческими свидетельствами зрения, но продуктами исторического сознания», означает, что между художником и зрителем возникают «конфликтные ситуации не только при непосредственном общении, но и на больших временных дистанциях» [3, с. 58]. Художественный критик нивелирует эти конфликты, поскольку, в отличие от непрофессионального зрителя, избегает основную ошибку ретроспективного истолкования искусства – не соотносит искусство прошлого с нормами настоящего. Критик отшлифовывает всеобщие нормы вкуса, которыми впоследствии руководствуется обыденное мышление, выходя за пределы субъективного индивидуального опыта. Определение ценности того или иного предмета искусства во

многим обусловлено не столько интенцией отдельных реципиентов, сколько устойчивыми и адекватными культурно-исторической среде канонами и оценочными стереотипами, регуляция которых входит в компетенцию критиков и представляет область их профессиональной ответственности.

В проблематику данного исследования также входит анализ фактора пространственно-временных условий, в которых осуществляется эстетическая коммуникация. Произведение провоцирует в психике те или иные эмоции, но «существование того, что мы чувствуем, безусловно ограничено рамками места и времени, в которых мы это переживаем» [6, с. 204]. Профессиональный автор, как правило, заранее планирует организацию выставочного пространства, удовлетворяющего специфике предполагаемого арт-продукта с целью его максимально эффективной презентации и создания целесообразных условий для его исчерпывающего восприятия в экспозиции. Экспозиция формируется как «предметно-пространственная и эмоционально-образная среда в единстве сюжетно-концептуального и визуального ряда» [7, с. 185]. Сама среда способна, с одной стороны, наделять арт-продукцию некими дополнительными эффектными качествами или подчеркнуть ее достоинства, а с другой – наоборот, сделать ее менее доступной для восприятия. Грамотность в формировании коммуникативной среды является условием эффективного продвижения произведений искусства на арт-рынке.

Таким образом, модель эстетической коммуникации схематически можно обозначить в виде системы «автор – произведение – зритель – арт-критик – коммуникативная среда». Творческая практика профессионального автора является сложным, рационально организованным процессом эстетической деятельности. К эстетической деятельности как таковой можно отнести любую производственную трансформацию исходной формы того или иного объекта природного происхождения с целью придания ему формы культурного антропогенного характера. Но продукт эстетической деятельности только в том случае является произведением искусства, если имеет самоценный характер, создается ради самого факта его существования и непригоден к утилитарному использованию.

Внутренняя потребность автора в творческой деятельности обусловлена желанием ощутить свободу от извне заданной реальности, врожденной потребностью организма в эмоциональном насыщении, стремлением расширить границы освоенного, превзойти достигнутый качественный уровень. Основная задача автора состоит в трансформации эстетического сознания общества посредством моделирования целесообразных культурно-историческим реалиям стандартов чувств, модификации социально осознаваемых и регулируемых форм чувственных состояний через развитие и обогащение эстетических образов.

Преимущество эстетического сознания и художественного восприятия профессионально-квалифицированного художника в отношении к обыденному мышлению состоит в их активном деятельном потенциале, в то время как обыденное восприятие пассивно и хаотично. Творческая практика автора опирается на художественный метод – совокупность познавательных-оценочных операций и рационально осмысленного формирования сбалансированной программы восприятия произведения зрителем, базирующегося на логически выверенных технологических приемах и знании закономерностей грамматики художественного языка. Процедурная сторона профессиональной эстетической деятельности предполагает минимализацию импульсивной спонтанности действий в пользу объективных знаний в контексте оперирования знаково-символическим материалом.

Художественное восприятие произведения искусства в горизонте эстетической коммуникации не является примитивным актом созерцания, не сводится к механическому регистрированию сенсорных импульсов. Научно обоснованный эффект вчувствования как фактор восприятия свидетельствует о способности человека трансформировать сенсорно регистрируемые импульсы в чувственно окрашенные переживания личного характера. Художественное восприятие представляет собой сложный психофизиологический процесс, протекающий под воздействием совокупности эстетических знаков, обусловленный заданными автором свойствами произведения (объективная составляющая процесса), психофизиологическими и гносеологическими особенностями зрителя (субъективная составляющая процесса), а также пространственно-временными условиями контакта с произведением.

Феномен выборочной актуализации элементов произведения на разных уровнях его формы и содержания, внятных сознанию зрителя, объясняется предметностью самого восприятия и законом психологических ассоциаций. В процессе сотворчества зритель не расшифровывает, но творчески конструирует в сфере воображения ответные образы, прямо не совпадающие с видением автора произведения, хотя и близкие ему по содержательным признакам. Значение текста программируется не внутри самого текста, а возникает в поле отношений произведения и зрителя.

Сопереживание как способность индивида осознанно или непроизвольно переживать эмоциональные состояния персонажа через отождествление с ним в воображении является проявлением эмпатии, естественная психологическая потребность в которой обуславливает ощущение удовольствия в контакте с произведением. Степень интенсивности и активности психических процессов, катализируемых в сотворчестве и сопереживании, является индикатором эффективности воздействия эстетических моделей.

Художественные критики как звено эстетической коммуникации выступают в отношении к художникам как высокоорганизованные зрители, а в отношении к публике – как профессионально подготовленные эксперты в области теории и практики искусства. Функциональное назначение этого структурного элемента состоит в осуществлении анализа и оценивания аксиологической и стилиобразующей составляющих произведения, формировании научно обоснованного суждения о нем, установлении степени его соответствия потребностям социума с учетом культурно-исторических условий, в коррекции и регуляции взаимодействия автора и зрителя в горизонте эстетической коммуникации.

Арт-критик выполняет функцию переводчика в пространстве многообразия языков художественного формообразования, актуализирует произведение искусства для зрителя, нивелирует конфликты между автором и зрителем, возникающие на фоне пространственно-временных дистанций. Опираясь на абстрактно-логический подход, он обогащает суждения о произведении по сравнению с его конкретно-чувственным восприятием. Опыт логического познания позволяет критику обозначить эстетическую эмоцию в понятиях, распознать природу ее качеств, объективно установить ее социальную значимость. Регуляция канонов и ценностных клеше, трансформация каркаса общественного сознания через художественное пространство входит в компетенцию арт-критиков и представляет область их профессиональной ответственности.

Специфика художественного восприятия произведения искусства зрителем зависит, в том числе, от коммуникативной среды – пространственно-временных условий осуществления эстетической коммуникации. В процессе создания того или

иного произведения профессиональный автор заранее планирует или учитывает специфику выставочного пространства с целью максимально эффективной презентации предполагаемого арт-продукта и организации соответствующих условий для полноценного восприятия этого арт-продукта зрителем. Навыки грамотного формирования выставочной экспозиции принципиально значимы для эффективного продвижения продуктов эстетической деятельности на арт-рынке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок В.Б. Сопереживание и сотворчество (диалектика и взаимообусловленность) / В.Б. Блок // Художественное творчество и психология. Сборник. – М.: Наука, 1991. – 268 с.
2. Додонов Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – С. 82.
3. Даниель С.М. Искусство видеть / С.М. Даниель. – Л.: Искусство, 1990. – 223 с.
4. Злыгостев А.С. Механизмы функционирования художественной культуры [Электронный ресурс] / А.С. Злыгостев. – Режим доступа: <http://etika-estetika.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st126.shtml> (дата обращения: 11.12.2018).
5. Воеводин А.П. Эстетическая антропология: Монография / А.П. Воеводин. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2010. – 368 с.
6. Коллингвуд Р. Принципы искусства / Пер. с англ. А.Г. Раскина под ред. Е.И. Стафьевой. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 328 с.
7. Порчайкина Н.В. К вопросу о классификации современных художественных выставок [Электронный ресурс] / Н.В. Порчайкина // Известия Алтайского государственного университета. – Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-2/arts/TheNewsOfASU-2011-2-2-arts-07.pdf> (дата обращения 11.12.2018).

Поступила в редакцию 15.01.2019 г.

STRUCTURAL ELEMENTS AND ARTISTIC REGULARITIES OF THE AESTHETIC COMMUNICATION PROCESS IN ART

M.S. Astashova

The article analyzes the structural elements and artistic patterns of the communication process in art. The core structure of the aesthetic communication horizon is positioned as a system of connections “author – work of art – viewer – art critic – communicative environment”, in which the nature of the interaction of elements is due to a number of anthropological and psychophysiological factors.

Key words: aesthetic communication, aesthetic images, artistic perception, aesthetic emotions.

Асташова Маргарита Сергеевна

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
Аспирант кафедры культурологии
E-mail: margo91astashova@mail.ru

Astashova Margarita Sergeyevna

SEE HPE LPR "Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky"
Postgraduate Student, Department of Cultural Studies
E-mail: margo91astashova@mail.ru

УДК 141.7

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНТУРЫ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ

© 2019. *И.И. Бартагариева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье формулируются проблемы, с которыми сталкивается современный социум на пути реализации теории гражданского общества. Акцентируется внимание на аномалиях и противоречиях, имеющих место в правовом и эпистемологическом пространстве. Подчеркивается, что концепция гражданского общества, будучи программой по усовершенствованию социального механизма, нуждается в поиске потенциальных фальсификаторов, критике и коррекции, обнаружении новых форматов объяснения и предсказания. Приводятся аргументы в пользу тезиса о методологической адекватности фаллибилизма.

Ключевые слова: гражданское общество, право, знания, приватность, фаллибилизм.

Введение. Стремление к социальной гармонии, желание создать «хорошее общество» (Good Society) – неотчуждаемый атрибут человека, сформировавшийся еще в эпоху античности. Однако уже у Платона обнаруживается непреодолимый диссонанс между сконструированной моделью и реальностью. Последняя жестко, а порой и жестоко, корректирует эйдетические конструкты, вплоть до их практической дискредитации. Однако имеет место и обратное. Обоснованные социально-философские построения способны избавляться от статуса утопии. Одно из таких устойчивых построений фиксируется с помощью понятия «гражданское общество» (далее – «ГО» и ГО, когда речь идет о референте понятия). Концепт «ГО» имеет долгую и сложную историю, привлекая внимание философов, историков, социологов, политологов. ГО – это теоретический инструмент и руководство к действию, нередко размытое по содержанию, требующее уточнений и подгонок. Этот инструмент хорошо апробирован в ареале западной цивилизации. Однако рано говорить об универсальности евроатлантической модели ГО. Программы его построения – не более чем императивы-инструкции, необходимые для поиска и реализации подходов по усовершенствованию социального механизма. ГО уместно рассматривать как цель, достижение которой желательно.

Предмет и терминология учений о ГО к настоящему времени сложились. Логика и методология исследования ГО имеет долгую, интересную, эвристическую историю. Результаты работы рационально-рефлексивного сознания западных теоретиков и практиков в области конструирования, апробирования, совершенствования идей ГО однозначно заслуживают внимание и высокой оценки. Однако номология и праксиология требуют доработки и переосмысления. Любая теория (или их «пакет» в форме научно-исследовательской программы) «стареет» и теряет предсказательную силу, догматизируется под прессом времени и авторитетов. Интеллектуальный застой неизбежен при отсутствии конкуренции и безоговорочном господстве одной матрицы (в нашем случае – западной). Поиск потенциальных фальсификаторов и формулировка новых гипотез способствуют движению вперед не только естествознания, но и наук об обществе и человеке, в том числе – социальной философии.

Об актуальности нашей темы свидетельствуют процессы, происходящие с 2014 г. в Украине, научное пространство которой с избытком было заполнено тематикой ГО. Однако сотни работ с «аргументированными» выводами и оптимистическими прогно-

зами оказались далекими от реальности. Представленные в них объяснения выявились не адекватными, а предсказания – несбыточными. Более того, многие апологеты ГО оказались в авангарде борьбы с его институтами, дискредитируя и профанируя те ценности и идеи, которые совсем недавно ими отстаивались.

Цель статьи – очертить контуры теории ГО, переформатированной в результате анализа проблем, вызовов и конфликтов, имеющих место в современном социуме.

Несколько замечаний методологического плана. Объем статьи позволяет выделить лишь ключевые рубрики. Поэтому сложно избежать избирательности и субъективизма, что сужает поле действия принципа системности, хотя и не элиминирует гносеологическую общезначимость. В статье проблемно-эротетический подход доминирует над дескрипциями и обобщениями; финальное прогнозирование имеет форму дискуссионного и опровергаемого предположения. Акцент сделан на эпистемологических и правовых проблемах. Доминирующие методы достижения поставленной цели – контекстуальный и аналитический.

Историография теории и практики ГО представляет собой огромный информационный массив. В рамках нашей темы полезными будут апелляции к «классикам» ГО – Э. Арато, З. Бауману, Дж. Козну, К. Р. Попперу. Интересные параллели между эпистемологией и социальной философией, функционированием научных институтов и структур открытого общества проводит Д. Дойч. Из современных отечественных исследователей предпочтение отдано представителям «юридического» лагеря (А. В. Гаврилов, Н. А. Колесникова, Е. Л. Рябов).

Основная часть. С помощью понятия «ГО» фиксируется гармоничное, свободное начало социальности, эволюционирующей и функционирующей за счет конвенций, в т. ч. с государством. ГО предполагает наличие развитых правовых институтов. Последние обеспечивают действенный консенсус общих и частных интересов; контроль и партнерские отношения между государством, обществом, бизнесом; социальный порядок и политическую стабильность; способность агентов общественной жизни легально влиять на распределение природных ресурсов. ГО в идеале находится за пределами властных структур и территорий глобальных (в т. ч. транснациональных) экономических «игроков». Эти «игроки» – влиятельные, поэтому область автономии свободных и независимых граждан, при всей адекватности и легитимности их социально-политических предпочтений, ограничена. Избавится от «диктата» государства невозможно. В этом и нет необходимости, ибо ГО выступает в роли сепаратора и корректора, но никак не последней инстанции, регламентирующей все тренды бытия общества. ГО не владеет системными и долговременными, а значит и действенными рычагами влияния на коммерцию, политику, культуру. Стань ГО такой инстанцией – оно бы само трансформировалось в некое «параллельное» государство.

В отношении современного ГО, как суммы когерентных концепций и практических реализаций, уместны следующие риторические вопросы с комментариями.

1. Если индивидуализм, частная собственность и конкуренция – маркеры ГО, то не является ли его противопоставление государству и крупным экономическим структурам – самообманом, утопическим упованием на «саморегуляцию»? Многие социальные конфликты и противоречия порождаются частной собственностью, индивидуализмом и конкуренцией. С другой стороны, без абсолютного признания права на приватность, коллективный интерес теряет рациональный фундамент и ценностную составляющую.

2. Будут ли агенты ГО альтруистически отстаивать общественные интересы и гармонизировать социальные отношения, не преследуя собственных экономических и

политических целей? Является ли социальная солидарность априорным и неотчуждаемым атрибутом ГО?

3. Не преувеличиваем ли мы значение демократических традиций и гражданской культуры – параметров не измеряемых (их экстраполяция за пределы Запада способно дать непредсказуемые результаты)? Не является ли ставка на прогресс информационной цивилизации и высокий образовательный уровень населения неоправданной? Не секрет, что социальная пассивность и правовая безграмотность позволяют динамичным (и агрессивным) агентам ГО инициировать создание и воплощение в жизнь неадекватных и даже антигуманных программ.

4. Всегда ли представители ГО имеют достоверную информацию о политических процессах? Компетентны ли агенты ГО в вопросах государственного строительства, определения границ свобод современного человека, погруженного в хаос информационно-культурных голограмм?

5. Кто определяет цивилизованность рынка, всегда ли выгодна многоукладная экономика? Есть ли алгоритмы установления лимита экономической самостоятельности? Можно ли надеяться, что «акулы» мирового бизнеса согласятся потерять прибыль ради чуждых им интересов? Утвердительный ответ есть основания рассматривать как контринтуитивный и противоречащий опыту.

6. ГО ратует за самоуправление, максимальное обеспечение прав и свобод индивида, плюрализм мнений, гражданскую активность, мобильность. Как в такую систему идеалов инкорпорировать традиционализм, консервативные религиозные организации?

7. Концепция ГО родилась и сформировалась на Западе. Факты свидетельствуют, что прикрываясь ценностями западной демократии и апеллируя к идеалам ГО, определенные силы способны изменять социально-политические ландшафты государств и регионов, ментально не готовых к принятию пусть и позитивных, но чуждых идей. Т. е. мы сталкиваемся с духовной диктатурой якобы «хорошего» над якобы «плохим».

8. Как совместить совершенствование и стабильность? Не приведет ли ограничение полномочий «плохого» государства к хаосу? Кто будет контролировать само ГО, стремящееся к реформам? Если его «двойник», с более высоким уровнем социальной ответственности, политической культуры и нравственности, то перед нами перспектива «дурной» бесконечности.

9. Ассоциации и общественные организации, представляющие ГО, могут иметь разную степень готовности дистанцироваться от государства, нетождественные цели, задачи, проблемы, способы решения социальных аномалий и т. д. Не порождает ли это неопределенность, телеологический релятивизм, методологический анархизм?

10. Некоторые репрезентанты ГО, имеющие статус некоммерческих организаций, получают льготы и денежные средства от государства (что, собственно, объективно). Но другие субъекты ГО привилегий не имеют. Будет ли в такой ситуации деятельность ГО, даже в одной сфере, консолидированной и не ангажированной?

11. Как контролировать фонды, поддерживающие агентов ГО? Такие фонды позиционируют себя как независимые от власти и крупного бизнеса, но нередко представляют их интересы, либо интересы собственные (фонд Сороса, фонд Рокфеллера и т. д.). Институты ГО могут быть созданы подобными фондами; финансирование таких организаций далеко не всегда контролируемо. Ограничивая деятельность институтов власти и бизнеса, агенты ГО способны продвигать интересы определенных социальных и финансовых групп, в т. ч. в форме законодательных инициатив.

12. Актуальным остается и «вечный вопрос: как совместить принципиально нетождественные интересы социальных групп – агентов ГО? «Когда перед обществом в целом встает выбор, а предпочтения граждан разнятся, какой вариант выбора является для общества наилучшим? Если люди единодушны в выборе, то проблемы нет, но планировщик тогда не нужен. Если же они не единодушны, то какой вариант можно рационально обосновать как «волю народа» – вариант, к которому склоняется общество? И тогда возникает второй вопрос: как в обществе должен быть организован процесс принятия решений, чтобы выбирались действительно те варианты, к которым общество склоняется?» [1, с. 421].

Однозначных ответов мы не получим. И это не удивительно. Сфера ответов неизбежно будет релятивной, ограниченной, идеологически детерминированной, нагруженной фоновым знанием и оценками. «Дискурс гражданского общества», даже будучи философски переосмыслен наиболее оптимальным образом, может носить чисто идеологический характер. Каковы бы ни были намерения социальных акторов, функциональные потребности современных экономических и политических систем способны сделать проекты, основанные на концепции гражданского общества, ненужными, соответствующие этой концепции идентичности – неустойчивыми, а предлагаемые ею интерпретации – односторонними» [2, с. 15]. Исчерпывающие ответы на сформулированные вопросы – результат работы не одной сотни исследователей. Наша задача проще. Обнаружить упущения, которые имели (и имеют) место в процессе теоретических разработок в области проблематики ГО, предложить методологический принцип, с помощью которого можно найти приемлемые ответы на часть вопросов, экстраполировав ответы, по возможности, в практическую плоскость.

Концептуальный каркас учения о ГО включает преимущественно абстрактные категории: «свобода», «справедливость», «толерантность», «солидарность», «гармония», «ответственность» и т. д. Все эти понятия-маркеры ГО не имеют однозначного и логически правильного определения, нет у них и четкого референта. Следовательно, необходимы теоретические допущения, дискуссии и конвенции. На наш взгляд, правовой контекст таких конвенций придаст им простоты, ясности, нормативной точности, открытости. Конкретные составляющие ГО, артикулируемые с помощью таких терминов, как «государственная власть», «общественная группа», «самоуправление», «политическая стабильность», «частная собственность», «экономический рост» имеют более осязаемый объем и определенное содержание. Референты этих понятий фиксируются не только в сознании, они обладают физической реальностью, подвержены измерению и, что немаловажно, – правовой оценке и анализу в контексте законодательства. Аксиоматично, но, увы, игнорируемо положение: только если спорные вопросы решаются независимым судом, возможно практическое функционирование независимых от власти социальных структур и экономических агентов. Гражданин будет чувствовать себя защищенным только в пространстве безраздельного господства закона. Средний класс, как гарант общественной стабильности, способен реализовать свой потенциал лишь в правовом поле. Государство, в свою очередь, способно проводить успешную социальную политику исключительно в условиях правовой «диктатуры» для всех участников социально-политической жизни, в том числе, и властной элиты, избранной легально и подотчетной высшему носителю суверенитета – народу. Однако и правовое государство невозможно вне рамок идеалов и практики ГО. «Ключевым свойством государства является его детерминированность: оно вырастает лишь на почве гражданского общества. Вне существования гражданского общества идея правового государства является абсолютной утопией» [3, с. 4]. Нельзя не

согласиться с тем, что «процесс легитимации государственной власти осуществляется гражданским обществом на рациональной, регламентированной правовыми нормами основе и обуславливает формирование особого типа демократической легитимности, связанного с переносом на все общество механизма принятия решений» [3, с. 11]. Серьезным препятствием на пути имплементации идей ГО в практику являются правовой нигилизм, противоречия между звеньями системы права, нетождественное применения одних и тех же норм различными субъектами. Решить эти проблемы исключительно административными методами нельзя. Необходимо использовать «потенциал институтов гражданского общества в части публичного обсуждения законопроектов, их разработки с участием ученых и экспертов, проведения независимого правового мониторинга, независимой антикоррупционной экспертизы» [4, с. 160]. В России предпринимаются шаги в этом направлении. Например, созданы Советы при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, вопросам совершенствования правосудия, проблемам реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике и т. д. Имеется в России и региональный опыт повышения гражданской активности как фактора развития гражданского общества, в том числе в правовой сфере [4, с. 196–199].

Правовой дискурс, пусть и косвенно, способствует развитию и закреплению экономических и политических прав и свобод, защищая социум от давления государства. Последнее, в лице части политической элиты и чиновничества, имеет мотивы для сопротивления правовому контролю, блокировке свободной политической конкуренции, умышленному или невольному разрушению горизонтальных форм сотрудничества и стратификации. И здесь структуры ГО стоят перед взаимосвязанными дилеммами: 1) отказаться от контролирующих функций при правовой невозможности их реализации или, преследуя благие цели, использовать средства, нарушающие правовые нормы; 2) согласиться на роль ограниченного в правах клиента государства ради сохранения социальной стабильности или безапелляционно противопоставить себя власти, ввергнув общество в хаос необходимых, но взрывоопасных преобразований; 3) признать право государства на насилие или допустить временное ограничение этого права в интересах общества; 4) при отсутствии доступа к ненасильственным методам разрешения конфликтных ситуаций сохранять status quo или все же допустить реализацию сомнительных с правовой точки зрения программ.

Элиминация этих и других дилемм возможна в плоскости политического и правового дискурсов, эволюционном «созревании» общества, способного находить оптимальные (и конкурирующие) объяснения и предсказания, а также готового признавать допущенные ошибки. «Подобно структуре научных институтов, которая устроена так, чтобы не защищать теории, а наоборот, подвергать их критике и проверке, политические институты не должны усложнять возможность без насилия выступать в оппозиции к правителям и стратегиям и должны включать в себя традиции мирного, критического их обсуждения, а также самих институтов и всего остального. Таким образом, судить о системах правления нужно не по тому, как они позволяют угадать с выбором лидера и поставить его у руля, а по тому, как они позволяют избавляться от уже правящих плохих лидеров» [1, с. 272]. Перед нами экстраполяция фаллибилизма в политическую жизнь. Фаллибилизм – методологический принцип, разработанный детально К. Р. Поппером. Согласно ему, любое научное знание подвержено аномалиям, заблуждениям, противоречиям; именно преодоление ошибок путем создания более обоснованных и эффективных теорий обеспечивает прогресс науки.

Трудности имплементации идей ГО отчасти лежат в эпистемологической сфере, которой мы уже коснулись выше. Общество теряет иммунитет на «болезнь» недостоверной информации, утрачивает рациональную способность к анализу и скепсису, на первый план выходят псевдонаучные и ситуативные предположения, откровенный вымысел вытесняет фактуальность на периферию общественного сознания. Рефлексивное поле отношения человека к миру деформируется, социум растворяется в огромном резервуаре субъективной, проблемной, не верифицируемой, символически-образной, а нередко и бессмысленной, информации, наделяемой глобальной значимостью. «Современный человек, оперирует предметно аморфным и не надежным (по причине релятивности), рецептурным, контекстуальным, диспозициональным, «неявным» знанием. <...> Объективное доминирование повседневной ментальности, антропологизация и виртуализация эпистем, нивелируют как ценность эйдетического, софийного, сакрального знания, так и знания, базирующегося на «рациональной субстанции». Бесконтрольно расширяющаяся и плюралистическая «цивилизация знаний» минимизирует конкретность, лимитативность, аргументированность и когерентность информации, размывает концептуальные каркасы. Стираются демаркационные линии между реальным и воображаемым, причиной и следствием (вплоть до наивного и агрессивного игнорирования принципа причинности), объектом коммуникации выступают информационные массивы, не имеющие пресуппозиции» [5, с. 93]. В условиях эпистемологической нестабильности, рациональность превращается в пустое понятие, дискурс вокруг социальных, в т. ч. правовых, проблем трансформируется в популизм. ГО приобретает статус абстрактного «свадебного генерала» без «армии» целей и смыслов.

Насыщение эпистемического пространства информацией (в т. ч. «благодаря» социальным сетям) оставляет человеку мало шансов на сохранение в качестве неповторимой приватной уникальности. Современному человеку трудно быть одиноким, его жизнь проходит на огромной сцене СМИ и интернет-театра, когда члены «труппы» едва знакомы, а то и вовсе видят друг друга впервые. По словам З. Баумана, приватность – «свобода в менее концентрированной форме». На наш взгляд, без такой свободы у ГО мало перспектив, ибо одна из его задач – оградить человека от внешнего давления (но только в том случае, если свобода индивида не отрицает свободу, как антропную универсалию). «Приватность лучше всего выполняет функцию противоядия от социальных давлений в том случае, когда можно свободно в нее входить и из нее выходить; когда приватность действительно остается интерлюдией между периодами социальной вовлеченности, и предпочтительно такой интерлюдией, для которой сроки может назначать сам человек. <...> Приватность переносима только благодаря надежде, что возвращение к обществу, к возможности разделить свои мысли и цели с другими всегда возможно». [6, с. 71–72]. Как видим, и здесь нас подстерегают противоречия и парадоксы, к сожалению, не разрешимые в формате современного информационного общества. Построение ГО – это не только конкуренция или дискуссия с чем-то внешним (например, государством), но и своего рода «война» с самим собой за внутреннюю свободу. Это долг и готовность взять социальную ответственность, сделать экзистенциальный выбор. «Стремление к свободе, которая не есть право быть не потревоженным общественными делами, а напротив, неограниченное и восторженно применяемое правом заниматься ими, – не ново. Оно сопровождало современные общества с самого их начала. Однако оно всегда оставалось мечтой – в лучшем случае «утопическим горизонтом». Реальная история современных обществ приняла другой оборот. Она вела к «уходу» и прочь от «голоса». Она сократила публичную сферу до размеров того места, куда адресованы просьбы и жалобы. Она сделала личную авто-

номию и безразличие к общественным делам взаимозависимыми и взаимообусловленными вещами» [6, с. 122–123]. Формирование рационально-правового мышления и расширение его функций может стать тем фактором, который минимизирует негативные последствия эгоизма и социального инфантилизма, о которых пишет З. Бауман.

Заключение. Потенциал теории ГО не исчерпан, она не утратила влияние на социальные и политические процессы. «ГО» нельзя свести к сумме элементов и/или признаков. На практике мы имеем дело со специфической неопределенностью и эмерджентностью. Теория ГО всегда будет иметь «утопический горизонт». Учения о ГО – интерпретационные гипотезы, которым присущи противоречия, парадоксы, аномалии, заблуждения. Любая власть, любые социальные стратегии и концепции ГО всегда будут неидеальными, проблемными и ошибочными. Путь к социальной гармонии и совершенствованию общества лежит через ненасильственное преодоление ошибок, поиск потенциальных фальсификаторов и новых объяснений. Толерантность – это способность агентов ГО признавать собственные просчеты и уважать чужие ошибки (если они, конечно, не выходят за пределы правового поля). Фаллибилизм имеет все шансы для экстраполяции из эпистемологии в социальную философию.

Правовое наполнение ГО и законодательно закрепленное равноправие его агентов усложнят разрушительную работу ангажированных структур и тех организаций, для которых ГО – удобная площадка для достижения собственных целей. Право выступает в роли функционала, придающего осмысленность гражданским взаимоотношениям. Более продуктивным видится не политическое, а правовое регулирование интересов различных социальных групп. Такое регулирование упростит контроль над организациями, мимикрирующими под структуры ГО. Широкий правовой дискурс способен 1) ограничить объективный хаос интересов различных социальных «атомов»; 2) защитить публичность и социальную интеграцию на фоне конкуренции идей. Признаем, что современное общество потребления и культурного «бихевиоризма» продуцирует и соответствующие интересы, далеко не всегда адекватные и в перспективе опасные. Необходимо сепарирование социальных программ с целью «выдавливания» на периферию ГО групп и фондов, отстаивающих такие интересы. Такой отбор требует времени, долгих общественных слушаний и адекватной законодательной базы.

Приватность, пользуясь аристотелевской терминологией, является и «формой» и «материей» свободы. Без правовых гарантий она поглощается государством. Индивид нуждается в эпистемической «гигиене». «Мягкий» и законодательно закрепленный контроль над информационной сферой – объективная необходимость. Но и личность несет ответственность за свой информационный «рацион». Член общества сам выбирает либо тяжелую ношу рациональности и социальной ответственности, либо легкость интеллектуальной лени и полную личную автономию. Отдав себя во власть стереотипов и рецептурного знания, субъективизма и эгоизма обыденности, индивид теряет шансы на самореализацию и свободу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дойч Д. Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / Дэвид Дойч; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – С. 253–578.
2. Коэн Дж. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато; Пер. с англ.; общ. ред. И. И. Мюрберг. – М.: Весь мир, 2003. – 784 с.
3. Гаврилов А. В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / А. В. Гаврилов. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.

4. Колесникова Н. А. Гражданское общество в современной России: Монография / Н. А. Колесникова, Е. Л. Рябова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.
5. Волошин В. В. От анализа ключевого эпистемологического концепта к типологии доминирующего знания / В. В. Волошин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 88–94.
6. Бауман З. Свобода / З. Бауман; Пер. с англ. Г. М. Дашевский, предисл. Ю. А. Левада. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.

Поступила в редакцию 29.01.2019 г.

CIVIL SOCIETY THEORY: THE OUTLINE OF REFORMATTING

I. I. Bartagarieva

The present article deals with formulating the problems faced by the modern society in its striving for implementation of the civil society theory. The author pays special attention to anomalies and contradictions occurring within the legal and epistemological domain. It is underlined that as a program aimed at improvement of the social mechanism the concept of civil society requires seeking for potential falsifiers, criticism and correction as well as for detection of new formats of explaining and prediction. There are provided arguments in favor of the thesis about methodological validity of fallibilism.

Key words: civil society, law, knowledge, privacy, fallibilism.

Бартагариева Ирина Ириковна

Старший преподаватель кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: irina-elf@bigmir.net

Bartagariyeva Irina Irikovna

Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
E-mail: irina-elf@bigmir.net

УДК 141.2

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2019. *В.В. Волошин**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Сквозь призму концепта «картина мира» исследуется эпистемологическое и онтологическое содержание инструментализма в его классической прагматистской версии. Определяются атрибуты и импликации инструментализма – антиреализм, операционализм, антифундаментализм, контекстуализм, гносеологический утилитаризм и «бихевиоризм». Обнаруживаются области пересечения инструментализма с методологическими подходами, направлениями философии науки и постмодернизмом. Фиксируется наличие инструменталистских установок в сфере образования.

Ключевые слова: картина мира, онтология, эпистемология, прагматизм, инструментализм, операционализм.

Наука и философская рефлексия над ней существуют в определенном историческом контексте. Они, с одной стороны, детерминированы доминирующим мировоззрением, с другой, – формируют его, будучи вписанными в научную картину мира – когерентную систему представлений о реальности как объекте научного исследования. Концептуальная модель реальности конструируется на пересечении онтологии и теории познания. Научно-философские подходы, установки, гипотезы, теории, программы – неотъемлемые составляющие картины мира. Их содержание сконцентрировано в понятиях, референты которых меняют свои атрибуты в потоке времени. Анализ интенционалов этих понятий, определение отношений между ними способствуют объяснению процессов, протекающих в интеллектуальной жизни социума. Один из таких концептов – «инструментализм» – многозначный уже в силу этимологии (лат. *instrumentum* – орудие). Есть мнение, что инструментализм зарождается уже в античности (Евдокс, Эратосфен, Птолемей), приобретая все более четкие контуры с формированием экспериментального, математизированного естествознания. Ниже речь пойдет об инструментализме как философской парадигме, сформировавшейся в пространстве прагматизма. И сейчас инструменталистские идеи сильны в американской философии (Н. Гудмен, Х. Патнэм, Р. Рорти, Д. Деннет и др.). В том или ином виде они присутствуют в концепциях А. Пуанкаре, П. Дюгема, Р. Карнапа, Н. Бора, В. Гейзенберга. Дилемма реализм или инструментализм – знаковая в постпозитивизме, аналитической философии, структурализме. Несомненно, дискуссии вокруг социального бихевиоризма Дж. Г. Мида или натуралистической философии сознания Д. Деннета, вопросы инструменталистской семантики М. Даммита и операционализма копенгагенской школы квантовой механики представляют интерес. Предлагаем, однако, уйти от локальных проблем и подвергнуть инструментализм своего рода философской аппроксимации, обратившись к его основателям (учения Ч. Пирса, У. Джеймса, Д. Дьюи известны широкой публике, включены в университетский курс философии) и новейшим критическим работам по избранной теме. Наша цель – определить эпистемологическое и онтологическое содержание инструментализма, обнаружить его «контакты» с другими учениями и подходами современной, прежде всего, сциентистской философии.

Уже в своей программной статье «Как сделать наши идеи ясными» (1878) Ч. Пирс подтверждает правоту Р. Рорти, именующего прагматизм «эпистемологическим бихевиоризмом». Пирс пишет: «Мысль есть действие и вся его суть в отношении – хотя

человек производит именно действия, а не отношения, которые могут быть лишь результатами действий. <...> Полной функцией мысли является установление привычек, располагающих к тому или иному действию. Все, что связано с мыслью, но при этом не соответствует ее цели, есть нарост на мысли, но не собственно ее часть. <...> Мы приходим к тому, что осязаемо и предположительно практически значимо (*conceivably practical*), как к основе всякой реальной отличительной особенности той или иной мысли, сколь бы неуловима она ни была; также и различия в значении определяются наиболее отчетливо не чем иным, как только возможными различиями в сфере практического» [7, с. 136]. Инструментальным является стремление Пирса придать знаковым системам особый онтологический статус: бытие знаков обуславливает бытие объектов, которые открываются субъекту в форме ментальных репрезентаций; язык играет решающую роль в формировании этих репрезентаций, а познание связано с семиозисом.

У классиков прагматизма интерпретация ситуаций, а также конструирование в сознании алгоритмов снятия витальных аномалий, осуществляется за счет приобретенных и апробированных навыков, претендующих на статус веры. Преодолевший сомнения субъект – эмпирик, готовый действовать определенным образом. Успех действия зависит от четкости поставленной цели, согласованности принятых решений, правильно подобранных средств и технологий, гармоничности, простоты, оригинальности проведенных операций. Решение проблем и поиск эффективных экзистенциальных «технологий» начинается с их ясного и точного понятийного оформления, в том числе, с помощью операциональных определений. Ч. Пирс пишет: «Понятие, то есть рациональное содержание (*rational purport*) того или иного слова или выражения, состоит исключительно в мыслимом (*conceivable*) воздействии такового на жизненное поведение (*conduct of life*). Поэтому то, что не способно так или иначе стать результатом эксперимента, не может иметь какого бы то ни было прямого воздействия на поведение. Отсюда, дав точное определение всем мыслимым и экспериментальным феноменам, которые, возможно, подразумевает утверждение или отрицание данного понятия, можно получить его полное определение, так что в понятии не будет заключено абсолютно ничего более» [7, с. 157]. Проблема элиминации теоретических терминов, обозначающих ненаблюдаемые объекты и поднятая неопозитивистами (Ф. Рамсей, К. Гемпель), в инструментализме снимается по умолчанию. Во-первых, гипотетические сущности и ненаблюдаемые объекты – «инородные тела» во второстепенной для инструменталистов онтологии науки. Во-вторых, термины языка наблюдения как раз и составляют понятийный каркас теории. В-третьих, объяснение связей между наблюдаемыми и тем более, ненаблюдаемыми сущностями – гносеологическая роскошь, не имеющая практического значения. В инструментализме, отмечает Н. В. Головкин, «роль теоретических объектов состоит в том, чтобы служить вспомогательными средствами для построения предложений относительно наблюдаемого, которые можно проверить и которые, соответственно, отражают наше знание о реальности» [3, с. 9]. Согласно Б. ван Фраассену «принять научную теорию возможно только в том случае, если она является эмпирически адекватной, т. е. корректно описывает то, что является наблюдаемым» [3, с. 9]. Конечно, современные инструменталисты не считают, вслед за У. Джеймсом, атомы и волны «сверхчувственными сущностями», но радикальный эмпиризм, имевший место в прагматизме и неопозитивизме, не утратил сторонников.

В инструментализме формы знания и познания, вплоть до научных законов, выступают в качестве организующих структур. С их помощью научные рассуждения трансформируются в когерентные массивы прикладной информации, имеющей личностное и социальное значение. Теории, считает У. Джеймс, «инструментальны, все они умственные способы приспособления к действительности» [4, с. 282]. Научная

теория – здесь прагматизм солидарен с позитивизмом – должна обладать простотой и точностью вычислений, которые дают возможность делать прогнозы, согласующиеся с опытом. Но в инструментализме теория не претендует на достоверность. Достаточно того, что она «способна давать очень точные результаты в качестве предсказаний» и «результативна в качестве инструмента» [2, с. 102]. Наука призвана заниматься измерительными и вычислительными процедурами, прогнозировать исход наблюдений и экспериментов, не претендуя на описание и объяснение действительности. Отбрасывание неадекватных теорий и выбор новых осуществляется путем соглашений, исходя из практических соображений. Такая научная эпистемология вызвала критику со стороны И. Лакатоса, К. Поппера, М. Бунге, Д. Дойча. Последний подчеркивает: «Инструментализм, даже если отвлечься от чудовищной с точки зрения философии попытки свести науку к набору утверждений о человеческом опыте, не имеет смысла в своих же собственных терминах. Ведь чисто предсказательной теории, не использующей объяснений, не существует» [5, с. 31].

Инструменталистские идеи теснейшим образом переплетаются с положениями операционализма. Последний – не только детище неклассической физики, но и вариант оригинального синтеза позитивизма и прагматизма. Известно, что концепция П. Бриджмена оказала влияние на Дьюи. Но операционалистские мотивы присутствуют в эмпириокритицизме, у Пирса и Джеймса. Всякая идея, помогающая нам оперировать теоретически или практически реальностью, считает Джеймс, «есть соответствующая в достаточной мере действительности» [4, с. 289]. Критический реалист М. Бунге отвергает операционализм в философии науки, обнаруживая в нем серьезные ошибки. Основные из них: радикальный эмпиризм и признание физической реальности частью человеческого опыта, смешение значения с экспериментальными процедурами, игнорирование объяснения в пользу предсказания, преувеличение роли операциональных определений. В операционализме научные понятия, фиксирующие онтологические допущения, – вспомогательные инструменты, а гипотезы, имеющие дело с ненаблюдаемыми объектами, «играют роль лишь математических мостов между действительными или возможными наблюдениями». Физические теории не претендуют на истинность, ибо не имеют объективно существующих референтов, «они служат простыми и эффективными способами систематизации и обогащения нашего опыта, а не компонентами картины внешнего мира» [1, с. 18–19].

Знать в инструментализме – это знать, как действовать. Познание – операционально, оно есть программа расширения горизонта возможностей, привнесения в действительность стабильности и комфорта, вплоть до переформатирования реальности и конструирования ее альтернатив. Формы познания – орудия «перепланировки» мира. Создание, апробация и совершенствование орудий осуществляется в процессе коммуникаций и соглашений. Человек – потенциальный творец мира, он может, как научить, так и научиться использовать эти орудия. Но есть и другой Творец, очевидный онтологический статус которого основателями прагматизма под сомнение не ставится. Джеймс не отрицает, что он «защищает идею реальности Бога» и упрекнуть прагматизм в атеизме нельзя [4, с. 323]. Правда, у Дьюи, а затем представителей неопрагматизма обнаруживается весьма скептическое отношение к «вечным сущностям», «тоска по трансцендентному» им чужда.

Личный интерес и прогнозируемая эффективность, поиски консенсуса между субъектом и контекстом, определяют функциональное отношение к истине. Д. Дьюи, объясняя гносеологическую сущность прагматизма (и инструментализма как его версии), трактует истину предельно ясно: «Если идеи, значения, концепции, понятия,

теории, системы служат инструментами активного переустройства заданной внешней среды, устранения какой-то специфической проблемы или замешательства, то их тестом на прочность и ценность является завершение этой работы. Если они успешно справляются с данной задачей, то они надежны, значимы, весомы, пригодны, верны. Если они не помогают развеять заблуждение, избавиться от дефектов, если они только усугубляют путаницу, неопределенность и проблему в тот момент, когда мы пытаемся ее разрешить, то они оказываются ложными. Подтверждение, подкрепление, удостоверение заключены в работе, в последствиях. Судят не по словам, а по делам. По плодам их да узнаем их. То, что нас верно ведет, и является истинным – именно доказанная способность вести таким образом есть значение истины. <...> Идея или концепция есть призыв, или предписание, или план действовать определенным образом как способ добиться прояснения специфической ситуации. Когда мы действуем согласно призыву, претензии или плану, они направляют нас истинно либо неистинно; они ведут нас к нашей цели или уводят в сторону от нее. В их активной, динамичной функции состоит все их значение, а в качестве стимулируемой ими деятельности заключена вся их истинность либо ложность» [6, с. 102]. У. Джеймс, предвосхищая некоторые мысли неопозитивистов, пишет: «Истинные идеи – те, которые мы можем усвоить, подтвердить, подкрепить и проверить. <...> Идея становится истинной, делается истинной благодаря событиям. Ее истинность – это на самом деле событие, процесс, и именно процесс ее верификации, самопроверки. Ее ценность и значение – это процесс ее подтверждения» [4, с. 284]. Подчеркнем, что «проверка» и «подтверждение» рассматриваются в формате выгоды, которую принесет практическая реализация идеи, замысла или проекта. «Обладание истинными идеями обозначает всегда также обладание бесценными орудиями действия» [4, с. 285].

С помощью этих орудий устраняются неизбежные ошибки и заблуждения, которые обнаруживаются не в едином субъект-объектном пространстве, а в сфере чистого знания. Эпистемологический потенциал фаллибилизма Ч. Пирса, в отличие от такового у последователей К. Поппера, нивелирован субъективизмом, индетерминизмом, убеждением в неопределенности и фатальной релятивности знаний. Позже Д. Дьюи трансформирует фаллибилизм в умеренный скептицизм: «Все знание либо гарантированное утверждение основывается на исследовании, а это исследование связано, естественно, с чем-то вызывающим наше сомнение и включает в себя, таким образом, скептический элемент или, как называл это Пирс, «фаллибилизм» [6, с. 386]. У Дьюи находим схему научного открытия, похожую на схему Поппера: проблема продуцирует поиск инструментов ее решения, затем выдвигается пробная теория, сопровождающаяся элиминацией ошибок и формулировкой новой проблемы (гипотезы). В отличие от Поппера, Дьюи не нуждается в принципе фальсификации и не стремится к идеалу объективной истины, видит в релятивизме действенную преграду для «абсолютизма» и «социального фанатизма». У Дьюи «верование» и «знание» всегда инструментальны и контекстуальны, они не приближают нас к объективному знанию через частичные истины» [10, с. 175].

Разрыв с корреспондентской теорией, признание фрагментарности, «полезности», субъективности истины вели к антифундаментализму – эпистемологической установке, согласно которой у знания нет эмпирического и/или рационального основания, а понятие истины – избыточно. Это установка принимает крайнюю форму у представителя неопрагматизма Р. Рорти, считавшего ошибочными «представление о философии как о дисциплине, которая имеет основания» и идею о том, «что познание имеет основания» [8, с. 195]. Хотя он тут же признает, что сохранилась еще «ностальгия по философии как архитектурной и всеобъемлющей дисциплине» [8, с. 196].

Не стоит обвинять прагматизм в онтологическом нигилизме. Скепсис не есть отрицание. Джеймс неоднократно обращается к онтологическим вопросам, подчеркивает фундаментальность проблемы единства мира. Под реальностью он понимает «с одной стороны, конкретные факты, а с другой – абстрактные вещи и отношения между ними, познаваемые интуитивным путем» [4, с. 287]. Пирс, рассуждая о конвенциях, отмечает: «Под мнением, которому судьбой уготовано стать общим соглашением всех исследователей, мы имеем в виду (mean) истину, объект же, репрезентируемый таким мнением, есть реальный объект. Вот что я включаю в понятие реальности» [7, с. 151]. Он соглашается с тем, что «два типа объектов и – те, что мы сознаем непосредственно, и те, что доступны для сознания опосредованно, – суть достояние каждого сознания» [7, с. 132–133]. Добавим, что многие проблемы – референции и именованя, онтологические допущения, взаимодействия онтологии и языка, эмпирического базиса теорий – формулируются и оригинально решаются в неопрагматизме.

Но онтологические «реверансы» обязательны не для всех. В современном инструментализме действительность нередко редуцируется до уровня «полезной фикции», тривиальных аппроксимируемых данных наблюдения. Недостаточно внимания уделяется семантике, в частности проблеме референции. В результате теряется связь между языком и реальностью, а, следовательно, нивелируется понимание истины как соответствия. «Истина – это свойство предложения, а указание – это свойство слова. Инструментализм настаивает на том, что наблюдаемого достаточно для того, чтобы заключать о значении. Однако более правильно было бы говорить о том, что роль наблюдаемого состоит в том, чтобы предоставлять эмпирические данные для проверки теории. <...> Истинностное значение предложения зависит от объективного отношения указания, которое, в конечном счете, отвечает объективной реальности» [3, с. 10].

«Наивный» инструментализм проник в образовательную систему, «защитный пояс» которой ослаблен влиянием постмодернистской картины мира. Нельзя не согласиться с Н. С. Юлиной: «Парадигма и классического прагматизма и неопрагматизма определена инструментализмом и антифундаментализмом. Иначе говоря, она детерминирована теми же релятивистскими эпистемологическими принципами, на которых базируются постмодернисты» [10, с. 515]. Игнорируя опыт советской педагогики, и копируя западные образцы, сделана ставка на подготовку узкоспециализированных прагматиков с мировоззрением зомби. Образование заключено в прокрустово ложе типовых учебных программ, анонимных инструкций и рекомендаций, имеющих минимальный прикладной эффект. Аббревиатуры, шаблоны, нумерации, таблицы, шкалы утверждаются в качестве основных орудий обучения и воспитания. Образовательная телеология (включая ее этические и эстетические сегменты) сведена к реализации унифицированных компетенций. При доминировании таких инструменталистских симулякров, рефлексия сведена к минимуму, апелляции к универсальному, фундаментальному, архитектурному – излишни. Имеем эклектический синтез педагогического бихевиоризма, эпистемологического релятивизма, нормативного и процедурного догматизма, редукции смыслов к операциям. Д. Дойч пишет: «В отношении академических знаний на практике до сих пор принимается как само собой разумеющееся, что главной целью образования является верная передача стандартного учебного плана. Одно из следствий этого заключается в том, что люди усваивают научные знания в обескровленном, инструментальном виде. Без критического, дифференциального подхода к тому, что они изучают, большая часть людей не реплицируют результативно в свое мышление мемы науки и разума» [5, с. 494–495]. Прагматисты считали, что опыт – это, прежде всего, опыт мышления, а образование направлено на создание условий для его «капитализации». Но «опыт мышления»

приобретается не только в лабораториях или компьютерных классах. Поэтому они ратовали за «активную позицию в философии». «При помощи образования Дьюи хочет воспитать совершенно особого, интеллектуально развитого деятеля, носителя определенной, практико-ориентированной демократичной творческой культуры» [9, с. 80]. Эти благие цели не реализуемы без концептуального, критического анализа реальности, конструирования целостной картины мира. Но формирующие ее философские науки оказались на задворках современного высшего образования, они объявлены неэффективными и бесполезными. Берет верх постмодернистское понимание философии как «вида беллетристики» (Ж. Деррида), архаичного «культурного жанра», которому, по словам, Р. Рорти «пришел конец». Причем, современных новаторов-прагматиков от образования не интересуют историко-философские прозрения и высокоинтеллектуальная аналитика Рорти; в их программе такие сущности как «репликация смыслов», «тоска по трансцендентному», «ностальгия по всеобъемлющему» априори не имеют какого-либо онтологического статуса.

Подведем итоги. Инструментализм Пирса, Джеймса, Дьюи привлекает точностью формулировок, аргументированностью выводов, здравомыслием, корректностью в отношении оппонентов. Его современные трактовки не тождественны исходным. Классический прагматизм еще далек от постмодернизма. Целесообразно различать инструментализм как серию частных (локальных) познавательных и образовательных программ и как мировоззренческую установку. Выводы современных исследователей коррелируют с результатами анализа, проведенного в 70-е гг. прошлого века М. Бунге. Это свидетельствует об устойчивости и потенциале инструментализма, актуальности его дальнейшего изучения.

Объективность и общезначимость знания уходят в инструментализме на второй план, антифундаменталистская эпистемология поглощает онтологию. Фиксируемая в некоторых пространственно-временных координатах событийность рассматривается в прикладном аспекте. Инструментализм – один из успешных конкурентов реализма, адекватно реагирующий на недостатки его многочисленных версий (реализм научный, метафизический, семантический, этический, неореализм), но и сам тяготеющий к одной из них (речь идет о «внутреннем реализме», но это отдельная тема). Многие идеи, составляющие «жесткое ядро» и «эвристики» инструментализма, обнаруживаются в нео- и постпозитивизме, аналитической философии, конвенционализме.

Демаркация познания и действия, теоретически нейтрального и оценочного является в инструментализме избыточной. Субъект растворяется в опыте, состоящем из последовательности жизненных ситуаций. Последние оцениваются в модусах упорядоченности, целесообразности, прогнозируемости, пользы. Анализируя внешний фон, субъект сводит к минимуму дескрипции и объяснения, делая ударение на предсказаниях. Концепты, эйдетические конструкции, гипотезы, теории – инвентарь, помогающий занять нишу в окружающей среде, набор интеллектуальных средств, позволяющий адекватно реагировать на внешние вызовы. Истина в инструментализме, по сути, – прикладное верование, не связанное с объективной реальностью. Дефицит онтологичности, контекстуализм и ситуативность, несмотря на стремление преодолеть когнитивные неопределенности, открывают путь эпистемологическому релятивизму и методологическому анархизму.

Имеет место своего рода «закон сохранения мировоззренческой массы-энергии». Основатели прагматизма равно признают значимость науки, религии, искусства; поддерживают своего рода ценностный баланс, благодаря апелляциям к критикуемой, но признаваемой метафизике. В современном секуляризованном потребительском обществе, мировоззрение которого усложнено влиянием постмодерна, у мерканти-

лизма, утилитаризма, бихевиоризма, операционализма – этих спутников инструменталистской картины мира – стало меньше конкурентов. Мировоззренческие формы, утратившие прежнее содержание, неизбежно наполняются содержанием новым, далеко не всегда адекватным.

Философия «сшивает» картину мира, привнося в нее гармонию сверхреализма, трансцендентную телеологию, финитные смыслы, интеллектуальную эстетику. Она, как свидетельствует исторический опыт, владеет апробированными механизмами объяснения мира, успешно участвует в формировании мировоззрения, в том числе и благодаря анализу ненаблюдаемых сущностей. Но чтобы овладеть ее инструментарием, необходим соответствующий опыт, а значит и отказ от программ, ориентированных на дискредитацию философии и изгнание ее из системы образования. Вспомним предостережение Э. Жильсона: «Философия всегда хоронит своих могильщиков».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунге М. Философия физики / Пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. – М.: Прогресс, 1975. – 352 с.
2. Воробьев Д. В. Конвенционализм и инструментализм в свете теории научно-исследовательских программ Имре Лакатоса // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 97–110.
3. Головкин Н. В. Д. Дэвидсон, инструментализм и необходимость теории указания // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 8–11.
4. Джеймс У. Прагматизм // Джеймс У. Воля к вере / Пер. с англ.; сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – С. 207–324.
5. Дойч Д. Начало бесконечности. Объяснения, которые меняют мир / Пер. с англ. – 5-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 582 с.
6. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. – М.: Республика, 2003. – 494 с.
7. Пирс Ч. Начала прагматизма / Пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 318 с.
8. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. – 320 с.
9. Циплакова Ю. В. Операционализм Дж. Дьюи: *paideia* по-американски // Вестник СПбГУ. Сер. 17. – 2013. – Вып. 2. – С. 75–82.
10. Юлина Н. С. Философская мысль в США. XX век: Научная монография. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – 600 с.

Поступила в редакцию 18.02.2019 г.

INSTRUMENTALISM: ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL DIMENSION

V.V. Voloshin

The article aims at research into the epistemological and ontological content of instrumentalism in its classic pragmatic version carried out in terms of the concept of world-view. There are defined attributes and implications of instrumentalism – antirealism, operationalism, antifundamentalism, contextualism, gnosiological utilitarianism and «behaviourism». There are also identified points of intersection of instrumentalism with methodological approaches, philosophy of science trends and postmodernism. Finally, it is detected that instrumentalist directives can be found within the domain of education.

Key words: world-view, ontology, epistemology, pragmatism, instrumentalism, operationalism.

Волошин Владимир Викторович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: v.v.don7ff@gmail.com

Voloshin Vladimir Viktorovich

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Chair of Philosophy
SCE HPE “Donetsk National University”
E-mail: v.v.don7ff@gmail.com

УДК 141.78:316.324.8

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ПОСТМОДЕРНИЗМ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

© 2019. *К.А. Зуев, Л.Н. Никитин*

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»

В статье рассмотрены и указаны соотношение и взаимосвязь идей постиндустриального общества и постмодернизма, как «базиса» и «надстройки» соответственно, современной цивилизации, прежде всего западной, отражающие её определённый этап развития. Рассмотрены футуристический характер постиндустриального общества и реализм постмодернизма, приведшие в своём сочетании к постиндустриализму, но невозможности реального воплощения идей заложенных в концепции постиндустриального общества.

Ключевые слова: модерн, индустриальное общество, постмодернизм, постиндустриальное общество, информационное общество, сверхиндустриальное общество, постиндустриализм.

Истоками современной технической цивилизации являются процессы, начавшиеся в Западной Европе в XV–XVI вв., которые позже, в XIX–XX вв., распространились и на весь мир, определившие эпоху и исторический этап существования всего человечества, который фактически сохраняется до сих пор, и получивший название Модерн. Данная эпоха привела: к возникновению науки, рационализации мировоззрения (представления о линейности развития мира, вера в прогресс, достижимость светлого будущего, познаваемость и управляемость мира, стремление к единообразию), мышления, жизни общества, достаточно высокой как физической, так и социальной мобильности населения, направленности на преобразование этого материального мира. В процессе развития и существования эпохи Модерна утвердился капитализм, развитие институтов централизованных национальных государств, произошла секуляризация общества, процесс индустриализации, а также НТП и НТР. Именно индустриализация привела к появлению индустриального общества, как концентрированного выражения идей, идеалов и представлений эпохи модерна, ставшего её «базисом», с его ускоренным развитием науки и техники, резким ростом промышленного и сельскохозяйственного производства (массового, поточного), развитым машинным производством, ростом и развитием специального и общего образования, качества жизни, урбанизацией, формированием общества массового потребления (массового общества вообще, как проявление кризиса эпохи Модерна и его идей), появлением массовой культуры, формированием социальных ценностей таких, как предприимчивость, трудолюбие, образование, здоровье, способность и готовность к новациям.

В конце XIX–XX вв. появляются кризисные проявления эпохи – модернизм (в искусстве), постмодерн (но не постмодернизм), которые отличаются критикой и попыткой отойти или отбросить ценности и достижения эпохи модерна. Ещё более усилили кризисные процессы данной эпохи мировые войны, голод, возникновение тоталитарных режимов, экологические катастрофы и др. Стали высказываться сомнения в гуманистических идеалах цивилизации, основанной на рационализме, о невозможности решений наболевших проблем рациональной техникой и технологией,

в обществе возникает разочарование в результатах двух типов революций – политической и научно-технической, а войны перечеркнули веру в разум, гуманизм и безграничные возможности науки. Возрождаются идеи антропоцентризма и ценностей гуманитарного знания. Кризис эпохи модерна происходил на фоне НТР и начавшегося перехода от индустриального общества к постиндустриальному (информационному), процессов глобализации, зарождения информационной культуры, что уменьшило в производстве долю работников физического труда и увеличило интеллектуального (хотя это не противоречит базисным идеям модерна).

Этот кризис цивилизации и общества, прежде всего на Западе (Европа, Северная Америка и Япония), линии его развития и идейной основы, привёл к возникновению во второй половине XX в. оригинальных концепций. На сегодняшний день сложились и существуют две наиболее значимые, оказавшие влияние на дальнейшее рассмотрение и осмысление проблемы концепции, включающие в себя большое количество теоретических конструкций и вариаций, которые описывают, рассматривают и исследуют сущность, проявления, тенденции современной цивилизации – это концепции «постиндустриального общества» и «постмодернизма». Каждая из них претендует на адекватное, близкое к полноте, отражение современной цивилизации и общества. И хотя данные концепции сосуществуют одновременно и параллельно друг другу, занимаются изучением и объяснением схожих или, даже, одинаковых проблем, но между ними не наблюдается ни жарких дискуссий, ни идейного противоборства, ни идейных контактов. Данная ситуация требует своего разрешения, т.е. выяснения причин этого через рассмотрение соотношения концепций «постиндустриального общества» и «постмодернизма», как социальных теорий, затрагивающих также и проблему исторического процесса, проведения сравнительного анализа их содержания, сути, посредством которых можно выявить как причину и смысл их одновременного сосуществования, так и пути развития современной цивилизации.

Данная проблема, рассматривалась представителями теоретической мысли, такими как В.А. Емелин [1], И.А. Негодаев [2], которые рассматривали соотношение различных сторон концепций «постиндустриального/информационного общества» и «постмодернизма», указывали на их взаимосвязь, но касались или формальных сторон, где данные концепции не противоречат друг другу или рассматривали только сам процесс возникновения данных феноменов. Также, непосредственно не касаясь, но подразумевая, данную проблему рассматривал Э. Тоффлер в своей работе [3], где ставилась проблема сути благосостояния Западного общества и цивилизации и невозможность его поддержания из-за изменения в ментальной сфере жизнедеятельности общества и в духовной культуре. Косвенно также на данную проблему взаимосвязи двух концепций указывали одни из теоретиков «постмодернизма» – М. Фуко [4], Ж. Деррида [5], Ж. Бодрийяр [6], Д. Белл [7], которые основывали свои работы на рассмотрении проблем жизни человека в постиндустриальной цивилизации. Но ни одна из работ не рассматривала как взаимосвязи и единство данных концепций, их взаимовлияние в процессе их реализации в реальной жизни, так и противоречия между ними, в целом.

Цель статьи – через анализ содержания, сути, черт, признаков, их соотношения, концепций современной цивилизации – постиндустриального общества и постмодернизма, исследовать их взаимосвязь, общность, взаимовлияние, противоречия и различия.

Теория «постиндустриального общества» сформировалась в результате всестороннего анализа ситуации, что сложилась на Западе и в мировой цивилизации в

1960-70-х гг. представителями американской теоретической мысли (в меньшей степени западноевропейской и японской). Она впервые была выдвинута в классическом виде Д.Беллом [7], а чуть позже была дополнена и расширена другими представителями данного направления социальной мысли: Э. Тоффлером [8;9] как «сверхиндустриальное общество», В. Иноземцевым [10] как «экономика знаний» (которое также развивал Ж. Сапир). В данном направлении развивались и другие схожие теории – «технотронного общества» (З. Бжезинский), «информационного общества» (Т. Умсао, Дж. Ходжсон), «индустрии знаний» (Т.Махлуп), «электронно-цифрового общества» (Д. Танскотт), «научного общества» (М.Понятовский), «посткапиталистического» (Р. Дарендорф) и др. Все указанные теории, используя разнообразные методы и подходы, рассматривали одну проблему и делали схожие выводы, поэтому можно утверждать, что они являются вариациями концепции «постиндустриального общества», т.к. делают акценты на отдельных её сторонах, углубляя и расширяя основную концепцию. Поэтому не будет ошибкой применять к их совокупности понятие «постиндустриальное общество». Можно выделить следующие черты и признаки постиндустриального общества, которые раскрывают суть концепции, это:

- радикальное ускорение технического прогресса, эффективность инновационной системы, осуществление сотрудничества с природой, развитие ресурсосберегающих, экологически чистых технологий, определяющей роли техники в социальном прогрессе, которая влияет на все сферы его существования, а также на историческое развитие, изменение «технологических укладов»; ключевая роль в новом обществе отводится информации и электронным средствам, развитие средств коммуникации, обеспечивающим техническую базу для ее использования и распространения, центральная роль теоретического, научного знания (возрастание объёмов знания), в том числе как товара, проведение исследований, создание новых интеллектуальных технологий, преобладание в структуре экономики сферы услуг, информации, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством;

- высокая производительность труда, изменения в характере труда (если раньше труд выступал как взаимодействие человека с природой, то в постиндустриальном обществе он становится взаимодействием между людьми), массовое распространение творческого, интеллектуального труда, что восстанавливает доминирование работника над средствами производства, а это влечет за собой и уменьшение в жизни общества экономической значимости отношений собственности на средства производства, интеллектуализация труда и производства, автоматизация и роботизация всех сфер производства и управления, меняется форма организации производства – отход от концентрации к сетевому, кластерному построению, уменьшение значения бюрократического управления и повышение самостоятельности и ответственности отдельного работника, повышение социальной ответственности бизнеса; индивидуализация производства и потребления, высокая конкуренция во всех видах деятельности насыщают рынки промышленной продукцией, удовлетворяют спрос потребителей всех типов и видов, включая экономических агентов и население;

- стирание классовых различий, рост носителей знания, меритократия - высокая стоимость и производительность высококачественного национального человеческого капитала, генерирующего избыток инноваций, вызывающих конкуренцию между собой, рост численности среднего класса, более значимыми становятся образовательные, профессиональные, этнические, конфессиональные и иные идентичности, высокая социальная мобильность, повышение роли женщин (женщины

впервые получают надежную основу для экономической независимости), организация системы непрерывного образования и дифференциация уровня знаний, повышение роли здравоохранения, развитие индивидуализированного сознания, конец ограниченности благ, удовлетворение материальных потребностей основной массы населения (в еде, жилье, одежде, транспорте), повышение качества жизни;

- сильное гражданское общество, где господствует право и закон, политический плюрализм (множество политических партий), возникновение новой формы демократии – «демократия консенсуса», основанной на взаимных уступках, развитие глобальных политических сетей, падении роли прежних культурных столиц и центров и возрастании роли провинции, взаимовлияние культур.

В свою очередь, концепция «постмодернизма», также возникшая в 1960-70-х г., была стремлением осмыслить те процессы и тенденции, которые происходили в интеллектуальной и духовной сфере жизни обществ Запада, достижений их духовной культуры – кризис модерна и модернизма, а также перехода к «информационному обществу». Данная концепция разрабатывалась, в основном, представителями европейской философской и научной мысли и является совокупностью различных теорий – от понимания «постмодернизма» как теории искусства до философского и социологического осмысления ею ментальности и духовной культуры, но при сохранении общей направленности на постижение глубинных ментальных процессов происходящих в обществах Запада, прежде всего постиндустриальных. К основным представителям данного направления философской мысли можно отнести М. Фуко [4], Ж. Дорриду [5], Ж. Бодрийяра [6;11], Ж. Делёза [12], Ж.Ф. Лиотара [13] и др. Основные идеи, характерные черты, лежащие в основе концепции, можно представить как:

- разочарование в любых общих идеях, будь то научные концепции, идеологические доктрины или философские построения, отрицание привилегированности, избранности какой-либо точки зрения относительно всех остальных, претензия освободить человека от какой-либо внешней регулирующей силы, проповедь абсолютной свободы человека во взглядах и поступках, представление о мире, как о хаотическом движении многообразных, рассогласованных позиций, форм мысли, верованием людей, которые случайно сочетаются друг с другом, где действия людей в этом случае освобождается от принципов и норм морали, от ответственности за свой выбор и свое поведение, отрицается иерархия ценностей и проповедуется релятивизм (становится бессмысленной аксиология), признание конвенционального, договорного характера норм, принципов и ценностей, отрицание каких-либо авторитетов, рост культурного и социального многообразия и отход как от ранее господствовавшей унифицированности;

- «освобождение» от прогресса, от установки на восходящую линию общественного и культурного развития, уход от массового социального действия, общество предстает как хаотический набор случайных явлений (лишается своего смысла социальная философия), негативное и даже агрессивное отношение к прошлому, к классике, разрыв с существующими в обществе традиционными связями в культуре, предельная открытость к равноправному диалогу с любыми культурами, структурами, формами и нормами, существующими в любом пространственно-временном отрезке истории;

- критика принципов науки, рационализма вообще и традиционных ориентиров на философско-научное осмысление мира, осознанием иллюзорности представлений о неограниченных возможностях науки, что дало возможность появления в научном познании большой неопределенности, признание существенной роли неявного знания в

функционировании науки, относительности и принципиальной неустранимости субъекта из результатов научного познания (отрицание объективности и достоверности, как процесса, так и результата познания), стремление подвергнуть сомнению науку и технику, введено в пространство научного познания такие менее строгие факторы, как воля, воображение, страсть, на первый план выходит не рациональное, логически оформленное осмысление реальности, а эмоциональное восприятие мира, т.е. переход от мировоззрения к мироощущению, признание только языковой формы реальности и ориентация на познание мира только через языковые сущности, отдаётся примат виртуальному миру над реальным (отрицается онтология);

- плюрализм, выражающийся в допущении одновременного существования различных точек зрения, смешении различных, порой противоположных, взглядов на изучаемые объекты и процессы и признающий не только правомочность, но и необходимость такого подхода, установка на поворот к некоему “союзу” науки с религией, примирению сознательного и бессознательного, в общественное сознание все более проникают мифология, мистериальные религии, воззрения Востока, гностицизм и архаика;

- разработка основ нового мировоззрения, как мировоззрения информационного общества, отрицающего причинность и смысловые связи, представление реальности в виде потока неопределенностей, фрагментарности, децентрации, изменчивости, контекстуальности, неопределенности, иронии, симуляции, неточности, утрате “внутреннего мира”, соучастию, деконструктивизму, отсутствие необходимости, сведение всех событий и вещей к беспричинному хаосу случайностей, бессмысленность понятия истины, прежде всего научной, что ведёт в определённой степени к её отрицанию (отрицается гносеология).

Данные характерные черты и идеи каждой из концепций показывают направленность их мысли, рассматриваемую ими проблематику и круг интересов. Анализируя эти идеи, можно говорить о том, что и концепция «постиндустриального общества» и концепция «постмодернизма» рассматривают и исследуют, каждая со своей стороны, современную техническую, или даже технотронную, цивилизацию, её проблемы и перспективы. Но если концепция «постиндустриального общества» делает акцент на рассмотрении и объяснении производительных сил, производственных отношений, орудий труда и средств производства, а также социальных процессов соответствующих им, что можно обозначить, воспользовавшись терминологией марксизма, как «базис» современной цивилизации, то концепция «постмодернизма» исследуя и изучая ментальные, психические особенности людей и обществ в целом, их духовную культуру, которые можно обозначить как «надстройка» этой цивилизации. Таким образом, если концепция «постиндустриального общества» делает упор в исследованиях на материальные основы цивилизации, то концепция «постмодернизма» на духовную культуру, и отсюда данные концепции являются разными, но не противоположными и тем более не противостоящие друг другу, они взаимодополняют друг друга. Концепция «постиндустриального общества» рассматривает общество, его настоящее и потенциально будущее, а концепция «постмодернизма» психические стороны жизни человека в этом обществе, и ментальные особенности «постиндустриального» общества.

Но противоречия между данными концепциями начинаются в точке их пересечения – в ментальной сфере. Если концепция «постиндустриального общества» базируется на рационализме, рациональном знании, науке, научном исследовании и познании мира, которые являются основой для научно-технического прогресса и

прогресса общества вообще, что продолжает главную идейную линию эпохи Модерна и индустриального общества, углубляя и расширяя её. То концепция «постмодернизма» доводит до логического конца, завершения идеи, заложенные в эпоху Модерна – доводит до крайности индивидуализм во всех сферах жизни общества, социальной, политической, экономической и интеллектуальной. То есть мировоззрение, представления, интеллектуальные достижения каждого отдельного человека являются значимыми, но не единственными и тем более не господствующими, так как точка зрения каждого человека имеет значение. При этом все типы, формы мировоззрения, представления и мышления имеют право на существование и могут претендовать на истинность, а научное только одно из многих. И хотя рационализм, наука и научно-техническое развитие не отрицаются, но им происходит отказ быть единственными в поисках и приближении к истине, а отсюда в продуцировании знания о мире и влиять на развитие человека и общества, что нивелирует их положение в обществе и не даёт возможности их адекватного применения, при этом правильным является каждое мнение в самой науке по какому-либо вопросу.

Отсюда происходит и различие между концепциями в подходе к обществу и его развитию. Если концепция «постиндустриального общества» предполагает и, в какой-то мере, требует постоянного развития общества, цивилизации, утверждая наличие общего для всех прогресса, основанного на развитии науки, научных и технических достижениях, то концепция «постмодернизма» отвергает как общий прогресс, так и его основание только лишь на науке и технике. Общего прогресса в последней концепции не предполагается, не существует и не может быть, так как каждый отдельный человек может иметь свои представления и взгляды на развитие, прогресс общества, его основания и пути, при этом все они являются правильными и ни одно из них не может доминировать. Поэтому возможно развитие и прогресс каждого отдельного человека или группы в обществе, но не прогресс всего общества, т.е. концепция «постмодернизма» предполагает развитие в рамках того общества, технической цивилизации, которые есть сейчас на данный момент, расширяя их границы, обустроивая их, делая их более комфортными, развивая отдельные стороны, но не предполагая целенаправленный переход к какому-либо новому уровню развития общества. При этом не отрицается возможность перехода общества и цивилизации на более высокий уровень развития, их изменений под влиянием как накопившихся изменений отдельных их сторон произведённых деятельностью отдельных людей и групп, так и через реализацию идей постиндустриального общества в жизнь. При этом будет происходить приспособление к той форме общества и цивилизации, которые сложатся, поэтому можно утверждать, что концепция «постмодернизма» раскрывает «приспособленческий» характер существования и мышления человека и общества, принадлежащие к современной цивилизации, а не развивающий.

Одновременно можно говорить о том, что концепция «постиндустриального общества» носит в определённой степени идеалистический характер, что можно обосновать тем, что данная концепция не только констатирует и фиксирует тот уровень прогресса и то положение, в котором оказались общество и цивилизация в результате своего развития, но и предполагает, прогнозирует, создаёт футурологический сценарий их дальнейших изменений, задаёт цель, к которой нужно стремиться – удовлетворение насущных потребностей людей, для их постепенного освобождения от зависимости перед бытовыми и насущными проблемами, интеллектуального раскрепощения и массового перехода к рациональному интеллектуальному труду, постоянного, непрерывного, целенаправленного обучения, самообучения, воспитания и

совершенствования людей, для их самореализации, переход к массовому творчеству в обществе, постоянное совершенствование техники, технологии, производства, управления и т.д. При этом не учитываются реальные настроения, психическое состояние, ментальность и духовная культура общества и отдельных людей, которые должны воплощать идеи концепции в жизнь. В свою очередь концепцию «постмодернизма» можно назвать более реалистичной, так как предметом её исследований как раз и является действительное, реальное положение в ментальной, духовной сфере людей, общества и цивилизации, она отражает реальные настроения людей живущих в обществе, прежде всего на Западе – Западной Европе и Северной Америке (в значительно меньшей степени), – где каждый отдельный человек и общество в целом устали от «бремени белого человека» и нацелены на простое существование в том мире и обществе, которое есть, немного его улучшая.

Это особенно проявилось в процессе реализации и претворения концепции «постиндустриального общества» в жизнь людьми, носителями ментальности «постмодернизма», приведшее к «постиндустриализму», то есть попытке реализации или даже имитации проекта в 1980–90-х гг. На взаимосвязь между идеями «постмодернизма» и воплощением идей «постиндустриального общества» в виде «постиндустриализма» указывает В.А. Емелин [1], показывая соотношение определяющих принципов постмодернизма – плюрализма, децентрации, фрагментарности – и состоянием постиндустриального общества:

- принцип фрагментарности утверждает, что универсальный мир модерна распался на бесчисленное множество разнородных фрагментов, и в этой пестрой мозаике уже невозможно выделить нечто абсолютное, поэтому нет места суперпроектам, вовлекающим людей в единое поле с целью их осуществления, нет гигантизма. Постиндустриальному обществу чужды глобальные, "титанические" начинания не в силу того, что они не нужны, а из-за того, что им не передается излишнего значения. Эти, и подобные им "великие" проекты, интегрирующие огромные массы людей, а также связанный с ними пафос, неотвратимо уходят в прошлое;

- принципы плюрализма, децентрации, фрагментарности выражаются, прежде всего, в утверждении разнообразия как основного лейтмотива постиндустриального общества - в типах техники, товарном ассортименте и видах услуг, в переходе к мелкосерийному, индивидуальному производству, но и в потребности в широком спектре различных профессий;

- принцип децентрации, которое воплощается в постиндустриальном обществе через фактическое отсутствие единого и основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь: в производстве наблюдается процессы демассификации и разукрупнения предприятий, в сфере управления происходит перераспределение властных полномочий центра в пользу регионов, а базисное планирование переносится на локальный уровень, хотя в современном обществе имеют место и интеграционные тенденции, но без доминирующего центра силы – через согласие;

- принцип фрагментарности в постиндустриальном обществе утверждает то, что сознание перестает быть "универсальным" и становится "клиповым", то есть отходит от общезначимых и постоянно воспроизводящихся схем мышления, отдавая предпочтение коротким, но при этом нестандартным и насыщенным мыслям;

- в постиндустриальном обществе происходит отход от централизованного распределения информации, что проявляется в развитии телевидения в направлении увеличения числа каналов, адресованных на различные аудитории и Интернета;

- в постиндустриальном обществе наряду с процессами дефрагментации имеют место тенденции к так называемому "стиранию граней" между когда-то противоположными сущностями – нахождение общих моментов между различными взглядами, научными теориями, науками и т.д.;

- игра проникает в различные сферы постиндустриального общества: появление виртуальной реальности, появление необходимости вырваться из царства отчужденного труда и погрузиться в мир игры и фантазии, превращение процесса труда в разновидность творческой деятельности, возможности для которой увеличиваются с вхождением в жизнь людей не подавляющей человека техники;

- вхождения культурного измерения в производственно-экономическую сферу - особая роль отдается символической, эстетической и психологической составляющим общей стоимости товара, особое внимание начинает уделяться эстетике технического изделия, которая состоит не просто в целесообразности, но в том, как данная вещь входит в человеческое бытие, отвечает его индивидуальности.

Описанные В.А. Емелиным связи идей и принципов «постмодернизма» и «постиндустриального общества» показывали сторону «постиндустриализма», которую условно можно обозначить как позитивную, к которой можно добавить ещё некоторые моменты: определённая, постоянная концентрация внимания и сил на утверждении идеи индивидуализма во всех сферах жизни общества, а альтернативные точки зрения на развитие общества и цивилизации фактически не рассматриваются; фактическая невозможность общества и цивилизации изменится и перейти на новый уровень социальных, социокультурных, экономических и социально-экономических отношений; уменьшение способностей, или неспособность, отдельных людей к обработке информации, планированию и определённая враждебность к методу и классической науке, отсюда нежелание научного поиска и создания новых научных знаний и техники; информационные технологии и средства связи чаще всего используются для общения и развлечения, а не обучения, самообучения, передачи знаний; проблема достоверности информации; усиление социальной дифференциации в современном обществе, как по финансовой состоятельности, так и по образованию; не сложилось «общество знания» как массового явления; приватизация знаний; низведение жизни каждого индивида до его личных проблем и радостей или группы, но не общества и человечества; это приводит не только к неспособности создания общезначимых больших проектов, но и поддерживать то, что было уже создано и пока существует – отсутствие ответственности за общую судьбу; расширение рынка услуг при одновременной деиндустриализации и вывозе предприятий (фабрик, заводов, лабораторий, научных центров) в те географические регионы и страны, которые обеспечивают максимальную прибыль.

Именно поэтому общества, пошедшие по пути «постиндустриализма», прежде всего США и Западная Европа, столкнулись с начала 2000-х гг., особенно после 2007–2008 гг., не только с экономическим, но и политическим, социальным и культурным кризисами из-за не соответствия «человеческого материала» данных обществ существующих в рамках ментальности выявленной «постмодернизмом», требованиям по реализации идей заложенных в концепции «постиндустриального общества». Но это именно кризис «постиндустриализма», то есть попытки или даже имитации реализации идей «постиндустриального общества», а не кризис самой концепции. Концепция «постиндустриального общества» имеет большой потенциал, но её реализация будет зависеть от того кто, когда и где будет это делать.

Таким образом, данные концепции, «постиндустриального общества» и «постмодернизма», представляющие собой совокупность взглядов представителей

философии и гуманитарных наук, рассматривают разные стороны современной технической цивилизации, не противоречат друг другу, но дополняют. Идеи, заложенные в концепции «постиндустриального общества», отражающие техническую, материальную сторону цивилизации, можно условно обозначить «базисом», а в «постмодернизме», делающим упор на ментальную, интеллектуальную, духовную культуру – «надстройкой», исходя из их содержания и понимания.

Одновременно данные концепции расходятся во взглядах на общество и на цивилизацию: «постиндустриального общества» не только констатирует факт достижения определённого уровня развития техники, производственных отношений, сил, но и проецирует их развитие на будущее – прогнозирует, предполагая и требуя постоянного развития техники, а с ней и общества, «постмодернизм» же только констатирует тот уровень развития и состояние интеллектуального, культурного, ментального в целом, общества и каждого отдельного человека, то есть удовлетворяется тем состоянием, которого достигло общество, не желая развития, но нацелено на приспособление. Данные концепции расходятся между собой именно в точке их пересечения - в ментальной сфере – «постиндустриального общества» требует постоянного интеллектуального напряжения, творчества, рациональных, научных исследований формирующих новые знания для воплощения их в материальной реальности и развития общества, «постмодернизм» ставит под сомнение истинность и адекватность любых знаний, утверждая идею об их относительности, что приводит к фрагментарности знаний, их не полноте и отсюда не возможности адекватно воспользоваться ими (но не отрицает сциентизм). Все эти причины, а также определённая идеалистичность концепции «постиндустриального общества», то есть игнорирование реального состояния обществ и людей в них с их ментальным уровнем, духовной культурой (что как раз рассматривается и учитывается «постмодернизмом»), привели к невозможности и неспособности реализации идей данной концепции в их полноте в реальности на сегодняшний день, а то, что было реализовано в странах Запада – «постиндустриализм», пребывает в экономическом, социальном, политическом и культурном кризисе.

Столкновение в наше время с проблемами в развитии индустриально-постиндустриальной цивилизации, в реализации заложенного в ней рационального, философско-научного – экологическими, антропологическими, социальными и другими, как кризисами достижений материальной культуры и общества, необходимо изучить всесторонне – выявить реальное существование постиндустриального общества, а не попытки имитации реализации идей заложенных в концепции, ограничения по этому процессу в осуществлении данных идей, влияние тех социокультурных, ментальных и культурных процессов происходящих в Западной цивилизации и обозначенных понятием постмодернизм. Именно современные социальные, экономические и политические кризисы цивилизации нужно осмыслить не через разные концепции, а находя общее между ними и, таким образом, через системный подход выявить те проблемы, что уже существуют в обществе или могут существовать в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емелин В.А. Постиндустриальное общество и культура постмодерна. [Электронный ресурс] / В.А.Емелин – Официальный сайт портала «Постмодернизм» – Режим доступа: URL: <http://emeline.narod.ru/postindustrial.htm> и <http://www.geocities.com/emelinvadim/postindustrial.htm>.
2. Негодаев И. А. Информатизация культуры / И. А. Негодаев. – Ростов н/Д: Книга, 2003. – 388 с.

3. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. Пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун. – М.: АСТ, 2008. – 569 с. – (Philosophy).
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984: В 3 ч.: Ч. 1. / М.Фуко. Пер. с фр. С.Ч. Офертаса, под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 381 с.
5. Деррида Ж. Диссеминация (La Dissemination) / Ж. Деррида. Пер. с фр. Д. Кралечкина, науч. ред. В.Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 608 с.
6. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального (A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social) / Ж. Бодрийяр. Перевод с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 13 с.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. – М.: «Academia», 1999. – 949 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. Пер. с англ.; науч. ред., предисл. П.С. Гуревич. – М.: АСТ, 2010. – 784 с. – (Philosophy).
9. Тоффлер Э. Шок будущего : науч.-попул. изд. / Э. Тоффлер. Пер. с англ. науч. ред., авт. предисл. П. С. Гуревич. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 560 с. – (Philosophy).
10. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. Пер. с фр. и предисл. С. Н. Зенкина. – М.: Добросвет, Издательство "КДУ", 2011. – 392 с.
12. Делёз Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
13. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна (La condition postmoderne) / Ж.-Ф. Лиотар. Пер. с фр. Н.А. Шмако. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с. – (Gallicinium).

Поступила в редакцию 04.03.2019 г.

POST-INDUSTRIAL SOCIETY AND POST-MODERNISM: UNITY AND OPPOSITE

K.A. Zuev, L.N. Nikitin

In the article considered relationship and interaction of the ideas Post-industrial society and postmodernism as "baseline" and "add-ins", respectively, of modern civilization, especially the West, reflecting their particular stage of development. . The futuristic nature of post-industrial society and postmodern realism which led his combined to Post-industrialism, but no real embodiment of the ideas embodied in the concept of post-industrial society.

Key words: modern, industrial society, post-modernism, post-industrial society, informational society, super-industrial society, post-industrialism.

Зуев Константин Александрович

Доцент кафедры философии и психологии,
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский
университет имени М.Горького»
E-mail: angel-s.zuev@yandex.ru

Zuev Konstantin Alexandrovich

Associate professor of the Chair of Philosophy and
psychology, SCE HPE "M. Gorky Donetsk National
Medical University"
E-mail: angel-s.zuev@yandex.ru

Никитин Леонид Никитович

профессор кафедры философии и психологии,
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский
университет имени М. Горького»
E-mail: angel-s.zuev@yandex.ru

Nikitin Leonid Nikitovich

professor of the Chair of Philosophy and psychology,
SCE HPE "M. Gorkiy Donetsk National Medical
University"
E-mail: angel-s.zuev@yandex.ru

УДК 111.1

ПОНИМАНИЕ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО МЫШЛЕНИЯ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОСТИ

© 2019. Ю.М. Лустин

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

В статье новый дискурс проблемы понимания личности актуализируется в контексте типологического познания субъекта социальности. Проанализирован типологический статус сравнительной формы мышления человека, обосновано ее социально-культурное значение в мыслительной деятельности. В качестве результата предлагается введение в научный оборот понятия «типологическое мышление личности».

Ключевые слова: личность, типология личности, субъект, понимание, типологическое мышление, социальность.

*Важнейшая задача цивилизации –
научить человека мыслить*

Томас Эдисон

Типологию человеческого бытия невозможно описать без обращения к категории «понимание», которая занимает ключевое место в социально-философской, психологической, культурологической и лингвистической литературе, смыслоопределенно пронизывая все сферы человеческой жизнедеятельности. Ее логическая целостность, сравнительная характерность фундаментальны во всеобщем гносеологическом дискурсе смыслового порядка. Понимание, будучи познавательным модусом бытия, диалектически сопряжено с типологией познания природы, общества и мышления человека. Поэтому, в парадигме научного знания, мыслительная деятельность субъекта постигается в смысловом единстве «типологии «трех объектов», поскольку в действительности, по утверждению Т.Ю. Афанасьева, изучение природы, общества и человека невозможно в отрыве друг от друга, без учета их взаимного влияния» [1, с. 42]. Следовательно, различные смысловые формы (фигуры мысли – автор), как результаты продуктивного мышления индивида, уже с давних времен находили свое разноплановое отражение в типологии человеческого знания, истории философско-типологического познания (Т.Ф. Базылевич, Л.Г. Брылева, А.Ю. Григоренко, З.А. Каменский, Т.Я. Квасюк, А.Ю. Москвитин, В.П. Пономарев, С.Ю. Поройков, В.А. Устюгов, В.Д. Шадриков).

Так, древнегреческие ораторы типологию убежденности своих речей имманентно согласовывали со смыслом сказанного. У Платона, интуиция как средство рассудка (интеллекта), тесно связана с глубиной понимания и наделена божественным даром сверхразумного смысла. Парменид считал, что истинное мнение о предмете формируется в результате мыслительного процесса. Аристотель, в работе «Об истолковании», актуализировал мыслительные формы человеческого понимания в приоритете логических рассуждений об истинности суждений и умозаключений, которые типологически могут сравниваться между собой. В концепции античных стоиков об «огненном логосе», концептуализировано значение самовозрастающего

«разума-огня» как некой внутренней «мысли вещей». В этом неоплатоники усматривали типологическую направленность сущего к понимающему становлению, которое стремится к благу, нравственному совершенству по образцу Абсолюта. «Собственное понимание добродетели и пороков, говорил Цицерон, – самое главное».

Представители ранней и средневековой герменевтики (Августин Блаженный, Филон Александрийский, Флаций Иллирийский, Кассиан Святой, Фома Аквинский) активно применяли методики истолкования смысла библейских текстов, апеллируя к различным формам божественной сущности и ее внеземным свойствам. Следуя этой традиции Р. Декарт интерпретационно понимал душу как мыслящую субстанцию. Его дуализм в типировании двух родов сущности (протяженной лат. *res extensa* и мыслящей лат. *res cogitans*), в смысловом отношении определял субъекта как «в основе лежащее» сущностное начало. Это позволило Р. Декарту в работе «Правила для руководства ума» дать обоснованное разъяснение интуиции как характерного средства понимания (*conceptum*) ясного и внимательного ума индивида. Говоря о рядоположенности вещей, в типологическом модусе их принадлежности к «какому-либо роду сущего», великий философ постулирует: все вещи закономерно познаются путем сравнения их друг с другом, для того чтобы познать одни на основании других.

Б. Спиноза в «Трактате об усовершенствовании разума», опираясь на это декартовское методологически важное положение, особо подчеркивает типологическую значимость рефлексивного характера умственной деятельности человека, указывая на то, что разум тем лучше понимает себя, чем больше он понимает природу. Дж. Локк развитие человеческого интеллекта обосновывает через понимание, под которым подразумевает «силу мышления» в постижении истин человеческого бытия. Философский формат схождения психологических и интеллектуальных свойств в структуре личности на основе мышления замечает Г.В. Лейбниц, констатируя что существует «...некая высшая ступень которую мы называем мышлением; мышление (*cogitatio*) – это восприятие, соединенное с разумением (*ratio*)...» [2, с. 386]. Для Г.В. Гегеля человеческий разум есть потенция истинного самосознания духа, который известен для индивидуального сознания. Человек, в своем мыслительном постижении всеильного Разума, субъективно руководствуется высшими идеалами абсолютного духа, идеализированно приближаясь к нему, но никогда не постигая его полностью. Одним словом, гегелевское утверждение – «известное, от того, что оно известно, еще не познано» имеет важный смысловой акцент и методологическую установку на понимание (Г.П. Меньчиков, Н.Е. Мотрошилова).

Феномен понимания является предметом исследования во многих философских и научных трудах. Впервые дефиниция «понимать» была использована немецким профессором И.Г. Дройзенем в 1868 году в содержании особого научного метода (метод «понимающей» истории – автор), опирающегося на мыслительную переработку образов восприятия человеком истории прошлого (К.Ш. Алимгазинов, И.М. Савельева).

В отечественной философии данную проблематику активно развивали М.М. Бахтин, Е.А. Бельцева, Е.К. Быстрицкий, С.С. Гусев, Ю.Е. Калугин, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, И.С. Нарский, А.П. Огурцов, Г.И. Рузавин, Р.К. Смирнов, В.Г. Федотова, Г.Л. Тульчинский, А.А. Яковлев. Заслуживает внимания диссертация И.В. Масловой, в которой комплексное исследование вопросов типологии мышления человека, субъективного смысла выделено в подраздел «Типология понимания: индивидуальное, коллективное и интерсубъективное», где уже сам научный подход к конструктивному сочетанию типов понимания является оригинальным [3, с. 94–108].

В рамках философской парадигмы проблему понимания рассматривают в предметном поле рационального познания (Ю.Е. Калугин, А.И. Ракитов); философско-психологическом аспекте (П.П. Блонский, А.А. Бодалев, А.А. Брудный, П.С. Гуревич, Т.М. Дридзе, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров); дискурсе герменевтической многосторонности (А.Н. Гребенев, В.Г. Кузнецов, В.П. Филатов, Д.С. Ягудина); гносеологической акцентуации (А.А. Павловская, Э.М. Спирина); онтологии смыслотворчества (О.А. Арутюнян, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотман, А.Б. Фирстов); когнитивности смыслообразования (К.И. Декатова, Ю.Б. Ярманова).

В различных школах и направлениях западной философской мысли в контексте феноменологических, экзистенциальных, персонологических теорий рассматриваются актуальные вопросы понимания, мышления человека в дискурсе типологической проблематики. Наряду с такими направлениями как социально-феноменологическое (П. Бергер, Т. Лукман, А. Сикурел), экзистенциальное (С. Кьеркегор, Ж. Сартр) особо выделяется многосторонняя векторность феноменологической герменевтики (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер). Так, Э. Гуссерль рассматривает понимание как способ конституирования смысла из дорефлективного жизненного опыта, продуктивно используя термин смыслопорождение (смыслоформирование) в содержательном значении понятия «вопрошание», конкретизируя их соотношение в феноменологическом дискурсе реализации разнообразных смыслов житнетворчества и актов действия человека.

Онтология человеческого бытия (*dasein*), по М. Хайдеггеру, интерпретирована содержательностью таких экзистенциалов как «смысл» (*die bedeutung*), «понимание» (*verstehen*), «положенность» (*position*). Понимание у Х.-Г. Гадамера выступает как принцип освоения мира через феномен вопрошания, который имеет свойство обновляться в логике вопросно-ответной формы, ориентированной на субъективную аргументацию. В итоге парадигмальная сущность вопрошания принимает риторическую форму следующего содержания: поставить вопрос – значит определить его в заданном значении и понятным для другого, понять содержание мнения другого – стало быть постигнуть смысл его ответа в контексте ранее поставленного вопроса.

Представляет интерес психологическая парадигма процесса понимания у Г. Гиккерта, В. Дильтея. Обращает на себя внимание работа В. Дильтея «Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах», в которой одно из основоположений указывает на типологическую многообразность понимания, включенную в общий мировоззренческий контекст межличностного общения, так как строится на принципе природного подобия людей и тем самым служит средством распознавания себя в других индивидах (А.А. Будаев, И.В. Ляшенко, Л.О. Пызина). Согласно В. Дильтею, типологическая методология мировоззрения субъекта восходит к методу объяснения некоторого непонятого ему данного при помощи данного более ясного. По его мнению, для человеческого мышления именно в сравнении ясное становится средством понимания и объяснения непонятого.

Социологические аспекты проблемы понимания в смысловой ориентации на коэволюционный гомеостазис, лингвистическую семантику представлены в работах М. Вебера, Э. Кассирера, Г. Риккерта, Ф. Шлейермахера, М. Шрейдера. К примеру, в теории социального действия М. Вебером достаточно полно определены аспекты понимания как средства мышления. В своей «понимающей социологии» М. Вебер отличает толкование языкового смысла текста от толкования его ценностного значения, чем актуализирует особый коэволюционный тип «интерпретирующего понимания» в отношениях между людьми. Он утверждает, что концепт понимания включает в себя:

а) гносеологическое обладание смыслом действия в его субъективном значении для человека; б) мотивационную составляющую смысловых связей мыслительной деятельности субъекта познания, детерминированную «идеальным типом», который выступает в роли конструктивной основы для проявления ведущих видов (типов) социального действия (целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное), ориентированных на мыслетворчество (Ю.В. Одношовина, В.Д. Шадриков), смыслодействие (И.А. Рудакова, Л.О. Попова).

В семантической традиции сравнительного смыслополагания, Ф. Шлейермахер обосновывает содержание «понимания» в качестве смыслосчитываемой процедуры обнаружения значения любого текста. Этим объективируются основы интерпретации как искусства взаимного смыслового постижения устной и письменной речи в предметности прогнозирующего понимания «Я – Ты», «Я – Другие», «Я – общество» [4].

Сравнительный анализ литературы показал заинтересованное внимание ученых к вопросу осознанного понимания, смысловой значимости мышления человека. Несмотря на имеющиеся научные работы содержательный, факторный, структурный, функциональный, типологический формат проблемы понимания еще не получил достаточно полного логико-системного обоснования. В частности, отсутствует целостное социально-философское, антропо-культурное представление о генезисе, сущностных признаках, типоданных функциях, логико-психологических, герменевтических, социетальных, лингвокультурных путях исследования этого феномена.

На наш взгляд, типологический подход к проблеме понимания наиболее полно отражает его определение в Энциклопедическом словаре, в котором искомое понятие определено как «универсальная операция мышления, представляющая собой оценку объекта (текста, поведения, явления природы) на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа...» [5, с. 739]. Важно заметить, что в данном определении, всеобщий типологический принцип подобия образцу, выступает как основополагающее установление, формирующее качество самопонимания индивида. Это еще раз доказывает неповторимость типа человека в парадигме сходства и различия персонифицированных свойств его мышления, которые определяют целостность личностного бытия в мире деятельной сущности человека [6, с. 146].

Понимание служит важным средством познания и движущей силой мыслительного процесса. Понять – это значит постигнуть целенаправленную логику движения мысли от психологического образа воспринятой объективной реальности к конкретному мыследействию субъекта через сравнительные формы его мышления. Понимание систематизирует знания, придает мышлению смысловую упорядоченность и целенаправленность, побуждает к появлению истинных мыслительных форм в противовес актам «сознательного» или «бессознательного» непонимания. Сравнительное самопознание редуцирует фактор личностного понимания в качестве «утверждающего основания» для осуществления различных моделей деятельности субъекта практики. По авторитетному мнению Г.П. Щедровицкого, знание, мышление, смысл, понимание есть средства познания и «их значение лишь в одном – организовать наше собственное мышление и нашу собственную деятельность с этими средствами» [7, с. 288].

Особенностью понимания является то, что оно представляет собой средство типологического познания, выражающееся в возможности определять осознанный способ действия субъекта практики на основе имеющихся у личности социальных знаний и опыта. Этому содействуют свойственные человеку от природы

познавательные способности к логическому анализу, закономерному следованию принципу подобия. Опираясь на широту и глубину мышления, указывает Н.А. Полушина, «человек прибегает к мыслительным операциям — сравнивает, сопоставляет факты, анализирует их, обобщает, делает умозаключения, выводы» [8, с. 188]. В итоге, эти логические средства, усиленные интеллектом, помогают мышлению типологически формировать различные сравнительные виды смысловых образований (фигур мысли, образов мыследействия), направленные на постижение опыта мыслительных прототипов как прошлых состояний, так и моделей будущего порядка человеческой деятельности. Отсутствие этих компонентов или их неправильное (ложное, искаженное, тривиальное) применение ведет индивида к непониманию и, соответственно, к бездеятельности. Из этого можно заключить, что сравнительная форма (фигура) мышления личности – это: а) процесс типологического отражения человеком свойств объективной реальности в характерном единстве их сходства и различия; б) способ смысловой связи интеллектуальных свойств личности, конструктивная особенность которых определяет степень их подобия образцу; в) фрактальное средство смысловой выразительности свойств мыслительной деятельности человека, гносеологическая превращенность которых имеет сообразный характер и проявляется в конкретных видах практики субъекта социального познания.

Понимание как типологическое средство мышления должно удовлетворять ряду требований. *Во-первых*, оно процессуально отражает конкретные параметры как объективной, так и субъективной данности в границах которых транслируются ее смысловые акциденции в различных сравнительных формах мышления (конфигурациях мысли). Иными словами, понимание чего-либо в своей «первопричинной направленности» элиминировано из объективной реальности, является результатом рефлексии в смысловых реалиях субъективного мира личности и, как правило, оформлено семантикой смыслового контента. По этому поводу еще Конфуций говорил: «достаточно, чтобы слова выражали смысл». *Во-вторых*, понимание как средство языка, имманентно этно-национальной принадлежности конкретного человека, а поэтому должно быть логически корректным, лексически грамотным, иметь смысловую доступность к восприятию и постижению Другим [9]. Для этого, *в-третьих*, оно должно быть содержательно обоснованным, чтобы быть средством для достижения чего-либо. Как видно, сравнительные процедуры мышления сообразны в типах своей смысловой связи как глубоко субстанциональных, так и многосоставных интеллектуальных свойств индивида. Значит, рефлексивные смыслообразы (смыслоформы) мышления, составляющие сущностную качественность понимания, возникли не бессознательно, а каузально проистекают из конкретных мыслительных конструктов в процессе типологического познания личности и, в первую очередь, – сознательного отражения ею объективной реальности.

Типовая конкретность (типоопределенность) понимания раскрывается в ее функциях. К числу наиболее фундаментальных можно отнести следующие:

а) *методологическую*, обнаруживающуюся в антропо-культурной способности мышления интерпретировано отражать и оперировать смысловыми связями, что позволяет регулировать практическую деятельность человека;

б) *систематизаторскую*, состоящую в конструктивных возможностях понятия не только обобщать различную информацию, но и выступать в роли интеллектуального синтеза свойств сравнительного познания и социальных практик человека;

в) *организаторскую*, заключающуюся в том, чтобы креативно обеспечивать типовую координацию и соизмеримость интеллектуальных средств, мысленных форм,

модальных «фигур логики» (В.И. Ленин), «дисциплинарных матриц» (П. Кун), «дидактических единиц» (Н. Мигашкин) в решении различных задач субъектом познания;

г) *описательную*, выражающуюся в способности понятия описывать и объяснять процессы прошлого, настоящего и будущего в жизнедеятельности человека [10]. Важно подчеркнуть, что содержательное предназначение функций может быть использовано в качестве типовых средств познания в становлении и развитии категории «понимание», диалектически отражающей и процесс и результат типологического постижения реальности во всех модусах человеческого бытия.

Как показало исследование, социально-философская экспликация процедур типологического познания предполагает разрешение противоречия между знанием и пониманием. «Многознание не научает уму» убеждал Гераклит. Из дихотомии «продуктивное – репродуктивное» немецким психологом М. Вертгеймером была выведена парадоксальная формула: «знать или мыслить – что лучше?» (В. Знаков, М. Кашапов, М.Я. Розенфельд, И.А. Стернин).

Несмотря на теоретические усилия многих ученых, проблема противоречивого отношения категориального ряда «знание – понимание», к сожалению, остается нерешенной. Заслуживает внимания транспективный подход В.Е. Ключко, который опираясь на смысловую теорию мышления О.К. Тихомирова, исследует перспективы решения данной проблемы в дискурсе типов научной рациональности [11, с. 98–100]. Следует также отметить научную устремленность А.А. Брудного, который в своей психологической теории понимания постулируется идею о том, что знание ценностно-смысловых закономерностей жизненных пространств зависит не только от истинного понимания личностью различных типов как вербальной, так и невербальной коммуникации, но и от их правильного использования в практике общения. Смысловой контекст данного положения своеобразно отразил В. Штегмюллер, утверждавший в своих работах, что взаимопонимание между людьми основывается на постижении субъективной пользы, выражаемой, прежде всего, знанием функции полезности [12].

Очевидно, что диалектическое соотношение знания и понимания в структуре личности, по мнению автора, определено гносеологическими особенностями их конвергентной направленности и в мышлении индивида носит интеграционный характер. Знание, как результат познавательного отношения, обнаруживает свою истину в характере мыслительных действий об объекте понимаемого. Двухсторонность этого процесса вполне очевидна. С одной стороны, мысленно оперируя образами объектов отраженной реальности, в предметности сходства и различия их родственных свойств, человек формирует представление об объективности и истинности полученного знания. С другой стороны, субстанциональные свойства мышления индивида интеллектуально обнаруживают смысловую определенность отраженного и способствуют формированию познавательного отношения личности к содержанию понимаемого только в рефлексивном процессе их противоречивого переосмысления. В развитии этого тезиса В.В. Знаков аргументирует: «Мышление направлено на поиск и переработку новых знаний, а понимание – на порождение смысла знаний, полученных субъектом в ходе мыслительной деятельности» [13, с. 231]. Следовательно, смысл, как имплицитная многозначная определенность типологического мышления личности, ее «скрытая» содержательная потенциальность, выступает интеграционным звеном между знанием и пониманием в предметном поле мыслительной практики индивида.

Онтологическая содержательность и субъективная много свойственность категории понимание наиболее полно раскрывает свою сущность в функциональной

системе «интеллект – смысл – мышление» становясь имплицативным средством самореализации личностного потенциала. Понять – это значит интеллектуально осмыслить содержательные аспекты бытия, осознать широту и глубину мышления как особого способа познавательной деятельности человека. В своей типологической характеристике социальная содержательность мышления человека в эффективности его инновационности понимания и креативности интеллекта, выражают человекомерный диапазон неповторимой индивидуальности созидающей личности. Говоря иначе, понимание как средство мышления, отражает смысловое содержание интеллектуализированных форм сознания субъекта социально-культурной практики в их взаимообусловленных аспектах типоданного сходства и различия. В развитии данного положения чрезвычайно важными являются современные научные исследования в которых, например, «под типом понимания будет рассматриваться понимание, обладающее определенными признаками, которому соответствует известная группа явлений, а под способом понимания – система действий, применяемых в процессе понимания» [14, с. 19];

Таким образом, типологический дискурс проблемы исследования позволяет утверждать, что понимание – это познавательная операция мыслительной деятельности, интеллектуально направленная на всестороннее постижение реальной действительности в сравнительных формах мышления человека, смысловая характеристика которых конкретизирует осознанный способ практики субъекта социальности.

Категория «понимание» в социально-онтологическом, логико-гносеологическом, герменевтическом становлении и развитии своей каузальной явленности проходит несколько ступеней. На первой ступени в сознании человека психологически отражается образ свойств объективной реальности, который определен природными и социальными закономерностями его дальнейшего целевого использования. На второй ступени в мышлении субъекта, посредством рефлексии, формируется интеллектуализированный смыслообраз, детерминируемый моментами объективной и субъективной данности. Третья ступень связана с индивидуальным мыслительным совершенствованием, корректировкой и осознанным выбором того или иного образа мыследействия, как средства типологического постижения реальности. На четвертой ступени осуществляется практическая деятельность, реально подтверждающая интеллектуальную оправданность, логическую правильность сделанного выбора типологическим субъектом социально-культурного познания.

Целесообразным также является введение в научный оборот понятия «типологическое мышление личности». По мнению автора, типологическое мышление личности – это специфическая форма сравнительного отражения свойств объективной реальности, которая в единстве характеристик их сходства (различия) обеспечивает выявление связей и отношений между ними, конкретизируя тем самым способ жизнедеятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев Т.Ю. Познание и его классификации по типам и видам в современной гносеологии: к построению полной типологии (Ч.2) / Т.Ю. Афанасьев // Современная наука, 2013. – №1. – С.41-48.
2. Лейбниц Г.В. Сочинения: в четырех томах / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982. – Т.1. – 636 с.
3. Маслова И.В. Понимание как осознание границ мыслимого: дис. ... к. филос. наук: спец. 09.00.01 «Онтология и теория познания» / Инна Викторовна Маслова. – СПб., 2008. – 166 с.
4. Schank R.C. Predictive understanding / R.C. Schank. – In: Recent advances in the psychology of language. Formal and experimental approaches. New York, 1978. – 308 p.

5. Философия : Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
6. Лустин Ю.М. Типология личности в парадигме социально-онтологической концептуализации / Ю.М. Лустин // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 2 (6). – С. 136–153.
7. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во «Наследие ММК», 2005. – 800 с.
8. Полушина Н. А. Индивидуальные особенности мышления // Молодой ученый. – 2018. – № 11(197). – С. 187-190. – URL: <https://moluch.ru/archive/197/48849/> (дата обращения: 25.01.2019).
9. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия / С.Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 864 с.
10. Квасюк Т.Я. Активизация феномена понимания: монография / Т.Я. Квасюк. – М.: ООО "НИПКЦ Восход-А", 2010. – 227 с.
11. Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ / В.Е. Ключко // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14 «Психология». – 2008. – № 2. – С.87–101.
12. Stegmuller W. The Socalled Circle of Understanding //W. Stegmuller. Collected Papers on Epistemology, Philosophy of Science and History of Philosophy. – Dordrecht: Reidel, 1977. – Vol. 3. – P. 260–284.
13. Знаков В.В. Психология понимания мира человека: монография / В.В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – 488 с.
14. Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста: монография / Н.И. Колодина. – Тамбов: Изд-во Тамб.гос.тех. ун-та, 2001. – 184 с.

Поступила в редакцию 30.01.2019 г.

SUBJECTIFICATION OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO TYPOLOGY OF A PERSONALITY

Yu. M. Lustin

In the article the new discourse of the problem of understanding the personality is actualized in the context of typological knowledge of the subject of sociality. The typological status of a comparative form of human thinking is analyzed, its social and cultural significance in mental activity is substantiated. As a result, an introduction to the scientific use of the concept of “typological thinking of the individual” is proposed.

Key words: personality, personality typology, subject, understanding, typological thinking, sociality.

Лустин Юрий Михайлович

Старший преподаватель кафедры философии,
ГО ВПО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-
Барановского»
E-mail: lustin56@mail.ru

Lustin Yurii Mikhailovich

Senior lecturer of the Chair of Philosophy,
SE HPE “Donetsk National University of
Economics and Trade named after Mikhail Tugan-
Baranovsky”
E-mail: lustin56@mail.ru

УДК 111.85.7.01

ВЕКТОРАЛЬНО-МЕНТАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

© 2019. О.М. Мазаненко

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье подчеркивается мысль о дифференцировании творческого сознания как особой формы сознания и предлагается изучение творческого сознания в контексте психолого-эстетического анализа. Представлен системный взгляд на механизмы работы творческого сознания, связанные с такими предикатами, как тело, время и пространство, которые объединены в группу векторально-ментальных в связи с тем, что они наилучшим образом демонстрируют то, в каких глобальных плоскостях разворачивается творческое сознание в самом широком смысле.

Ключевые слова: творческое сознание, механизмы творческого сознания, эстетический феномен, время, пространство, тело.

Идеальные феномены сознания, представленные умственными и чувственными образами, для каждого конкретного человека уникальны, содержательно неповторимы. В этом случае философы говорят об индивидуальном сознании. Оно более узко и менее масштабно, чем сознание общественное, которое аккумулирует в себе идеи, взгляды, чувства, ценности конкретного общества и отражает все многообразие его бытия. Общественное сознание может проявляться в таких формах, как моральное, политическое, правовое, эстетическое, религиозное, научное, художественное, экономическое, экологическое и т.д.

При глубоком теоретическом анализе природы и сущности сознания нам не удалось обнаружить такую форму сознания, как творческое сознание. При этом сам термин «творческое сознание» философы используют в своих работах довольно часто, а интересы ученых и практиков сосредоточены на выяснении отличий между человеком творческим и нетворческим, изучением особенностей творческого мышления, воображения, качеств и свойств творческой личности. Особенно значимым вопрос дифференцирования творческого сознания как особой формы, выступает в контексте художественно-эстетической деятельности.

Смысл художественно-эстетического творчества многие авторы видят в переживании свободы творческой инициативы, которая прослеживается в выборе темы, жанра, формы выражения художественного произведения, темпа и динамики творческого процесса и т.д. И здесь огромное значение приобретают эстетические закономерности, вне зависимости от степени их осознанности самим творцом. Если бы творчество не подчинялось законам и нормам эстетики, которую мы не склонны рассматривать как строгую нормативную науку, то вполне вероятно, что для художника свобода бы скатилась на уровень вседозволенности, а искусство стало бы «всеядным».

В связи с обозначенными тезисами, в данной работе мы будем рассматривать творческое сознание в контексте психолого-эстетического анализа. В анализе заявленной проблематики мы будем руководствоваться следующими теоретико-методологическими положениями.

1. Творчество связано с выходом за грань, пределы, данность. Художественно-эстетическое творчество, являясь врожденной универсальной частью сознания,

переходя к массовости и теряя черты элитарности, приобретает очертания адаптации к сложному миру.

2. Творчество – это обязательно преобразование, оно стремится к объективации. Творчество наблюдаемо как процесс, а также в связи с его проявленностью в конечном результате в виде продукта, который отличается новизной и ценностью (субъективной и (или) объективной).

3. Способности к художественному творчеству могут быть свернуты, заблокированы.

4. Среди разнообразных детерминант творческого сознания художника ключевое значение имеют эстетические ценности и смыслы.

В связи с последними двумя пунктами мы можем предположить, что не творчество связано с разрывом архетипичных связей с эстетическими основами бытия, с потерей чувственности, сензитивности, уходом в прагматизм, коммерциализацию, смещением значимости с позиций внутреннего счастья «быть» к позициям внешней успешности «казаться». Лишение творчества эстетического содержания превращает его в функцию, ремесло, коммерческий проект.

В контексте обозначенных нами положений, ключевой задачей нашего исследования является понимание механизмов работы творческого сознания с точки зрения эстетических позиций. Предпринятый нами междисциплинарный анализ категорий сознания и творчества позволил выделить различные уровни референций творческого сознания: материальный уровень (биологический, физиологический), психический, социальный, духовный (ментальный, идеальный), которые на каждом уровне отличаются своей спецификой.

Рассуждения о механизмах сознания в философских студиях разворачиваются, прежде всего в координатах «сознание – тело», «сознание – время», «сознание – пространство» [5, с. 32].

Прежде всего, обратимся к извечному дуалистичному конструкту идеальное – материальное и рассмотрим соотношение сознание – телесность. Особый интерес к данной проблематике разворачивается в психоаналитической и экзистенциальной философии. Исследование феномена телесности человека находим в работах Сартра, Г. Марселя, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, российских философов В. Подороги, О. Аронсон, А. Парамонова, Е. Петровской, В. Розанова.

В середине XX века в философской науке оформилась оригинальная антропологическая модель телесности *Corpus*. Согласно этой модели, тело есть субъект активного феноменального открытия мира и проводник бытия в мир. Тело выступает мерилем дорационального проявления человеческого, оно – «ближайшая собственность» человека.

Однако модель *Corpus* не является материалистической, хотя и представляется таковой на первый взгляд, так как тело не выступает ни в качестве объекта восприятия, ни в качестве субъекта мышления. Тело, скорее то пространство, которое очерчивает границы и дает место чему-либо стать событием, произойти. Сопричастность тела и мира выступает неким механизмом сознания, предоставляя ему возможность разворачиваться во времени и пространстве, а также наполняя его смыслами. Мир случается и осознается внутри тела и посредством тела. В модели *Corpus* тело есть орган сопричастности сознания бытию [8, с. 17-36].

Творчество как эстетический феномен в плане телесности наиболее ярко описан как союзное бытийствование тела и души и представлен в концепции дендизма в трудах Бодлера, Вайнштейн, Ницше, Уайльда, Шиффера. Творчество над своим внешним

обликом понимается не менее важным, чем совершенствование интеллектуально-духовного внутреннего мира. В противовес учению Платона, где тело и душа противопоставлены друг другу, в эстетическом дендистском мышлении они взаимодополняют друг друга в стремлении преодолеть повседневность через подчеркивание индивидуалистического начала. В центре дендизма – личность эстета, который не растворяется в серой массе, обладает эстетическим вкусом, ценит красоту и очень восприимчив к диссонансам. Высказывание Уайльда очень красочно характеризует эстета: «Все мы барахтаемся в грязи, но иные из нас смотрят на звезды» [2, с. 37-44].

Перед нами возникает один из самых сильных архетипичных образов «Эстет». Ценностями этого архетипа являются привлекательность, страстность, чувственность. В своем творчестве эстет склонен к проявлению бурных эмоций. Он ценит творчество как прекрасное, через творчество он организует коммуникацию.

Индивидуалистическое творческое сознание как эстетический феномен проявляется, прежде всего, в уникальности, оригинальности, созидательной активности. В книге Д. С. Шиффера «Философия дендизма. Эстетика души и тела» индивидуалистическое начало противопоставляется эгоистическому сознанию, которое разрушительно как для его носителя, так и для окружающих [11, с. 12-39].

На наш взгляд, эгоистическое сознание отличается от индивидуалистического тем, что оно не предполагает устремленности к Красоте как к единственной Истине жизни. Это нарушает законы творчества, лишая его смысла, что в конечном итоге приводит к блокировке, остановке творчества как сущностной способности человека, делает неизбежным присутствие в жизни обыденности, серости, тривиальности.

Рассуждая о смыслах и телесности, Морис Мерло-Понти утверждает, что понять загадочную природу человеческого тела возможно через анализ речи, которую он расценивает как жест тела. Речь и язык несут в себе экзистенциальные смыслы как заданные позиции в мире, точно так, как тело может занимать определенную позицию в пространстве. Отсюда, тело и смысл целостны. Тело наделено способностью схватывать и передавать смысл, что выводит человека на принципиально иной уровень сознания, новые формы поведения, понимания других людей и себя [6, с. 216].

Мы обратились к моделям сознания, в которых оно приравнивается к телесности, само же тело обеспечивает рождение смыслов для человека не только здесь и сейчас, но и в его прошлых событиях, а также тех, которые еще не случились.

Здесь вступает в диалог следующая важнейшая координата – «сознание-время». Размышления над тем, каким образом время трансформируется в ось сознания, находим в зарубежных концепциях А. Бергсона, Э. Гуссерля, Ж. Делёза, Э. Левинаса, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, а также в работах отечественных философов А. Гига, С. Ковалева, М. Мамардашвили, В. Молчанова, В. Розина, В. Руднева и др.

Аврелий Августин называл время чисто человеческим способом бытия. Спиноза утверждал, что время не состояние вещей, а модус мышления, который позволяет сравнивать длительность вещей. И. Кант время трактовал как основу самосознания, а также логических операций и категориальных синтезов.

Э. Гуссерль считал время сущностью сознания. В своем труде «Феноменология внутреннего сознания времени» он характеризует модусы времени, составляющие ткань сознания [1, с. 48]. А именно:

1. Модус представления настоящего в виде ощущений, которые обуславливают первичную память, удерживающую прошлое в настоящем (ретенция) и проецирование ощущаемого на будущее (протенция);

2. Модус воспоминания, полагающего воспроизведения и ожидания;
3. Модус фантазийного воспроизведения.

А. Бергсон вводит понятие длительности, считая его сущностью сознания. Длительность изначальна, она организована так же, как и сознание, т.е. в каждом элементе заключает все остальные, а каждый находится во всех. Сознание можно сравнить с временным модусом настоящего момента. Развития этого тезиса находим в работах Э. Левинаса. Настоящее – это возвращение присутствия к самому себе. Сознание можно трактовать как соотнесенность Я с самим собой в настоящем, но наблюдаемая с позиции в измерении времени [3, с. 52].

Наиболее разработано представление о сознании как о времени в экзистенциальной философии М. Хайдеггера. Он понимает время как основу бытия сознания, как присутствие, здесь-бытие, постоянное теперь, *Dasein*. В научном труде «Бытие и время» он указывает на темпоральность как сущностную характеристику человека, которая заключается в том, что человек не бывает погруженным во время, время – это и есть его внутренняя природа. *Dasein* и мир взаимопроникающи, синтетически сращены. *Dasein* – это бытие в мире, открытость миру, сонастроенность к миру, которые проявляются во временных модусах. Время делает сознание целым, обеспечивает способность к пониманию. *Dasein* по своей сути непредметно, оно есть непрерывное самоотношение, потенциальность или экзистенция [10, с. 118].

В теории сознания Жана Поля Сартра также представлена оригинальная концепция дихотомичности «сознание – время». Философ проводит мысль о том, что сознание всегда противопоставлено своему прошлому и будущему как находящееся перед собой и существует в способе небытия. Сознание есть ничто в своей сути, небытие и источник небытия, а потому во времени оно отрывается от данного, стремясь к автономному проектированию несуществующего. В этом заключается тяготение сознания к ничтожению, в основе которого свобода и временность [9, с.15-23].

Творческое сознание как эстетический феномен во временных координатах отсылает творца не к существованию вещи, явления, а к их сущности, к возможности/невозможности быть иными. В творческом сознании темпоральность связана с событиями, которые раскрываются в эстетической наполненности измерений вечного, приходящего, прошлого, настоящего, будущего, ветхого, старого, молодого, юного, зрелого и мимолетного. Примечательно, что характеристика художественного творчества как процесса и как личностного проявления не редко дается как раз в названных измерениях: зрелое/незрелое творчество/автор, новое/устоявшееся направление/традиция, мимолетные/извечные ценности и др.

Здесь мы для себя намечаем перспективу изучения творческого сознания в соответствии с онтогенетическими принципами развития. Онтогенез творческой личности дает огромные возможности для понимания становления ценностей, способов самореализации, мироощущения как эстетических темпоральных феноменов, а также особенностей творческого сознания в различных возрастных этосах.

Формы и результаты творческого сознания имеют не только временные модусы, но и пространственные. Такие феномены, как мышление, воображение, восприятие вне пространства рассмотреть вообще сложно, так как они разворачиваются на конкретном поле, картине, площадке. Символы, знаки, мысли, аффекты предполагают обличение в пространственные формы на просторах семантического пространства, внутри которого происходят сдвиги, изменение угла зрения, наложения, достижение границ между вербальным и невербальным формами [4, с. 68].

Пространственные модусы позволяют приближать и отдалять события и явления в нашем сознании.

Курт Левин, один из ярких представителей гештальтпсихологии, автор «Теории поля» предложил рассматривать окружающие предметы как психологическое поле, в котором каждый предмет имеет свою валентность – энергетический заряд, вызывающий определенную степень напряжения.

Российский феноменолог В.И. Молчанов предложил оригинальную теорию пространственной природы сознания. В сознание встраиваются пространственные знания, получаемые через опыт. Первым опытом является опыт границ, который формируется путем сопоставлений границы и простора, переднего плана и фона. Огромное значение для формирования сознания имеет опыт различения границ между предметностью, а также воспринимаемым и жизненным мирами. Важны также различения границ внутреннего и внешнего, а также границ между внешним воздействием и внутренним пространством опытом.

Опыт различения границ может быть только пространственным, а потому сознание по своей сути есть опосредованное интериоризированное пространство.

В.И. Молчанов анализирует единицы пространственного опыта (верх-низ, право-лево, близко-далеко, граница-простор), на основании чего утверждает, что пространство самодостаточно, а время зависимо [7, с. 28-42].

Для нас представляет интерес установления таких пространственных границ в художественно-эстетической деятельности между творческим и не творческим сознанием. В этом смысле мы видим перспективу феноменологического анализа различий между интенциональными позициями тех людей, которые заняты творческой деятельностью и тех, кто является реципиентом, выступает как потребитель творческих продуктов.

В таком ракурсе, наиболее информативными для понимания творческого сознания, на наш взгляд, становятся такие единицы пространственной локализации сознания, как широта и глубина (взглядов, мысли, художественных приемов, чувств).

Это еще одна перспектива дальнейшего исследования проблематики творческого сознания как эстетического феномена.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что механизмы работы творческого сознания, связанные с такими предикатами, как тело, время и пространство можно условно назвать векторально-ментальными в связи с тем, что они наилучшим образом демонстрируют то, в каких глобальных плоскостях разворачивается творческое сознание в самом широком смысле. Благодаря векторально-ментальным механизмам создается впечатление об организации работы творческого сознания как бы в трехмерном мире.

Вместе с намеченными перспективами изучения творческого сознания как эстетического феномена, целостное представление о его функционировании, на наш взгляд может быть представлено дополнением векторально-ментальных механизмов функциональными, дискурсивными и нейрофизиологическими группами механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том 1. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль; сост., вступ. статья, пер. В.И. Молчанова. – М.: РИГ Логос; Изд-во Гнозис, 1994. – 192 с.
2. Дорожевец А.Н. Исследование образа физического Я: некоторые результаты и размышления / А.Н. Дорожевец, Е.Т. Соколова // Телесность человека. Междисциплинарные исследования. – М., 1991. – С. 67-70.

3. Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас; пер. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина, Н.Б. Маньковской, А.В. Ямпольской. – М.; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 416 с.
4. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути / М.К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Русск. Христианск. гуманит. ин-т., 1997. – 426 с.
5. Мёдова А.А. Сознание в модусе времени / А.А. Мёдова. – Москва : ООО «НБ-Медиа», 2014. – 220 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр.; под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – Санкт-Петербург : Ювента, Наука, 1999. – 606 с.
7. Молчанов В. И. О пространстве и времени внутреннего опыта / В.И. Молчанов // Сущность и слово: сб. научных статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой. – М.: Феноменология и герменевтика, 2009. – С.437-456.
8. Нанси Ж.-Л. *Согрус* / Ж.-Л. Нанси. – М.: Ad Marginem, 1999. – 255 с.
9. Сартр Жан Поль. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр; пер. с фр., предисловие, примечания В.И. Колядко – М.: ТЕРРА- Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
11. Шиффер Д.С. Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер) / Д.С. Шиффер – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2011. – 296с.

Поступила в редакцию 14.01.2019 г.

VICTORINO-MENTAL MECHANISMS CREATIVE CONSCIOUSNESS AS AESTHETIC PHENOMENON

О.М. Mazanenko

The article emphasizes the idea of differentiation of creative consciousness as a special form of consciousness and proposes the study of creative consciousness in the context of psychological and aesthetic analysis. The article presents a systematic view of the mechanisms of creative consciousness associated with such predicates as body, time and space, which are combined into a group of vector-mental due to the fact that they best demonstrate in what global planes unfolds creative consciousness in the broadest sense.

Key words: creative consciousness, mechanisms of creative consciousness, aesthetic phenomenon, time, space, body.

Мазаненко Оксана Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры рекламы и PR-технологий
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия
культуры и искусств им. М. Матусовского»
E-mail: oksanamazanenko@gmail.com

Mazanenko Oksana Mikhailovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
of the Department of Advertising and PR-Technologies
SEEC “Lugansk State Academy of Culture and Arts.
M.Matusovsky”
E-mail: oksanamazanenko@gmail.com

УДК 101.1+316.3+94.3

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ АНТИЧНОСТИ

© 2019. Р.А. Пидлубный

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Эволюция философских идей о здоровье человека рассмотрена начиная с эпохи Древнего Египта. Затрагивает также период Древней Месопотамии, Древней Индии и Древнего Китая, классической Античности – Древней Греции и Древнего Рима. Исследованы аксиологические, культурологические, социальные взгляды различных философов, касающиеся феномена здоровья.

Ключевые слова: здоровье, человек, мифология, философия, наука, аксиология, духовность, нравственность, болезнь, образ жизни, Античность.

Актуальность темы исследования обусловлена потребностью в разработке принципов и механизмов системности в обеспечении здоровья человека, в разработке философско-методологических оснований формирования концепции здоровья как планетарной, социумной и личностной задачи современности. А это, в свою очередь невозможно без рассмотрения эволюции социально-философских взглядов в исторической перспективе. Здоровье – одна из наиболее значимых философских, социальных и духовных категорий. Её значение, как так же, как и отношение к самому феномену здоровья, менялось на протяжении всей истории человечества.

Целью данной статьи является исследование основных этапов эволюции философских представлений о здоровье как о важнейшей общественной ценности.

Теоретическими источниками для написания данной работы выступили труды как древних, так и современных авторов. Среди последних следует особо подчеркнуть значение работы С.А. Нижникова [1]. В статье также были использованы труды, представляющие философию греко-римской античности (древнегреческой [14; 15] и древнеримской [16; 17]), а также древнеиндийской [6; 7; 8; 9; 10] и древнекитайской [12; 13] философских традиций. Там, где это было невозможно – в силу отсутствия работ по философии Древнего Египта и Месопотамии, использовались работы по предфилософии [3], истории [5] и истории культуры [2]. Таким образом, анализ теоретических источников позволяет говорить о том, что проблема здоровья как общественной ценности, в исторической перспективе, является достаточно актуальной и различные ее аспекты были рассмотрены многими авторами. В то же время аксиология здоровья является настолько неисчерпаемой и многоаспектной проблемой, что заставляет вновь и вновь обращаться к ее теоретическому осмыслению на новом философско-мировоззренческом уровне, что, конечно, невозможно, без опоры на уже имеющийся опыт в данной сфере.

В эпоху Древнего мира (ок. 2000 г до н.э.) размышления о здоровье, о нормах и патологиях, можно уже выделить из корпуса мифов в отдельное направление. Но здесь справедливее говорить о предфилософских идеях – потому как философии в ее классическом виде – с течениями, школами и ведущими философами просто не существовало. Однако можно выделить следующие концепции: реалистические (стихийно-материалистические), онтологические, анемические и божественные (демонические). В реалистических концепциях причинами заболеваний названы природные факторы. Онтологические представления считали болезнь внешним и

враждебным человеку конкретным материальным живым существом, которое внедряясь в тело человека извне, вызывает болезненное состояние. В анимизме заболевания считались следствием вселявшихся в тело больного духов, и связанных с этим вселением способах исцеления. Идея божественного (демонического) происхождения болезней рассматривала их как следствие гнева богов, результат злых духов. Следовательно, излечение от болезней зависело лишь от сверхъестественных сил; как следствие – в русле этой концепции развивались «магические» способы исцеления при помощи заклинаний, амулетов и т.д.

Для философских идей периода Античности характерны следующие черты:

«История всех философий древности свидетельствует о том, что мифологические воззрения родового общества оказывали влияние на процесс становления основ научных знаний. Философия зарождалась в недрах мифологических представлений, использовала их материал» [12, с 8].

«В истории философии ярко раскрывается процесс освоения человеком природы, его попытки осмыслить свое место и роль в мироздании... Одновременно история становления и развития философии, будь то китайская, или индийская, или греческая, неразрывно связана с классовой борьбой в обществе, отражает эту борьбу...» [12, с. 13].

Самые первые письменные источники, относящиеся к цивилизациям Древнего Египта (самоназвание Та-кемет) и Шумера, рассматривали феномен здоровья в неразрывной связи с социумом. Древнеегипетская «Книга Мертвых» (Папирус Ану) [2, с. 7] была одним из центральных источников для философских размышлений о жизни и смерти, о возможностях потусторонней жизни и т.п. Также источниками для рассмотрения социально-философских идей о здоровье служит ряд т.н. «медицинских папирусов» – папирус Смита [3, с. 98], папирус Эберса, Лейденский папирус и т.д.

Во многом древнеегипетские взгляды на здоровье были сочетанием современной медицинской модели здоровья [4, с. 5] и «магической» концепции здоровья – когда для того чтобы вылечить человека проводятся определенные магические обряды. Также в русле «магической» концепции очень хорошо были развиты взгляды о духовно-физическом строении человека. Отдельно рассматривалось наличие физического тела – хат и нескольких духовных тел – ка, ба, ах, иб, сехем, шуйт [2, с 51]. Следует также отметить, что наличие или отсутствие здоровья связывалось у древних египтян с покровительством того или иного бога, и в сущности являлось отражением социальных взаимоотношений между верующими и их богами-покровителями [3, с 102]. Здоровье являлось у древних египтян одной из основных жизненных ценностей наряду с богатством, собственностью и успехом [3, с. 102].

В Древнем Месопотамии вся вселенная рассматривалась в виде государства [3, с. 187]. Соответственно наличие-отсутствия здоровья и заболевания определялось умением человека находится в рамках социальных отношений – подчинения-соподчинения. Высшей добродетелью считалось послушание, а вершиной пирамиды послушания являлись боги (дингир). Путь послушания – это путь к земному успеху, к высочайшим ценностям месопотамской жизни: к здоровью и долголетию, к почетному положению в общине, к богатству и обилию сыновей.

Индивидуум смотрел на великих богов как на отдаленные силы, к которым он мог взывать лишь во время каких-либо великих кризисов, тесные взаимоотношения были только с одним божеством — со своим личным богом [5, с. 287], который выступает как персонификация успеха и удачи. Успех интерпретируется как сила, вливающаяся извне в деяния человека и делающая их результативными. В основе

достигнутых успехов лежат не способности человека, так как он не имеет силы повлиять на ход событий во вселенной в сколько-нибудь заметной степени. Это может сделать только бог, поэтому, если все выходит так, как человек надеялся, или даже лучше, то, несомненно, им и его делами заинтересовался кто-то из богов, который и принес ему успех [3, с. 189].

По шумерским понятиям больной человек являлся грешником. Предполагалось, что он совершил нечто, приравняемое обществом к греху. В таком случае бог покидал провинившегося, а злые демоны завладевали его телом. Следствием совершения греха являлись болезни. Одной из главных причин их появления шумеры считали инфекцию. Больной человек, зараженный злыми духами, должен быть неприкасаемым, чтобы от него не заразились другие. Нарушение изоляции рассматривалось как передача инфекции. В сущности, шумеры указывали на духовную природу заражения, но подчеркивали ее гигиенические корни.

Источники по индийской философии [6–9] говорят о том, что философские традиции сложились в Древней Индии примерно в конце II – начале I тыс. до н. э. Хотя этот вопрос остаётся на сегодняшний момент открытым. Для древнеиндийского мировоззрения характерно богатое развитие форм предфилософии. Из которых постепенно формируются 6 классических школ-даршан. Зарождается предфилософия в древнейшем памятнике индийской литературы – Ведах. В них выражено древнее религиозное мировоззрение, с которым сочетались философские представления о мире, человеке, нравственности и т.д.

Все школы и системы древнеиндийской философии принято разделять на две группы – астика (признающие авторитет Вед) и настика (не признающие авторитета Вед). К первым относятся 6 классических даршан-школ, традиционно выделяемых попарно – утгара-миманса, ньяя-вайшешика, санкхья-йога. К последним относятся три основные школы: чарвака, буддизм и джайнизм. Следует отметить, что все системы имели ряд общих черт, характерных для всей древнеиндийской философии:

1. Все системам присуще стремление понять истинную природу Вселенной и смысл человеческой жизни;

2. Для всех систем характерна вера в «вечный нравственный миропорядок» (дхарма), который распространяется на богов, небесные тела и на самого человека. Идея этого закона нашла отражение в общей концепции причинно-следственной связи (кармы): то есть все поступки индивида, хорошие или плохие, вызывают соответствующие последствия в его жизни. Карма – это и закон возмездия, и рок, и судьба, строго predetermined закон причины-следствия. Закон кармы управляет не только жизнью существ, но и устройством физического мира;

3. Во всех системах причиной страданий считается незнание реальности, поэтому, необходимо познание реальной природы мира и самого себя.

4. Интересы каждой из даршан концентрировались вокруг какой-либо из предметных областей, однако это не привело к дроблению индийской философской мысли, а наоборот – все системы взаимодополняли друг друга.

5. Каждая религиозно-философская школа – это не только система мысли, но и система правильной жизни, проверенной на практике...Спектр вопросов, относящихся к ведению той или иной школы, подчас довольно широк, и это следует учитывать при сопоставлении индийских даршан со школами европейской философии...вполне уместно говорить о синтетичности индийской философии [10, с. 11].

Исходя из «специализации» в русле нашей дискуссии наиболее интересны следующие философские направления:

• Буддизм (в данном случае как философская система) - вырос из учения Гаутамы Будды и известен под названием «Восьмеричный благородный путь» (арья-аштанга-марга), провозглашает «четыре благородных истины» (чатовари арьясатьяни): жизнь есть страдание (дукха); страдание причинно обусловлено (дукха самудая); страдание можно прекратить (дукха ниродха); есть путь, ведущий к прекращению страдания (дукха ниродха гамини патипада марга). Он состоит из восьми ступеней и завершается достижением нирваны. Философия буддизма прямо рассматривает болезнь – как одну из причин страдания (один из 4 главных потоков страдания). Более того - термин «дуккха» в буддизме понимается как совокупность «болезненных пристрастий» и доставляемых ими неприятных чувств в течение жизни человека [10, с. 26]. Страдание, которое испытывают живые существа, обусловлены кармой и теми действиями, которые они совершали в прошлом. Если живое существо следует восьмеричному благородному пути – т.е. обладает правильным воззрением, правильным намерением, правильной речью, правильным поведением, правильным образом жизни – то страдания прекращаются. Происходит освобождение от страданий. А это и есть главная цель буддизма.

• Санкхья-Йога («санкхья» – число, «йога» – единение), дуалистическая система, при этом йога как философия выделяется из санкхьи. В сущности, йога – это теистическая санкхья. [10, с. 39] Пользуясь ее философской системой, делает упор на практическую составляющую. Согласно философии санкхьи, вселенной присуще два начала – материальное (Пракрити) и духовное (Пуруша). Йога добавляет к этим двум третье – теистическое начало – Ишвару (личное божество – идеальный объект для подражания). Целью санкхьяйиков и йогоинов, также является освобождение (мокша) – Пуруши от объятий Пракрити. Поскольку одной из основных систем йоги является Восьмеричная йога (Аштанга йога) – дальше мы будем рассматривать именно эту систему. Первой ступенью Аштанга йоги – является Яма – система морально-практических взаимоотношений в обществе. Одним из частей Ямы является Ахимса – непричинение вреда (в том числе и себе самому, нарушение своего здоровья) и Астея – неприсвоение чужого. Астея запрещает добиваться цели путём перенапряжения, украв у себя здоровье: ведь здоровье – это способность достигать своих целей. Одной из первых задач йоги является излечение от болезней, так, как только здоровое тело не будет отвлекать человека от мокши.

Теперь перейдем к краткому рассмотрению общей теории и практики здоровья Древней Индии. Аюрведа – «знание жизни», с современной точки зрения, является междисциплинарным подходом, сочетающим в себе философию, медицину, биологию и т.д. Главная идея Аюрведы состоит в том, что здоровье считается результатом равновесия трех начал организма (дош): воздушного (вата) – слизи (пита) – желчи (капха). В свою очередь доши являются производным сочетания махабхут (5 состояний в которых существует пракрити) Философской основой Аюрведы также является философия санкхьи, хотя традиционно считается, что в ее основе лежат все шесть даршан.

Наиболее важные письменные источники Аюрведы – это Чарака-самхита (автор – Чарака), Сушрута-самхита (автор – Сушрута) и Аштанга-хридая-самхита (автор – Вагбхата). Последний можно назвать конспектом Аюрведы, одинаково необходимым как студентам, так и ученым и врачам. Все вместе они являются квинтэссенцией всех когда-либо созданных аюрведических трудов и именуется «Брихат-трайю».

Аюрведа ориентирована на достижение каждым человеком гармонии, «непрерывного счастья» и рассматривает человека как часть Вселенной, состоящего с

ней в теснейшей мистической взаимосвязи. Согласно «Чарака Самхита» [11], «сама жизнь» определена как «комбинация тела, органов восприятия, ума и души, фактора, ответственного за предотвращение распада и смерти, который сохраняет тело в течение долгого времени, и ведёт процессы возрождения» [11].

Аюрведа касается всех сторон жизни, соотносимых со здоровьем: диета, режим дня, работа, взаимоотношения с окружающими и то, как привести в порядок свою жизнь, чтобы иметь возможность сконцентрироваться на развитии духовного компонента существования. В Аюрведе телесная конституция человека (которая включает как тело, так и сознание) обычно определяется по трем «гунам» – качествам материи, в данном случае телесной: Сатва, Раджас и Тамас. Гуны составляют основу Праkritи и являются причиной разнообразия мира (в зависимости от того, какая из них преобладает в конкретной вещи). Они являются тремя универсальными принципами для классификации любых отношений, в том числе социальных. Гуны определяют образ жизни, мышление и деятельность души, которую они обуславливают. Сатвичный тип человека имеет гармоничную природу и легко приспосабливается. Он стремится к равновесию и спокойствию ума, тем самым лишая болезнь психических корней.

В Древнем Китае организм уподобляли миру в миниатюре, а все процессы в нем – взаимоотношению пяти первоэлементов: огня, земли, воды, дерева и металла. В организме, как и во внешнем мире, предполагалась борьба двух полярных сил: Инь (женское) и Янь (мужское), здоровье и болезнь определялись их соотношением. Возникла чжень-цзю терапия – иглоукалывание и прижигание активных точек, которые облегчают передвижение особой жизненной энергии в организме и тем самым устраняют причину заболевания [13].

Главным содержанием даосской философии является учение об универсальности «пути Дао» как закономерности спонтанного развития космоса, человека и общества, идея единства микро- и макрокосмоса и аналогичности процессов, происходящих в космосе, человеческом организме и в социуме [12, с. 6]. В рамках даосского учения постулируются два основных принципа поведения: естественности, простоты, близости к природе («цзы-жань») и «недеяния» («у-вэй»), означающего отказ от целенаправленной деятельности, не согласующейся с естественным миропорядком). Недеяние есть следование «сокровенному пути» дао, а не собственному эгоизму. К принципам осуществления дао можно отнести еще следующие: ненасилия, бесстрастия, безмолвия, спонтанности, постоянства и др. На основе этих принципов развивалась и даосская практика: психофизические упражнения, медитативная техника, дыхательные упражнения и т.д. [12, с. 24].

В итоге можно отметить, что китайское мировоззрение никогда не разделяло дух и материю, никогда не мыслило бессмертие в чисто духовном аспекте, но рассматривало его как бессмертие тела, а не просто души.

Таким образом, восточная философия основана на понимании человека как целого, неразрывно связанного с непосредственным окружением, природой, космосом и ориентирована на поддержание здоровья, выявление огромных возможностей человека противостоять недугам. В восточной философии четко прослеживается неразрывная связь между духовным и физическим состоянием человека. Здоровье здесь рассматривается как «необходимая ступень совершенства» и «высшая ценность». Положения восточной медицины базируются на отношении к человеку как личности. Оно выражается в формах ведения диалога между врачом и пациентом в тех ракурсах, в каких он видит самого себя, потому что никто, кроме самого человека не может изменить его образ жизни, привычки, отношение к жизни и болезни. Такой подход

основан на том, что многие болезни имеют функциональную природу и их симптомы являются сигналами серьезных эмоциональных и социальных проблем. Но в любом случае человек выступает активным участником сохранения и приобретения здоровья. Поэтому в основаниях восточной медицины особенно подчеркивается, что проблему здоровья нельзя решить только совершенными техническими средствами диагностики и лечения. К ней следует подходить с учетом индивидуального отношения к здоровью, включающего осознание себя и собственного образа жизни. Важнейший аспект философии медицины Древнего Востока состоит в том, что болезнь – следствие определенного уникального состояния тела, души и личности, часто – состояние настоящего статуса (семейного, профессионального, возрастного) человека.

Философы Древней Греции и Древнего Рима, размышляя о здоровье и болезнях человека, сформулировали большое количество жизненных правил и полезных истин, касающихся практик здорового образа жизни. И одним из определяющих принципов античного мировоззрения периода классической Античности является принцип калокагатии (от греч. *kalos* – прекрасный и *agathos* – добрый), основу которого составляет сплав совершенства телесного и духовно-нравственного, причем так, что последнее здесь немыслимо без первого.

К сожалению, рамки данной статьи, не позволили автору рассмотреть все многообразие философских идей классической Античности, поэтому ниже будут приведены ссылки на работы тех философов, взгляды которых автор счел наиболее значимыми в ключе рассматриваемого вопроса.

Согласно воззрениям Демокрита, каждый человек сможет прожить счастливую жизнь, если будет жить соответственно своей природе, соблюдая при помощи мудрости чувство меры, стремясь к справедливости и принимая на себя ответственность за свои поступки.

Демокрит: «Прекрасное постигается путем изучения и ценой больших усилий, дурное усваивается само собой, без труда... Цель жизни – хорошее расположение духа (эвтимия), при котором душа живет безмятежно и спокойно, не возмущаясь никаким страхом, ни боязнью демонов, не какой-нибудь страстью... В чем действительно нуждается наше тело, то для всех легко, без особого труда и усилий достижимо. Все же то, что требует труда и большого напряжения и добывание чего отравляет нашу жизнь, телу не нужно, но есть предмет стремления извращенной мысли...» [15, с. 106]. Демокрит ценил медицину и полагал, что врачебная наука есть сестра философии и они тесно взаимосвязаны. Ум и счастье человека зависит от здоровья, а болезнь помрачает душу и мешает счастливой жизни. С другой стороны, правильный образ жизни, как условие длительного здоровья, зависит от нравственных взглядов человека. Учение о правильном образе жизни (диететика) у Демокрита образует ту пограничную область философии и медицины, которой он одинаково касался как в своих медицинских, так и этических трактатах [15, с. 106].

Основная идея диететики Демокрита выражена им в следующих словах: «Здоровья просят у богов в своих молитвах люди, а того не знают, что они сами имеют в своем распоряжении средства к этому. Невоздержанностью своею противодействуя здоровью, они сами становятся предателями своего здоровья благодаря своим страстям» [15, с. 107]. Умеренная воздержанная жизнь основное требование его диететики.

Диоген Синопский вторит Демокриту: «...что люди при жертвоприношении молят богов о здоровье, а на пиру после жертвоприношения объедаются во вред здоровью... Диоген, воспитывая сыновей Ксениада, обучал их кроме всех прочих наук ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращей, метать дротики; а потом, в палестре,

он велел наставнику закалять их не так, как борцов, но лишь настолько, чтобы они отличались здоровьем и румянцем» [14, с. 223].

Пифагор «...запрещая животную пищу, он приучал и принаравливал людей к простой жизни, чтобы они пользовались тем, что нетрудно добыть, ели невареную снедь и пили простую воду, так, как только в этом — здоровье тела и ясность ума...» [14, с. 310].

Зенон, сын Мнасея (или Демея), из Кития (основатель Стои): «Добродетель есть согласованность predispositions [с природою]. В ней заключается счастье, ибо она устроит душу так, чтобы вся жизнь стала согласованной. Одни добродетели научны и умственны, потому что слагаются из умозрительных положений, как разумение и справедливость; другие же – не умственны, а только сосуществуют с умственными, состоя при них, как здоровье и сила. Неумственные добродетели называются так потому, что не требуют умственного признания и встречаются даже у дурных людей, – таковы здоровье и мужество» [14, с. 274]. Другие стоики называли здоровье – предпочтительным (имеющим ценность) телесным свойством и имеющим ценность как само по себе, так и ради других [14, с. 278] то есть здоровье имеет как индивидуальную, так и социальную природу. При этом, заботиться о здоровье – это, безусловно, надлежащий поступок [14, с. 278]. С другой стороны, здоровье – добродетель необходимая для счастья [14, с. 284].

Сократ вошел в историю как автор и создатель диалектического метода исследования истины, при котором изучаемый предмет рассматривается одновременно с двух сторон – положительной и отрицательной. Его философские воззрения отличались сосредоточенностью на исследованиях самого себя и практик самосовершенствования. Нравственный рационализм Сократа ярко проявился в его размышлениях о здоровье и здоровом образе жизни в виде взаимосвязи между действиями человека в последовательности: разумные, нравственные, полезные для здоровья.

Сократ: «Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всем пересиливает и удовольствия, и все прочее... Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего не может. Однажды Сократа спросили, чем он отличается от других людей. Сократ ответил: «Я ем для того, чтобы жить, а другие живут для того, чтобы есть» [14, с. 98–104].

Платон понимал тело живого существа как замкнутую систему микрокосмоса, состоящую из земли, огня, воды и воздуха, нарушение их взаимосвязи считал причиной болезни. Платон развил учение о пневме, божественной душе. Пневма проникает в тело человека, причем в мозгу сообщает ему способности мыслить и чувствовать, в сердце согревает и в течение жизни питает. Нарушение прохождения пневмы является источником многих болезней. Платон считал, что для соразмерности, красоты и здоровья требуется не только образование в области наук и искусства, но и занятие всю жизнь физическими упражнениями, гимнастикой.

Платон: «Конечная цель заключается в том, чтобы уподобиться богу. Добродетель довлеет себе для счастья. Правда, она нуждается в дополнительных средствах – и в телесных, каковы сила, здоровье, здравые чувства, и в сторонних, каковы богатство, знатность и слава. ... Благо бывает душевное, телесное и стороннее. Душевное благо – это, например, справедливость, разумение, мужество, здравомыслие и прочее подобное. Телесное благо – красота, хорошее сложение, здоровье, сил...» [14, с. 157, 158, 164] – то есть здоровье по Платону – есть телесное благо, которым можно обладать и одновременно средство для того чтобы уподобиться богу.

Аристотель болезнь и здоровье называл переходящими свойствами или состояниями организма, так как они легко поддаются колебаниям и быстро

изменяются. Аристотель писал о том, что следует различать, что способствует здоровью и что является признаком здоровья. Здоровье города зависит от его географического положения, защищенности от ветров, качественного водоснабжения.

Среди многочисленных философских школ Древней Греции и Рима можно выделить два основных подхода к проблеме здоровья человека – оптимистический и пессимистический. Первый связан с философами, которые утверждали, что как бы ни были сильны удары судьбы, человек все-таки может быть здоровым и счастливым, если будет пытаться жить в согласии с природой и использовать для этого здравое рассуждение. Каждый человек свободен в выборе того стиля и образа жизни, который ему больше по душе. Но при этом он должен согласовывать его с собственными внутренними ресурсами, которые складываются из состояния его здоровья, особенностей темперамента, полученного от наставников образования и воспитания, материального благосостояния. На этой точке зрения основывали свои рассуждения о здоровье известные врачи древности.

Опираясь на материализм Демокрита и диалектику Гераклита при анализе медицинских явлений, Гиппократ создал учение о влиянии окружающей среды и условий жизни на здоровье. Основными причинами заболеваний Гиппократ считал времена года, температуру воздуха, климат, свойства почвы, эпидемии. Индивидуальными причинами – образ жизни, диету, возраст человека, его наследственность и наклонности. Он смотрел на болезнь как на изменяющееся явление, выделив три стадии заболевания: сытость (начало), сварение (середина), извержение (конец) [16, с. 214–220].

Врач древности Гален, основываясь на учениях Платона о пневме, Аристотеля о целесообразности, считал, что здоровье – гармония и равновесие четырех соков, болезнь – беспорядок, вторгнувшийся в равновесие плотных частей, соков и сил. Гален развил учение о четырех элементах и четырех качествах: сухость – сырость, холод – тепло, соответствующих воздуху, воде, земле и огню, связанных с кровью, флегмой, черной и желтой желчью [17].

Развитие социально-философских идей о здоровье человека в период Античности претерпело громадную эволюцию – от «магической» идеи здоровья Древнего Египта и Месопотамии, в период которых здоровье хоть и считалось одной из наивысших жизненных ценностей, но зависело, в первую очередь, от личных взаимоотношений (покровительства) с тем или иным богом. В период Древней Индии и Китая – здоровье – это уже достаточно сложная категория, в которой физическое начало не рассматривается отдельно от психического – а наличие взглядов на данную проблематику варьируется всевозможным образом. От идей буддизма – где здоровым является тот, кто следует правильным мышлению и действиям, следует срединному пути, в том числе в русле социальных взаимоотношений. До идей Аюрведы – где здоровье – это гармония (в том числе в социуме, так как три начала – это универсальные категории) трех начал организма. В период Древней Греции и Рима понимание здоровья начинает варьироваться еще сильнее- от идей о том, что здоровье – это изначально присущее качество человека, и оно не зависит от его нравственного состояния. До идей о том, что его определяет образ жизни и этические взгляды людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нижников С.А. Пути обретения здоровья и мировоззрение / С.А. Нижников // Философия здоровья. – М.: РАН, 2001. – С. 5–24.
2. Египетская Книга мертвых. Папирус Ани Британского музея; [пер., введение и комментарии Э.А. Уоллеса Баджа / [Пер. с англ. С.В. Архиповой] – М.: Алетейя, 2003. – 416 с.

3. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж.А. Уилсон, Т.М. Якобсен. – М.: Наука, 1984. – 468 с.
4. Андриенко Е.В. Здоровье как глобальная ценность / Е.В. Андриенко Р.А. Пидлубный // Современные социальные процессы в контексте глобализации: Сборник материалов международной научной конференции (Краснодар, 15 мая 2019 года). – Краснодар: КубГУ, 2019. – С. 15–23.
5. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле / С. Крамер / [Пер. с англ. А. В. Милосердовой]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – 384 с.
6. Бонгард-Левин Г.М. Мудрецы и философы Древней Индии / Г.М. Бонгард-Левин, А.В. Герасимов. – М.: Наука, 1975. – 340 с.
7. Радхакришнан С. Индийская философия / С. Радхакришнан: В 2-х т.: Т. 1. – М.: Наука, 1993. – 724 с.
8. Шохин В.К. Школы индийской философии: Период формирования (IV в. до н.э. – II в. н.э.) / В.К. Шохин. – М.: Восточная литература, 2004. – 415 с.
9. Мюллер М. Шесть систем индийской философии / М. Мюллер / [Пер. с англ.] М.: Искусство, 1995. – 448 с.
10. Свет Дхармы: Антология традиционной индийской философии / [сост., вступ. ст., общ. ред. С.В. Пахомова]. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2013. – 576 с.
11. Аштанга Хридая Самхита и другие аюрведические каноны [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://ashtanga.narod.ru/index2.htm> (Дата последнего обращения – 20.03.2019 г.).
12. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах / Составление Ян Хин Шуна. – М.: Мысль, 1973. – 612 с.
13. Стулова Э.С. Даосская практика достижения бессмертия // Лу Куань Юй. Даосская йога, алхимия и бессмертие. – СПб.: Гнозис, 1993. – 352 с.
14. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский / [пер. с древнегр. М.Л. Гаспарова]. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 570 с.
15. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты / А.О. Маковельский – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1946. – 398 с.
16. Гиппократ. О здоровом образе жизни / Гиппократ // Сочинения в 3 кн., кн.1 – М.: МЕДГИЗ. – 604 с.
17. Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела / Клавдий Гален. – М.: Медицина, 1971. – 553 с.

Поступила в редакцию 21.03.2019 г.

HUMAN HEALTH: THE EVOLUTION OF PHILOSOPHICAL IDEAS OF ANTIQUITY

R.A. Pidlubniy

The evolution of philosophical ideas about human health has been considered since the era of Ancient Egypt. It also covers the period of Ancient Mesopotamia, Ancient India and Ancient China, classical Antiquity – Ancient Greece and Ancient Rome. Axiological, cultural, social views of various philosophers concerning the phenomenon of health are investigated.

Key words: health, person, mythology, philosophy, science, axiology, spirituality, morality, disease, lifestyle, Antiquity.

Пидлубный Роман Анатольевич

Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: hrabr@yandex.ru

Pidlubniy Roman Anatolievich

Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SCE HPE “Donetsk National University”
E-mail: hrabr@yandex.ru

УДК 165.191:291.13

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «МИФ»

© 2019. *Е.В. Рочняк*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье систематизирован материал, представляющий в истории философии динамику развития понимания мифа. Затрагивается вопрос постепенного формирования специфического философского и культурологического направления, культивирующего принцип мифосознания и мифотворчества, мифологически окрашенного восприятия реальности.

Ключевые слова: миф, мифология, мифосознание, мифомышление.

Начиная с древности и до наших дней, миф находится в центре внимания многих исследователей, в первую очередь, поэтов, писателей, музыкантов, философов, психологов, этнологов.

Одним из стереотипов является убеждение в том, что культура развивается от мифа к логосу, то есть от вымысла и условности к знанию и порядку. Сегодня характер понимания сущности мифа меняется: мифологические структуры применяются для постижения общих закономерностей бытия, для выявления первооснов человеческого существования, для выражения современного содержания жизни. Миф выступает преимущественно как моделирующая система культуры.

Современный американский социолог Ч.Р. Миллс, отмечая глобальные изменения в культуре XX века, обращает внимание на уникальность наступившей после Античности, Средних веков и Нового времени четвертой, информатизационной, эпохи, которая сопоставляет, оценивает и суммирует предшествующее в едином надисторическом, универсальном контексте. Возникает новый, более сложный тип культуры, первичными элементами которой выступают культурные традиции, мифологические структуры и знаки разных эпох.

Миф является ключевой составляющей культуры. В настоящее время мы имеем множество определений данного понятия и видений данной проблемы. По этому поводу английский этнолог, представитель антропологической школы в изучении мифа Б.К. Малиновский замечает: «Даже поверхностный обзор литературы свидетельствует, что у нас нет оснований жаловаться на однообразие взглядов или отсутствие полемики [8, с. 94]». Действительно, миф принадлежит к числу гиперинтерпретированных понятий. Он функционирует в самых разнообразных смысловых контекстах. Границы семантического поля размыты, определения часто противоречат друг другу: вымысел, полет фантазии и подлинная реальность, манифест бессознательного; ложное знание, преднамеренный обман и божественное откровение, сакральное знание; болезнь языка, мертвая история и убеждающее слово, похищенный язык, код тайны; коллективное творчество и врожденная установка; историческая память, фольклор, легенда, символ, аллегория и воля к будущему, орудие власти. Французский культуролог-структуралист Р. Барт пишет: «Значит, мифом может стать все что угодно? Я полагаю, что дело обстоит именно так, ведь суггестивная сила мира беспредельна. Любую вещь можно вывести из ее замкнутого, безгласного существования и превратить в слово, готовое для восприятия обществом, ибо нет такого закона, естественного или иного, который запрещал бы говорить о тех или иных вещах [1, с. 72-73]». Бесперспективность стремлений дать однозначную дефиницию, прояснить сущность и предназначение

мифа, с нашей точки зрения, порождается и тем, что из многомерного, исторически подвижного комплекса исследователи выбирают и гипостазируют лишь отдельные моменты, стороны и исторические формы. Содержание понятия ситуативно наполняется в зависимости от научной ориентации автора, цели и задач исследования.

Миф буквально означает рассказ, предание, сказание. Как правило, это предание, сказание о богах, обожествленных или связанных с богами своим происхождением героях, о первопредках, прямо или косвенно участвующих в создании мира. Такое, классическое, трактование мифа содержится во многих справочных изданиях. Например, «Философский словарь» [13] подает миф как возникающее на ранних этапах развития повествование, фантастические образы которого являют собой попытку обобщить и объяснить различные явления природы и общества. В «Философском энциклопедическом словаре» [14] миф – сказание, символическое выражение некоторых событий, имеющих место у определенных народов в определенное время, на заре их истории. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [9] миф определяется как древнее народное сказание о происхождении мира и легендарных героях. В «Словаре античной мифологии» [10] миф – это выдуманный рассказ, в котором природные явления и исторические события проявляются и изображаются в персонифицированной форме. «Литературный энциклопедический словарь» [6] определяет миф как продукт народной фантазии, как совокупность рассказов, отражающих действительность в виде конкретных чувственных одушевлений и персонификаций. В энциклопедическом справочнике «Современное зарубежное литературоведение» [11] под мифом понимается древнейшее сказание, неосознанно-художественное повествование о важных, часто загадочных для древнего человека природных и социальных явлениях, о происхождении мира, загадке рождения человека, подвигах богов, царей и героев.

Миф – не просто устное или письменное произведение. Это сообщение, коммуникативная система. Он содержит и передает информацию в условиях аллегоризма, символизма и схематизма. Он дуалистичен. Одновременно это и реальность, и вымысел. Думается, Р. Барт прав, определяя в качестве основной задачи мифа придание реальному историческому объекту иллюзии вечности. Миф соединяет человека с миром гармонии, красоты и вечности.

Очевидно, что миф не сводится только к слову, к истинной или ложной наррации. Французский философ, культуролог М. Элиаде отмечает: «Трудно найти такое определение мифа, которое было бы принято всеми учеными и в то же время доступно и неспециалистам. Впрочем, возможно ли вообще найти то универсальное определение, которое способно охватить все мифы и все функции мифов во всех архаических и традиционных обществах? Миф есть одна из чрезвычайно сложных реальностей культуры, и его можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах [15, с. 11]». Транслятором мифологической информации выступает не только устный или письменный текст, но и живопись, скульптура, архитектура, ландшафт, мода и даже кулинария. Миф вездесущ и тотален. Это форма человеческого бытия, которая претендует на абсолютное значение, поскольку предлагает человеку, обществу пример для подражания, обеспечивает целесообразность и значимость жизни.

Согласно А.Ф. Лосеву, отечественному философу и культурологу, миф – не религия, не наука, не искусство, не метафизическое построение, не реальное историческое событие. Это наиболее цельное и наиболее разностороннее определение открывающегося человеку мира. «Миф – необходимейшая, прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это –

подлинная и максимально конкретная реальность [7, с. 24]». Миф – это личностная история, выраженная в личностной форме, феноменальное самоутверждение личности.

Как известно, миф выступает духовной основой организации личной и общественной жизни архаичного человека, характеризующейся единством субъекта и объекта, рационального и иррационального, реального и воображаемого, профанного и божественного. Для архаичного человека миф служит не просто описанием, но объяснением мира. Он придает жизни осмысленность и полноценность. С его помощью человек пытается объяснить действительность посредством чувственных образов, ассоциаций, метафор, символов и аллегорий. Однако миф являет собой не просто доминирующий тип мышления первобытного человека, простейший уровень осознания природной и общественной жизни. Он выступает частью человеческого сознания. А.Ф. Лосев безоговорочно определяет мифологичность как изначально присущее человеческому сознанию качество и провозглашает идею мифизации человеческого знания. Он отмечает, что в основе любого учения, будь то идеализм, материализм, дуализм, философская система Р. Декарта, Г.В. Лейбница или И. Канта, лежит вера, следовательно, миф. Таким образом, миф – это определенный способ мышления, мироощущения и миропонимания.

Вопрос о существовании специфического мифологического сознания, мышления ставится на рубеже XIX–XX вв. Исследователи различают мифологическое сознание как специфическое иррациональное отражение мира и миф как объективацию мифологического сознания в вербальных (слово, текст) и знаковых (изображение, жест, танец, музыка, обряд) формах. Мифологическое сознание рассматривается как парадоксальное, никоим образом не примитивное, явление. Оно успешно справляется со сложными классификационными задачами. Исторически предшествуя другим формам общественного сознания, миф включается в структуру и ассимилируется каждой из них. Со временем мифология теряет позицию единственно верной картины мира, однако механизм, технология мифологического видения мира проявляется в той или иной мере во всех формах общественного сознания. Современный исследователь А.В. Гулыга пишет: «Миф – форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа» [4, с. 275].

Известно, что полушария головного мозга человека выполняют разные функции, решают разные задачи. Иначе говоря, они функционально асимметричны. Левое полушарие отвечает за речь, память, письмо, счет, логические конструкции и абстрактное мышление. Правое – позволяет ориентироваться в пространстве, составлять целое по частям и работать исключительно с конкретными явлениями и понятиями. Этим фактом объясняется наличие у человека двух типов мышления. Первый тип – рациональный, вербально-абстрактный и причинно-следственный – с доминированием левого полушария. Он создает четкую, логически стройную и взаимосвязанную, понятную для всех участников коммуникации систему. Он более объективен и чувствителен к противоречиям. Второй тип – иррациональный, образный и ассоциативный – с доминантой правого полушария. Он обеспечивает обработку значительного объема разноплановой информации, формирует многозначный контекст, который передается через систему интуитивных и эмоционально окрашенных образов. Он более субъективен, можно сказать, более искренен, так как непосредственно воспринимает окружающий мир, оценивает информацию «здесь» и «сейчас». Думается, что противопоставленные левополушарный и правополушарный типы мышления на деле чрезвычайно взаимосвязаны. Они не заменяют, но дополняют друг друга. Миф соответствует и рациональному (слово), и иррациональному (образ) типу. Возможно, в этом и кроется причина его бессмертия.

Знание, познание всегда связаны с субъектом, человеком и обществом. И рациональное, и иррациональное знание – это кем-то когда-то полученная и обработанная информация. Это субъективное образование, которое имеет смысл исключительно в контексте человеческой жизни. Один из основателей эволюционистской научно-теоретической школы, английский этнограф Э.Б. Тайлор пишет: «... мы вправе смотреть на миф как на органический продукт человечества вообще, продукт, в котором индивидуальные, национальные и даже расовые отличия являются подчиненными общим для всего мира свойствам человеческого ума [12, с. 204]». Эту точку зрения разделяет еще один представитель эволюционистской школы, французский этнограф Л. Леви-Брюль: «Не существует двух форм мышления у человечества, одной – пра-логической, другой – логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, быть может всегда, в одном и том же сознании [5, с. 8]». Действительно, миф является не просто исторически первой формой общественного сознания. Он – неотъемлемая часть человеческого сознания и мышления в целом, специфическая форма восприятия окружающего мира.

Данная позиция широко представлена в современной научно-исследовательской литературе. Так, американский исследователь Дж. Грабович констатирует, что мифологическое мышление не имеет ничего общего с рациональным, или научным, мышлением. Первое не предшествует второму в плане эволюционного развития. Они существуют параллельно, независимо друг от друга. Российский ученый В.В. Валькова полагает, что мифологическое мышление выступает одной из констант психики человека, которая выражает потребность в интуитивно-целостном постижении мира. Еще один российский ученый Е.Я. Режабек ведет речь о частом отождествлении мифа с правополушарной когнитивностью, генетической предрасположенностью к переработке информации в диффузно-недискретной форме. Акцентируем: данная предрасположенность генетически заложена в человеке, не трансформируется и не подчиняется рациональному началу в процессе исторического и индивидуального развития. Белорусский исследователь М.И. Тимошенко отмечает, что гносеологические корни мифомышления и мифотворчества не исчезают в ходе исторического и культурного развития. Украинские философы В.Е. Абызов, В.О. Артюх, О.Б. Гладий, Т.А. Коберская, О.К. Садовников трактуют миф как вневременный феномен человеческого сознания и мышления.

Миф, мифосознание и мифомышление, мифотворчество не ограничиваются конкретным временем, конкретным обществом и конкретной культурой. «Миф, – пишет Дж. Грабович, – расценивается как отражение важной и истинной связи между явлениями, подтвердить которую, однако, невозможно по самой природе этого отражения (перевод наш. – Е.В.Р.) [3, с.63]». Человек живет мифом. Его сознание находится в постоянном мифотворчестве, в воспроизведении архетипов. Важная деталь: мифотворец смотрит на мир подчеркнуто симпатически. Мифотворчество и миф вырастают на почве эмоций и чувств, а не логического и критического мышления. Степень и характер актуализации мифа различны. Существуют творческие эпохи, претендующие на создание новых оригинальных мифологем и сюжетов, и преимущественно репродуктивные эпохи, воспроизводящие традиционные мифологемы и схемы их построения. Миф, олицетворяя и выражая коллективное творчество, является фундаментом любой общности и культуры. Он включает человека в систему окружающего мира, поясняет принципы ее функционирования. Он неразрывно связан с процессом идентификации, самопознания и самообретения в макро- и микрокосмосе, обеспечивает психологическую защиту и устойчивость. За

историческим и человеческим в мифе всегда сквозит космическое и универсальное. Процесс мифотворчества обязательно включает в себя не только и не столько создание нового или отражение собственного видения мира, но и выявление, точнее, прозрение изначально скрытого и недоступного. Как отмечает М. Элиаде, это раскрытие тайного смысла сущего (онтофания), священного (иерофания) и божественного (теофания).

В современном обществе мифы претерпевают некоторые изменения. Они становятся эффективным средством сознательной манипуляции массовым сознанием. Создаются экономические, политические, социальные и научные мифы, которые повествуют о возможности построения идеального общества, о превосходстве определенной нации и так далее. Как и древние мифы, они овладевают сознанием масс и направляют их активность в соответствующее русло. Ряд авторов выдвигает предположение, что современная эпоха подвержена мифизации в большей степени, чем архаическая. В рамках подобного подхода миф вообще и современный миф в частности определяются в качестве особого непрерывно воспроизводимого социумом механизма структурирования окружающего мира.

Современный человек, как и древний, не может обходиться без мифологических принципов осмысления действительности. Сталкиваясь с непонятным, он использует принцип символизации. Р. Барт пишет: «Когда же нечто выглядит слишком уж странно, у здравого смысла остается в запасе еще одно средство, чтобы справиться с ним, не выходя за пределы механики уравнений. Средство это – символика. Всякий раз как нечто видимое кажется немотивированным, здравый смысл бросает в бой тяжелую кавалерию символа, допускаемого в горнем мире мелкобуржуазного сознания постольку, поскольку он, несмотря на свою абстрактную сторону, объединяет зримое с незримым под знаком количественного равенства (одно значит другое). Арифметика спасена, мир не рухнул [2, с. 130]». Потребность превратить окружающую действительность в насквозь понятную является насущной для современного человека. Мифологическое сознание как раз и помогает снять и устранить проблемность ситуации.

Выделяют ряд основных характерных и структурных составляющих мифа. Во-первых, это образность. Миф есть форма и средство восприятия и освоения жизни, в результате чего формируется определенная картина мира с множеством самостоятельных символических образов. Во-вторых, ассоциативность. С помощью ассоциативных связей миф становится доступным, понятным для любого человека и общества. В-третьих, антропоморфизм, очеловечивание природы, стирание граней между естественным и сверхъестественным, сосуществование реального и вымышленного миров. В-четвертых, неотягощенность временем. Имеет место собственное, мифологическое, время. Миф свидетельствует не просто о прошлом. Он воплощает идею первотворения, первоэлементов и перводействий. Он делит мир на «до» и «после». Сакральные события «до» выступают в качестве образца, эталона, профанные события «после» ориентируются на миф. В-пятых, парадигмальность, непререкаемость. В этом отношении миф близок к религии. Бытийность мифологических образов не требует доказательства. Их необходимо принимать на уровне веры, эмоциональных и чувственных ощущений, не подвергая сомнению или опровержению.

Итак, мы имеем множество видений проблемы и определений понятия мифа. Миф функционирует в самых разнообразных смысловых контекстах. Традиционно под мифом понимается древнее сказание, предание о происхождении мира и человека, о природных и социальных явлениях, о богах, обожествленных или связанных с богами своим происхождением первопредках и героях. Это продукт коллективного творчества, народной фантазии. Миф действительно выступает духовной основой организации личной и общественной жизни древнего человека. Однако он является не стадийным, а

непрерывным фактором духовной жизни на всех исторических этапах. Это неотъемлемая часть человеческого бытия, сознания и культуры, специфическая форма восприятия и конструирования окружающего мира, которая характеризуется единством субъекта и объекта, рационального и иррационального, реального и вымышленного, профанного и божественного. Миф, мифологическое сознание характерны для каждого человека и общества, независимо от хронологического, географического, экономического, политического, социального, ментального или культурного развития. Это неотъемлемая часть человеческой жизни, специфическая форма мироощущения и миропонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Г. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
3. Грабович Г. Поет як міфотворець: Семантика символів в творчості Тараса Шевченка / Пер. з англ. С. Павличко. – К.: Радянський письменник, 1991. – 374 с.
4. Гулыга А.В. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука / Ред. кол. под пред. Б.Б. Пиотровского. – М.: Наука, 1985. – С. 271–276.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с англ. В. Луков. – М.: ЭМО, 1994. – 518 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред.: В.М. Кожевникова. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
8. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. А. Хомик. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка – М.: Русский язык, 1987. – 795 с.
10. Словник античної міфології / Уклад.: І.Я. Козовик, О.Д. Пономарів. – 2-е вид. – К.: Наукова думка, 1985. – 236 с.
11. Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: [Энциклопедический справочник] / А.В. Дранов. – М.: Интрада, 1999. – 319 с.
12. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. Д. Коропчевского. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
13. Философский словарь / Сост.: И.Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
14. Философский энциклопедический словарь / Сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
15. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. Большаков. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, Парадигма, 2005. – 224 с.

Поступила в редакцию 09.02.2019 г.

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT «MYTH»

E.V. Rochnyak

The article systematizes the material that represents the dynamics of myth understanding in the history of philosophy. It is touched upon the gradual formation of a specific philosophical and culturological direction, cultivating the principle of mythological awareness and mythmaking, mythologically colored perception of reality.

Key words: myth, mythology, mythological consciousness, mythological thinking.

Рочняк Елена Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
ОО ВПО «Горловский институт
иностранных языков», г. Горловка
E-mail: lero1981@yandex.ru

Rochniak Elena Vladimirovna

Candidate of Philosophy,
associate professor of the Department
of Philosophy and History of EE HPE
«Gorlovka Institute for Foreign Languages»
E-mail: lero1981@yandex.ru

УДК 140.8:321.7

МЯГКАЯ СИЛА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: МЕСТО И РОЛЬ СМИ

© 2019. В.А. Чернышов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В представленной статье рассмотрено использование инструментов не прямых действий, раскрыты роль и значение феномена «мягкой силы» как фактора воздействия в международной политике, стремительно набирающего популярность. В статье показано, в каком контексте современные социологи и политологи трактуют современные процессы глобализации и «мягкую силу» как инструмент воздействия и инструмент глобальных политтехнологий. Также в статье рассмотрено место и роль СМИ в современном информационном обществе, затронута тема чрезмерного увлечения подрастающего поколения виртуальной реальностью.

Ключевые слова: СМИ, «мягкая сила», воздействие, общество, власть.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в настоящее время по разным причинам использование «жесткой силы» имеет ряд ограничений при применении во внешней политике, поэтому во всем мире стремительно распространяется политика «мягкой силы». Изучение инструментов не прямых действий, опробованных государствами на практике вариаций «мягкой силы», которые применяются чаще всего развитыми государствами для ведения геополитической борьбы против стран-«конкурентов» и эффективного достижения своих жизненно важных целей на международной арене, жизненно важно для поддержания собственной безопасности государства и имеет важное прикладное значение.

Цель данной работы заключается в философском исследовании феномена «мягкой силы», рассмотрении национальных стратегий «мягкой силы» во внешней политике государств, анализе основных подходов и ресурсов, применения «мягкой силы» государствами на современном этапе.

Проблема использования инструментов не прямых воздействий рассматривалась в работах: С.В. Лаврова, Е.М. Примакова, Е.П. Бажанова, С.Л. Рябкова, Г.А. Арбатова, Т.Н. Мозель, М.М. Лебедевой, А.В. Лукина, Е.Г. Пономаревой, П.А. Цыганкова, С.М. Рогова, А.Д. Шутова.

На протяжении веков понятие «сила» в политическом контексте традиционно отождествлялась с военной мощью, которая была основным показателем престижа государства на международной арене. С момента появления государств войны были основным инструментом воздействия при возникновении существенных разногласий на межгосударственном уровне. Таким образом, войны были древнейшим инструментом воздействия внешней политики, проявлением так называемой «жесткой силы», но со временем, по мере развития и гуманизации общества, появились другие альтернативные, не прямые меры воздействия, именуемые «мягкой силой», одним из основных инструментов которой являются СМИ.

Но, несмотря на то, что в настоящее время в силу разных причин использование «жесткой силы» имеет ряд ограничений и во всем мире стремительно распространяется политика «мягкой силы», военное вмешательство или его угроза продолжают оставаться важнейшим фактором воздействия на международной арене.

Книга В.Я. Бегуна «Вторжение без оружия», изданная в 1977 г., впервые в советское время обратила внимание на важность осмысления идеологии США в качестве не прямой меры воздействия на мировой арене в собственных интересах.

Само понятие «мягкой силы» появилось в середине 80-х гг. XX в. в работах американского политолога и одного из ведущих идеологов неолиберальной школы международной политики, Джозефа Ная [3, с. 76]. Он подчеркивает важность факторов, способных оказывать воздействие и укреплять имидж государства: культура, ценности и собственно внешняя политика. Дж. Най также утверждает, что «мягкая сила» любой страны «базируется главным образом на трех ресурсах: ее культуре (в тех странах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она действует согласно им у себя дома и за рубежом) и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет)» [5, с. 147].

Существенное влияние на поведение стран на мировой арене и распространение технологии «мягкая сила» оказали итоги «холодной войны» – распад СССР и возглавляемых им стран так называемой социалистической направленности. Военно-экономическая мощь СССР сдерживала экспансию Запада и с его развалом ситуация изменилась вследствие крушения Советского Союза и образования постсоветских государств с избранным ими новым вектором ценностей у многих людей произошёл кризис идентичностей.

В 1990-е – начале 2000-х гг. в России значительно активизировались исследования влияния «мягкой силы» на внешнеполитическое положение страны на международной арене. Проблема рассматривается в работах А.Д. Богатурова, Б.А. Ширяева, В.А. Кременюка, Ю.П. Давыдова, А.И. Уткина, В.И. Батюка, И.Я. Кобринской, С.М. Самуйлова, Т.А. Шаглеиной, В.И. Королева [7, с. 95].

Что касается применения «мягкой силы» России, то за последнее десятилетие на престиж страны на международной арене положительно повлияли мероприятия международного масштаба, такие как: Саммит АТЭС–2012, зимняя Олимпиада–2014 в Сочи, чемпионат мира по футболу–2018.

«Мягкая сила» обретает первостепенную значимость для правящих политических элит, как единственно возможный инструмент влияния в нынешних условиях, но истоки этой теории были заложены много веков назад.

Например, теория китайской «мягкой силы» была предложена еще древними китайскими философами и мыслителями – Лао-Цзы, Конфуцием, Сунь Цзы – и применялась при управлении государством, и в области военного дела. В трактате Сунь Цзы «Искусство войны» содержатся рекомендации следующего характера: «используй мягкие средства, чтобы победить силу», «избегай сильных сторон противника, используй его слабости» [6, с. 103].

В 2007 г. китайский президент Ху Цзиньтао на 17-м Конгрессе коммунистической партии заявил, что Китаю следует увеличить свою «мягкую силу» [8, с. 301].

Многие современные социологи в последнее время заявляют о феномене глобализации, о переходе индустриальной цивилизации в постиндустриальную. Характеризуя цивилизацию будущего, социологи Д. Белл, Э. Тоффлер называют ее «информационной», «постиндустриальной». Они пишут о том, что масштабные и интенсивные преобразования касаются уже не только сферы экономики, политики и культуры, но и информации.

Термин «мягкая сила» за последние десятилетия прочно вошел в лексический обиход дипломатов, официальных государственных чиновников и лиц, так или иначе связанных с политикой и сферой международных отношений. Это способствовало его широкому распространению в средствах массовой информации, а также в повседневном общении людей, интересующихся новостями и следящими за изменениями в политике.

Роль СМИ с момента их появления в обществе существенно изменилась, так как изначально они выполняли лишь функцию распространения информации. Сейчас печать, радио, телевидение – важная составляющая часть политической системы общества, эффективное средство воздействия на эмоции человека и один из наиболее действенных инструментов «мягкой силы» любого цивилизованного общества, так как именно этот социальный институт в наше время играет определяющую роль в формировании общественного мнения и сознания. Также современные СМИ представляют собой средство оперативного донесения информации в разные уголки мира.

Во всех составляющих национальной безопасности государства: политической, экономической, военной, вес информационной составляющей непрерывно возрастает. Информационное воздействие на общество способно создать атмосферу напряженности и политической нестабильности в обществе, спровоцировать социальные, национальные, религиозные конфликты и массовые беспорядки, привести к разрушительным последствиям для страны.

СМИ не случайно называют «четвертой властью» – как один из инструментов «мягкой силы», они влияют на общество не только посредством формирования общественного мнения, но и способствуют выработке определённых социальных установок, подталкивающих человека к совершению каких-либо поступков. Отражая политические события в жизни общества, СМИ непосредственно влияют на формирование политических мнений людей, влияют на их поведение и формы участия в политике.

Одной из основных проблем в создании и функционировании современного информационного пространства является отсутствие четкого представления медиаструктурах о результатах применения тех или иных информационных технологий. Конкретизация такого рода представлений будет способствовать повышению эффективности и осмысленности действий СМИ.

Сущность, характер и функции СМИ в конкретном обществе определяются в значительной степени социально-политическим устройством общества. Например, при тоталитарном строе СМИ находятся в жёстком подчинении у правящей политической элиты, при демократическом строе СМИ удовлетворяют информационные интересы общества, убеждение людей происходит при помощи информирования и аргументации.

Средства массовой информации в качестве средств доведения информации до конечного потребителя применяют:

- слово напечатанное – газеты, журналы и т.п.,
- слово произнесенное – радио,
- слово воспроизведенное – телевидение.

Особенно важно учитывать влияние СМИ на подрастающее поколение, в частности опасность сцен насилия и их пагубное, негативное влияние на психику подростков.

Условно можно выделить следующие процессы поведенческого проявления в случае просмотра подрастающим поколением сцен насилия:

- имитация – подростки воспринимают показанные в фильмах, телепрограммах образцы поведения и могут повторять их в собственном жизненном опыте;
- дизингибляция – по мере привыкания подростков к сценам насилия, уменьшается сдерживающее действие законов против совершения правонарушений, что приводит к девиантному и деликвентному поведению;

• десенсибилизация – при регулярном просмотре сцен насилия люди становятся менее восприимчивыми к жестокости [1, с. 38].

Известный российский специалист в области СМИ Е.П. Прохоров выделяет следующие шесть функций журналистики: коммуникативную; непосредственно-организаторскую; идеологическую (социально-ориентирующую); культурно-образовательную; рекламно-справочную; рекреативную. СМИ, в общем виде, выполняют в обществе две функции: репродуктивную, т.е. отображают политику через радио, телевидение и прессу и продуктивную функции, поэтому они также несут ответственность за происходящие в обществе процессы [4, с. 287].

СМИ обладают косвенной властью, так как они не могут приказывать, обязывать к чему-либо, наказывать или привлекать кого-либо к ответственности. Современные инновационные технологии упростили воздействие СМИ на массовое сознание и формирование мировоззрения.

Поток информации, воспринимаемой современным человеком, за последние десятилетия значительно увеличился. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что динамика роста объема, а точнее ее количество удваивается каждые 20 месяцев против 50 лет во времена К. Маркса [5, с. 115].

Выражая и формируя общественное мнение, СМИ, с одной стороны, отражают волю миллионов людей, с другой – сами оказывают воздействие на деятельность как граждан, так и социальных институтов- законодательных, исполнительных, судебных органов, общественных организаций и движений, политических деятелей.

Необходимо учитывать, что в современном социуме фокус внимания подрастающего поколения и молодежисместился в плоскость виртуального пространства, то есть формирование общественного мнения этой категории населения происходит не только, и даже не столько посредством официальных каналов связи, но через популярные интернет-ресурсы, которым часто не уделяется должное внимание со стороны структур, отвечающих за информационное освещение и ответственных за целенаправленную (в противовес стихийной), социализацию.

Таким образом, из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- Значение «мягкой силы» в последнее время значительно возросло как в теории, так и в практике международных отношений в целом. Соответственно возросло влияние и СМИ, как одного из инструментов «мягкой силы» на личность частности и общество в целом, и это влияние сложно оценивать однозначно. СМИ могут быть использованы как для объективного информирования общества о реальных событиях, так и для манипулирования в интересах тех или иных групп людей.
- Среди основных инструментов «мягкой силы», можно выделить: внешние культурные обмены, которые происходят путем проведения в других странах фестивалей национальной культуры, выставок, приема делегаций, обучения иностранных студентов, создания в других странах центров национальной культуры.
- Для установления основополагающих факторов влияния «мягкой силы» на положение государства на международной арене, в числе прочего, необходим анализ специфики геополитической модели обеспечения внешнеполитических интересов государства в рамках системы международных отношений.
- Перспективы дальнейших исследований феномена «мягкой силы» заключаются в детальном исследовании практического воплощения в жизнь стратегического или геополитического курса страны, а также рассмотрения преимуществ и недостатков потенциально выбираемых курсов с точки зрения их прикладного применения.

- В современных условиях постбиполярного мира в процессах геополитической борьбы, которые разворачиваются на международной арене, доминируют преимущественно «непрямые технологии».
- Исходя из анализа имеющейся на данный момент информации, есть основания предположить, что в дальнейшем сформируется абсолютно новая технология «непрямой» геополитической борьбы между государствами на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев К.А. Влияние СМИ на сознание современной молодежи / К.А. Андреев // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11. – С. 36-41.
2. Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина / Н.К. Байбаков. – М.: ГазОил пресс, 1998. – 352 с.
3. Василенко А.П. Основы журналистики / А.П. Василенко. – М.: Дрофа, 2002. – 189 с.
4. Гриневский, О. Тайны советской дипломатии / О. Гриневский. – М.: Вагриус, 2000. – 336 с.
5. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам (Едрихин). – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
6. Комаровский В. С. Государственная Служба и СМИ / В.С. Комаровский. – Воронеж. Издательство ВГУ, 2003. – 233 с.
7. Расторгуев С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 496 с.
8. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. – М.: Дело, 2010. – 355 с.

Поступила в редакцию 20.01.2019 г.

SOFT POWER OF INFORMATION SOCIETY: THE PLACE AND ROLE OF MASS MEDIA

V.A. Chernyshov

The presented article discusses the use of tools of indirect action, reveals the role and significance of the phenomenon of "soft power" as a factor of influence in international politics, which is rapidly gaining popularity. The article shows the context in which modern sociologists and political scientists interpret modern globalization processes and "soft power" as an instrument of influence and an instrument of global political technologies. The article also considers the place and role of the media in the modern information society, touched upon the topic of overreliance of the younger generation with virtual reality.

Key words: media, "soft power", influence, society, power.

Чернышов Владимир Анатольевич
аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: black270@mail.ru

Chernyshov Vladimir Anatolyevich
graduate student of the Chair of Philosophy,
SEE HPE "Donetsk National University"
E-mail: black270@mail.ru

УДК 821.111(73)

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И СТЕРЕОТИПЫ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2019. *Е.А. Шелехов*

ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного транспорта»

Статья посвящена философскому исследованию роли стереотипов в формировании общественного сознания. Сделан вывод о том, общественное сознание отражает общественное бытие. Оно выражает потребности общества через стереотипы мышления и поведения. В условиях функционирования и развития массового сознания стереотип выступает сложным переплетением различных форм сознания и становится духовным элементом, влияющим на социальную сторону жизни социума

Ключевые слова: общество, массовое сознание, личность, стереотип, культура.

Изучение социальных стереотипов как общественного явления происходит в процессе формирования или становления массового сознания. Интерес к стереотипам диктуется ситуацией, из которой вытекает инверсированное (от лат. *inversio* — переворачивание, перестановка) формирование образов восприятия человеком окружающей действительности. Такой процесс называемый «переходным периодом» или «транзитом», происходит в постсоветских государствах. Именно в момент становления и стабилизации общественных процессов на «разломе» истории формируются наиболее устойчивые стереотипы сознания, которые распространяются на все общество, приобретая массовый характер.

Целью нашей работы является философское исследование влияния стереотипов на общественное сознание.

Тема социальных стереотипов не нова и затрагивалась в работах многих авторов. Среди них следует выделить работы Х. Ардент [1], Э. Аронсона [2], П. Бергера [3], Г. Вайнштайна [4], А. Оболонского [5], Д. Ольшанского [6], С. Сердюк [7], Э. Фромма [8] и др. При этом многоплановость явления стереотипизации и раскрытие его с новой функциональной стороны в эпоху развития информационных технологий говорит о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса.

Важно то обстоятельство, что «массовость» (как явление, охватывающее все сферы социальной жизни индивида и общества) трактуется этими исследователями как принцип функционирования современного общества в целом, а не как маргинальный сегмент социальной жизни. Сама «массовость» стала пониматься в виде особенностей социальной организации, характеризующейся уравниванием жизни, формированием одинаковых стандартов поведения, потребления, прорыва иррационального.

Индивид живет в обществе, которое снабжает его готовыми моделями мышления и поведения, что выступает механизмом формирования стереотипов. Так как массовое сознание не только отражает бытие, но и выступает выражением потребностей данного общества, то это приводит к созданию посредством стереотипов иллюзии смысла жизни человека [8, с. 355].

В обществе же массовое сознание формируется в процессе массовизации основных условий и форм существования и жизнедеятельности людей: сфера производства, потребления, общения, социально-политического участия, досуга. Этот процесс порождает одинаковые или подобные устремления, унифицирует ценности,

потребности, и в конечном этапе завершается в производстве и распространении соответствующих видов массовой культуры, где стереотипы выполняют одну из функций закрепления форм восприятия человеком социальной реальности.

Сама природа феномена стереотипа по своей социальной наполненности и структуре напоминает строение массового сознания. В современной науке распространена точка зрения, в соответствии с которой массовое сознание включает два уровня: основной (первичный), эмоционально-действенный и вторичный – рациональный. Одним из признаков сознания является достаточно неустойчивый, аморфный характер, когда отсутствует завершенная система социальных представлений, ценностей, установок, стереотипов, а многие из существующих значительно противоречат друг другу. Это противоречие порождает ряд проблем, связанных с восприятием стереотипов массовым сознанием. В результате общество предстает как совершенно «иное» по сравнению с тем, которое было «зафиксировано» в прежнем наборе стереотипов.

Так как существует разница в отношении социальных представлений, то границы между иконичными и концептуальными аспектами исчезают либо деформируются условия формирования стереотипов в массовом сознании. Исчезновение этой разницы изменяет социальные стереотипы, делая их более символическими, что соответственно и является массово-коллективным фоном общества, в котором и происходят такие изменения стереотипов, в процессе данной трансформации стереотипы и приобретают массовый характер.

Г. Вайнштейн утверждает, что «в структуре массового сознания присутствуют некие «эксгрупповые» компоненты, наличие которых обусловлено рядом проблем общественной жизни» [4, с. 16-17]. Это компоненты двух познавательных процессов: усваиваемых «извне» и вырабатываемых «изнутри» в процессе социализации, именно в них заложен механизм усваивания стереотипов индивидом и привнесение последних в массовое сознание.

В процессе познания проявляется характер стереотипов, который обусловлен взаимодействием «эксгрупповых компонентов», где аспекты объективной реальности являются объектом познавательной деятельности. В самом познавательном процессе происходит осмысление явлений, которые проявляются в общественной жизни, входящих в сферу непосредственного, эмпирического восприятия человека или его социальной группы.

Соответственно с этим процессом в осмыслении как в индивидуальном, так и в массовом происходит осознание человеком тех социальных изменений, которые являются объектом эмпирически-чувственного восприятия массами. Этот способ является определяющим в процессе формирования стереотипов. В социальной практике, в сознании масс их личный жизненный опыт корректирует воздействие на массовое сознание, то есть воздействие, которое происходит «извне». Проявляется зависимость массового сознания от инструментария познавательной деятельности человека, который он использует, так как именно инструментарий определяет во многом его когнитивные способности и уровень интеллектуального восприятия. И от соотнесения различных элементов, образующих опыт масс, от степени реального или исторического опыта зависят идущие «извне» и «изнутри» готовые стереотипные формы мышления взаимодействующие с массовым сознанием.

Массовое сознание складывается из индивидуальных сознаний в процессе общения людей и обмене ими социальной информацией, что и обуславливает обмен стереотипами. Тогда в процессе обмена внутригрупповые стереотипы становятся

надгрупповыми – целым рядом социальных подсистем, приобретающих массовый характер. В содержательном отношении массовое сознание представляет совокупность идей, представлений, чувств, настроений, стереотипов, отражающихся в том или ином виде бытия общества.

Стереотип выступает как сложное многокомпонентное образование, являющееся сложным переплетением различных форм массового сознания, носящее внегрупповой характер. Стереотип проявляется в сильных эмоциях или чувствах, заслоняет собой все другие привычные правила жизни, групповые ценности, нормы и образцы поведения, порождая потребность в немедленных действиях. Поэтому определяется как эмоционально-чувственная основа стереотипа. Отраженный в массовом сознании стереотип затрагивает исторически сложившиеся потребности и интересы общества, порождая у человека определенные эмоции, оценки, волевые побуждения. В ходе развития практики и общения эта форма сознательного отношения к действительности достигает исключительно высокой точности и дифференцированности.

Процесс стереотипизации начинается в сфере экономики, где он обусловлен спецификой средств производства товаров массового потребления и идей конформизма, распространяющихся средствами массовой коммуникации. А так как они не имеют границ своего действия, то воздействуют и формируют массовые процессы в различных сферах жизни общества, а также порождают в глобальных аспектах новые виды массовой деятельности.

Процесс передачи стереотипа от поколения к поколению происходит и на внутригрупповом уровне, где важнейшую роль играет язык, так как «слово – является частью ассоциативной сетки, которая отображает сложную концептуальную структуру. На данном уровне стереотип формируется следующим образом: после того, как лексический знак воспринят в сознании, активизируются соответствующие фрагменты многоуровневой концептуальной структуры, такие как эмоции, ситуации, визуальные образы, характеристики, ситуации, в которой проявляется предмет». Стереотипы в данном случае детерминированы познавательной деятельностью человека.

Стереотип готов к передаче информации другим поколениям посредством языковой и знаковой системы. По мере того, как этот опыт приобретает обозначения и передается в языковой форме, он становится ревалентным, т.е. адекватным для тех, кто этого опыта никогда не имел.

Смена стереотипов, как и проблема стереотипизации массового сознания, всегда связана со сменой коллективных убеждений, которые в свою очередь являются результатом коллективных действий, определяющих качественное изменение жизни целого социума. Слом стереотипов в массовом сознании происходит непросто. Особенно это сложно осуществить в условиях кризиса, когда человеку приходится идти на переосмысление старого образа жизни (и стереотипов) и выработку новых стереотипов. При этом подвергаются глубокому пересмотру ценностные системы, изменяются парадигмы групповых связей.

Обозначим три проблемы социального слома стереотипов в массовом сознании: специфика слома социальных стереотипов (что представляет собой конкретную форму «слома социального консенсуса»); изменение шкалы ценностей (что прямо вписывается в характеристику социальных факторов процесса социального познания); кризис идентичности.

Социальные преобразования в жизни социума запечатлены в сознании всего общества и представлены в опыте. «Лишь небольшая часть человеческого опыта сохраняется в сознании. И тот опыт, который сохраняется в нем, становится

осажденным (седиментированным), то есть застывшим в памяти в качестве незабываемой и признанной сущности», – отмечает П. Бергер [3, с. 113].

В основе массового сознания обычно лежит яркое эмоциональное переживание некоторой социальной проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность, – считает Д.В. Ольшанский [6, с. 20–21]. Конечно, подобная дифференциация достаточно условна, тем не менее, именно эти уровни рассмотрения показывают реальную тематическую насыщенность стереотипов как элементов восприятия мира человеком, трансформируемых любым последующим мыслительным актом сознания.

Это процесс качественной трансформации всех основных параметров, которые определяют личность человека и формируют основные характеристики и качества, свойственные человеку массовому. Содержание переживаемого человеком актуального социального и личностно-духовного опыта, оформленного в виде стереотипа, становится фактором, способным определять, мотивировать и даже программировать качества человека и его способ поведения.

При этом определенные акты массового сознания стереотипизируются в индивидуальном поведении в устойчивые и достаточно упорядоченные зависимости, некоторые постоянные «признаки» комплексной системы, определяющие массовое поведение в общем целом.

Стереотипы формируются в массовом сознании под влиянием двух факторов: неосознанной коллективной переработки информации социокультурной средой и целенаправленного информационного воздействия извне. Изменение стереотипов (идейных, общественно-политических) – это основная цель влияния на массовое сознание. Трансформация этой системы может произойти, в частности, путем реформирования новых стереотипов или через усиление, а иногда ослабление уже существующих.

Стереотипная картина мира может быть неполная, но это картина возможного мира, к которому мы приспособляемся. Кроме того, «стереотипизация» позволяет формировать мотивационно-поведенческие стратегии поведения больших групп. При этом происходит стереотипизация социальной картины мира [7, с. 50–54]. Стереотип сознательно навязывается (например, СМИ) либо распространяется стихийно, если носители коллективного сознания проявляют к этому всеобщий интерес (например, культурное или историческое событие). В противном случае стереотип не будет выполнять свою адаптивную функцию. Поэтому стереотипизация — это еще и процесс популяризации, распространения какой-то определенной деятельности или ценности в условиях социального функционирования массового общества.

Стереотип хранится в общественном сознании. Десятилетие кризисного развития посткоммунистических обществ привело не только к весьма характерному видоизменению в структуре общества, но и к необратимой эволюции внутренних феноменологических конструкций массового сознания [6, с. 120]. При кардинальных переменах практически в неприкосновенности сохранились многие базовые стереотипы, нормы и установки.

Стереотип связан с личностным смыслом (отношением мотива действия и поведения к его цели) и личностным ростом. Овладение культурой предполагает знание определенной совокупности представлений о мире и, как следствие, усвоение некоторой системы ориентиров и умений, которые для любого члена общества или социальной группы, в сегодняшних условиях, являются необходимым. Изменение характера национальных отношений ведет к изменению параметров стереотипов, вплоть до полного их разрушения.

Выработанные десятилетиями, если не столетиями «линейные» характеристики общественного развития (улучшение существующего лучшего и ухудшение существующего худшего) не вполне применимы, если применимы вообще к анализу современной украинской ситуации. Привычные идеологические шкалы и эталоны стереотипов более не действуют в нашем обществе. Но в то же время в процессе социализации группы «впитывают» и самостоятельно вырабатывают целые комплексы стереотипов от бытового восприятия до общественно-политического, так как «чего бы не коснулась человеческая жизнь, что бы ни вошло в нее, все сразу превращается в условие человеческого сосуществования» [4, с. 17] и посредством стереотипизации фиксируется в определенные стереотипы в общественном сознании.

Не все содержание стереотипов, влияющих и структурирующих массу людей входит в сознание этой массы, а только общее, типичное для данной совокупности индивидов.

С помощью стереотипов интересы и потребности широких слоев населения оформляются в виде серий стандартных образов, которые в процессе усвоения моделей поведения стереотипизируются, формируя стереотипы. И эти подсистемы определяют стабильность общественного настроения, сохраняя положительное эмоциональное восприятие действительности. Однако массовое настроение может на долгое время определять характер социально-политической жизни и требует относительно новой стабилизации системы.

Природа социальных стереотипов и их содержание не всегда являются негативными. Однако стереотипы всегда наносят вред своему объекту, даже если они выглядят нейтральными или даже положительными, потому что лишают человека права быть воспринятым и понятым как индивидуальность со своими особыми чертами, будь они положительными или отрицательными, и, в большинстве случаев содержание стереотипов не отличается толерантностью, оно явно оказывает негативное воздействие на членов группы, которая является объектом стереотипа.

Степень устойчивости стереотипа зависит не только от внешних условий, но и от конкретных носителей: общества, коллектива, личности с их обыденными представлениями, эмпирическими настроениями, преломляющимися через систему экспликаций, иногда выстроенных в целостную научную или политическую картину мира. Обусловленный этими механизмами мир мнений имеет свои особенности и способы выражения: сознательную (или бессознательную) настроенность, веру (рациональную либо иррациональную) в те или иные общественные ориентации на практические действия (например, на развитие массовой культуры, на поддержку выдвигаемой тем или иным лидером политической программы и т.п.).

Изменения стереотипов личности и группы происходят в массовом сознании в соответствии с двумя моделями: а) внутренне – эволюционной; б) внешне – разрушительной, деструктивной (революционной) [2, с. 8].

Таким образом, трансформация современного социума и социальных институтов влекут за собой изменения в общественной жизни, приводят к образованию новых стереотипов как феноменов сознания. Массовое сознание отражает бытие и выражает потребности общества через снабжение индивида готовыми стереотипами мышления и поведения. В условиях функционирования и развития массового сознания стереотип выступает сложным переплетением различных форм сознания и становится духовным элементом, влияющим на социальную сторону жизни социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арендт; под. Ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Аронсон Э. *Общественное животное. Введение в социальную психологию* / Э. Аронсон. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 517 с.
3. Бергер П. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания* / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Вайнштейн Г.И. *Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма* / Г.И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1990. – 169 с.
5. Оболонский А.В. *Консервативный синдром в советском массовом сознании* / А.В. Оболонский // *Общественные науки и современность*. – 1991. – №3. – С. 119–131.
6. Ольшанский Д.В. *Психология масс* / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.
7. Сердюк С.В. *Формування образу світу культури и процес стереотипізації* / С.В. Сердюк // *Магістеріум*. Вип. 5: *Культурологія* / Національний університет «Києво – Могилянська академія» – 2000. – С. 50–54.
8. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / Э. Фромм. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 672 с.

Поступила в редакцию 20.03.2019 г.

SOCIAL CONSCIOUSNESS AND STEREOTYPES: EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

Ye. A. Shelekhov

The article is devoted to the philosophical study of the role of stereotypes in the formation of social consciousness. It is concluded that social consciousness reflects social being. It expresses the needs of society through stereotypes of thinking and behavior. Under the conditions of functioning and development of mass consciousness, the stereotype appears as a complex interweaving of various forms of consciousness and becomes a spiritual element that affects the social side of social life.

Key words: Society, Mass Consciousness, Personality, Stereotype, Culture.

Шелехов Евгений Александрович

Кандидат философских наук,
ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного
транспорта»
E-mail: jennaistorik@mail.ru

Shelekhov Yevgeniy Alexandrovich

Candidate of Philosophical Sciences,
SCE HPE “Donetsk Institute of Railway
Transport”
E-mail: jennaistorik@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.4

DEVELOPMENT OF NEW INSTITUTIONAL FORMS OF HIGHER EDUCATION IN CANADA IN CONDITIONS OF THE E-LEARNING IMPLEMENTATION

© 2019. *M.V. Borisova, N.A. Chehlan*
Donetsk National Technical University

In the given article the analysis of the e-learning in Canadian post-secondary education is given, the advantages and disadvantages of e-learning implementation are shown; the main organizational structures of Canadian post-secondary institutions in the context of e-learning implementations are outlined.

Key words: e-learning, Canadian post-secondary education, institutional forms.

Modern society is changing very quickly. This process can be presented and described more adequately by the nonlinear model, and it is unreasonable to use such value judgement as «good / bad» for it. The world is changing at a deep level. In our daily life and educational practice a new reality has come – digital information. Today information resources not only determine the economic strength of the country but also become a national wealth. The active introduction of information technologies in the life of modern society has a great influence on the development of the higher education system.

In 2000, the Association of Universities and Colleges of Canada (AUCC) prepared a report on the need to carry out the modernization of education, to increase its competitiveness by introducing information and communication technologies (ICT) including e-learning in the curriculum and structure of higher education institutes with the aim of creating a knowledge-based society [1].

The aim of the article is to analyze trends of the e-learning development in the sphere of higher education in Canada, advantages and disadvantages of the education computerization, to consider main organizational structures of higher education institutes in Canada taking into account e-learning introduction in the educational process.

The problem of the e-learning introduction in higher education institutes in Canada found a wide and well-grounded reflection in works of such Canadian scientists as Philip Abrami, Robert Crocker and Alex Usher, Alan Devis. Separate references to this topic we find also in studies of such educators as L.Ya. Filippova, B.I. Shunevich, D.S. Zueva, I.A. Krutaya and O.M. Karpenko.

In the planning of the Canadian higher school development and reformation information technologies and e-learning become one of the main priorities, since Canada is the country that must satisfy educational needs of various regions including needs of remote and sparsely populated areas. E-learning or with its broader interpretation and understanding – distance learning based on the theory and practice of foreign experience is defined as the use of new multimedia technologies and Internet with the aim to improve the quality of education by providing access to resources and services and also for remote data exchange and cooperation [2].

E-learning is not only a specific content, it is not limited by using certain technology and it can be a component of bimodal and hybrid education [3].

Canadian scientists evaluate introduction of modern information computer and telecommunication technologies (ICT) in the educational process differently. Supporters of the electronic technologies argue that computers and Internet potentially can transform educational environment and improve quality of education emphasizing that e-learning:

- expands access to global information, education anywhere and anytime;
- increases motivation of students to learn;
- improves communication and cooperation among all participants of the educational process;
- reduces costs for formal teaching;
- satisfies social needs (for example, a need in training of professionals, competent in the sphere of information technologies and who will work in conditions of global economy);
- enhances educational opportunities for aboriginal students, students with disabilities and those who live in remote provinces and territories of Canada [4–6].

In contrast to the positive attitude to the introduction of e-learning in higher education institutes of the country many scientists show the negative attitude to the use of technologies [7; 8, p. 34], emphasizing that:

- academic achievements of students are not improved exclusively as a result of access to the computer in the auditorium;
- on the basis of statistical data it is possible to assert that progress in e-learning is associated with the same factors (sex, socio-economic situation of a student) as with traditional forms of education;
- studies, where errors and failures of the ICT use in higher education institutes are analyzed, are practically absent;
- subsequent evolution of e-learning is impossible without academic literature on theoretical issues of the ICT use, reasonable development is necessary «to establish a theory not an estimate; principles not a practice; pedagogy and not just use» [9, p. 5].

E-learning in current practice of providing education for students in Canada is based on three types of a dialogue: a dialogue between a teacher and a student; a dialogue between students; a dialogue between a student and tools (resources) that teach him; they (dialogues) are the basis of strategies and practices of teaching [10]. All educational resources may be available by combining any of the above types of the dialogue. For example, the dialogue between faculty and students is carried out via:

- two-way interactive audio and video communication with access to numerous sites on the Internet;
- auditorium lectures: in real time (synchronous) or with a delay (asynchronous). Students can have access to such lectures using high-speed multimedia networks from home, work or from any other place;
- online electronic discussions: one on one or one with many.

These discussions may include the declaration of such sessions as:

- intensive synchronous (on-site) seminars, which can approach to seminars proposing for professionals who continue their education;
- confidential conversations (chats).

Dialogues between and among students can be organized by:

- two-way interactive “desk” audio and video conferences-meetings;
- synchronous or asynchronous meetings on student groups;
- online electronic discussions: one on one or one with many;
- intensive synchronous discussions in student dormitories with participation of students from other dormitories;

– development of projects aimed at solving of real problems with students involvement in local or network mode.

Finally, the dialogue between students and training tools (or resources) can be organized like this:

- using electronic resources such as network resources of the World Wide Web, including the ability to access them in real time;
- using electronic lectures and discussions, electronic films, books and music with a review of significant events record and interviews;
- using various data bases including primary and secondary research materials;
- using problem-oriented tests including real problems connected with current events;
- with associated events addressing to major publications and involving consultations of teachers;
- with participation in joint research projects;
- with participation in other applied researches.

Modern systems of higher education in Canada characterized by a wide use of e-learning in their practice refer to such organizational structures as [11]:

1) center/department/faculty/institute of e-learning within the traditional university: University College of the North, Memorial University of Newfoundland, Royal Roads University, University of Waterloo;

2) open educational institution or organization where education is based exclusively on computer networks, for example, the Internet: Athabasca University / Canada Open University; Thompson Rivers University – Open Learning, Open Learning Agency, British Columbia Open University;

3) consortium or partnership of traditional universities and colleges where each participant creates a number of courses for e-learning, and its intermediary agency is responsible for marketing these courses and general functioning of the open education system on the basis of the consortium: Canadian Virtual University, Contact North;

4) tele-university where education is based mainly on the use of television training courses: Tele-learning University (TÉLUQ, l'université à distance de l'UQÀM).

Traditional universities all over the world are of great importance for the development of a new system of university education. As educational centers, in which leading experts are concentrated, traditional universities have significant potential to become centers for the development of modern electronic university courses. At the heart of this is the development of special e-learning units. Such units can firstly develop and deliver e-courses within their university especially when campuses are located at a considerable distance or there are branches in different places; secondly, they develop remote courses for the market of educational services.

Universities working on this model train students as full-time (within university, full-time work) and remotely. Students of both forms of education run the same program and pass the same exams according to the same standards.

Full-time students also have access to materials developed for e-learning. Teachers here have an incentive to work in the student auditorium; a wide range of disciplines is available to them in comparison with universities where only distance learning is carried out because of the narrow specialization of the latter.

In educational institutions with two forms of education distance learning as a rule is inserted in the structure of the traditional university, though frequently it has own administration, student department and separate teaching staff.

Activity scope of distance learning units within universities with two forms of education is significantly smaller in comparison with specialized educational institutions.

Resources allocated to implement programs of full-time education often cover most of the overhead costs. Examples of universities of the type considered are University of Waterloo, University College of the North.

Let us consider these organizational structures in detail.

Open universities. These universities of a new kind are developing in many ways relying on the model of the distance learning modernizing it based on the new modern computer and telecommunication technologies use in the educational process. Universities of distance learning, where training has been recently carried out on the basis of printed materials, often have developed infrastructure, rich pedagogical and organizational distance learning experience used for the development of a new system of university e-learning. Along with printed materials in the educational process audio and videodisks, radio and telecommunications are increasingly used.

Summing up the experience of these educational institutions we can note that for the development of virtual and open universities two factors are typical:

1) use of experience and infrastructure of distance learning, the network of regional centers for the formation of new educational models on the basis of modern information technologies;

2) development of new economic and organizational mechanisms of educational process in the course of changing its technological basis.

Open Learning Agency directs the development and implementation of open learning in British Columbia. Being an educational institution established to provide lifelong learning opportunities Open Learning Agency uses television, e-technologies of printing and educational programs. Courses and programs are selected based on needs of higher education and career. The main target group of students from such university is people who have the experience of open learning and continue to work during training [12].

A complete package including a course description, separate course modules, textbooks and destination file is sent to the student upon registration. For some courses, additional materials such as audio disks, slides, laboratory sets, and video, software and television programs may be provided.

Support service provides constant contact with those who need some adaptation of the course. Twenty-four-hour service is provided for all students living in British Columbia and the Yukon.

Virtual universities. In this educational potential opportunities for restructuring the education system are realized. They provide technologies of training tele-conferences. These technologies enable groups of students and individual learners to meet with the teacher and among themselves being at some distance from each other. Such modern ways of communication are complemented with computer training programs such as multimedia replacing printed texts, audio and video tapes. As a result, a student can receive educational information from various sources. Such model of education leads to the fact that training is carried out not only at the distance but also independently of any institution.

Such a model has not been fully implemented yet. Its implementation is accompanied by significant difficulties, namely with the problem of getting public recognition and the right to award diplomas and certificates, to confer appropriate degrees (accreditation problem of the virtual university). Overcoming these difficulties and full development of the virtual university model will cause deep changes in the organizational structure of modern education. Virtual university does not have campuses and student dormitories, administrative offices and lecture halls. It consists of groups that cooperate, such as administrators, course developers, teachers, technologists and students separated by large distances, national borders but working

together and learning interactively using modern telematic technologies. It is apparent that this model will provide a great progress on the way of the education internationalization and training availability.

Consortium of universities. This new institutional model of university education has been actively developing recently. Consortium of universities (from Lat. consortium – participation, community) is a commercial enterprise providing communication and administrative services on conducting training courses developed by traditional universities, members of the consortium, for distance learning on the basis of various educational technologies. Therefore, consortium of universities combines and coordinates activities of some universities based on modern information technologies. We can say that consortium of universities carries out brokerage between students and traditional universities for e-learning. Consortium of universities can provide both high school courses and postgraduate courses, programs of extended education and preliminary courses for university entrants. The most important is that consortium of universities gives an opportunity to get degrees and certificates of those universities that are part of the consortium. This institutional model is extremely actual for Canada since it makes it possible to combine educational resources of many traditional universities.

Canadian Virtual University is a consortium of 11 leading higher educational institutions specialized in providing electronic educational services. The University consists of Athabasca University, Cape Breton University, Laurentian University, Memorial University of Newfoundland, Nipissing University, Royal Roads University, St. Francis Xavier University, TÉLUQ, l'université à distance de l'UQÀM, Thompson Rivers University, University of Manitoba, University of New Brunswick.

Tele-university. This new institutional model is also established based on the consolidation of traditional universities resources but this consolidation is much more powerful than in the case of a consortium of universities. Tele-university offers joint work to a number of independent universities on integrated curricula. Tele-university itself develops and delivers courses, awards degrees, issues diplomas and certificates using professional and teaching staff, lecture rooms and other resources of traditional universities.

This model of modern university education most clearly embodied in the activities of the Quebec University of Tele-education (TÉLUQ, l'université à distance de l'UQÀM). The Ministry of Education and Higher Education of Quebec founded Tele-university in 1972 after studies of the distance learning role at the university level. Actually, it is the only University in North America training specialists in French.

The University has developed various programs for adult education. It retrains personnel in cooperation with small business. The Tele-university offers training programs in management, communication, social sciences and humanities, total in 13 certified programs, in 12 short programs of the occupational retraining. Changes in the communication technology enabled to improve the model of distance learning in the tele-university to ensure faster and more adequate access of students to information technologies. Approximately 20 thousand students are accepted for tele-university courses and programs per year, 80% of them are working adults.

Higher educational establishments undergo rapid changes; the impact of e-learning on the process of teaching and learning is uneven and very differential one. Today technological innovations are interpreted as a part of more significant process – overall restructuring of higher education in Canada.

The development of the virtual university within traditional forms of education apart from everything else will depend on the cooperation between countries, sectors and services as part of a new university strategy. Besides infrastructure capable of supporting cooperation

and interaction, it is necessary to take into account such additional factors as the level of public and personal partnership, rigidity of national educational systems, standardization and the content of education inhomogeneous in quality.

Technologies increasingly become an integral part of the social structure. In Canada most people especially students spend a significant part of their life in the cyberspace, in new reality which is imposed on society and influences on it significantly. An important component of the university transformation will be an analysis of this phenomenon, its impact and its participation in it.

In view of internal logic of technologies in the beginning of the XXI century, it is time to get rid of axioms, ideas, systems and structures in the university as well as in society in order to give way to the new ones. Wherein it is necessary to remain attentive and critical as new flexible models arise and ensure their optimal servicing current and future needs of students in the rapidly changing society.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. AUCC Statement on Technology Enhanced Learning [Internet Resource]. – Access Regime: www.aucc.ca/_pdf/english/statements/2000/tel_06_20_e.pdf.
2. Glossary [Internet Resource]. – Access Regime: <http://www.elearningeuropa.info/main/index.php?page=glossary>.
3. Rossiter J. An e-learning vision: Towards a Pan-Canadian strategy and action plan. Ottawa, 2002. – ON: CANARIE Inc. [Internet Resource]. – Access Regime: <http://www.canarie.ca/funding/elearning/elearningvision.pdf>
4. Advisory Committee for Online Learning. The E-Learning E-Volution in Colleges and Universities: A Pan-Canadian Challenge. – Ottawa: Industry Canada, 2001. [Internet Resource]. – Access Regime: www.cmec.ca/postsec/evolution.en.pdf.
5. Abrami Philip C., Robert M. Bernard, C. Anne Wade. A Review of E-Learning in Canada: A Rough Sketch of the Evidence, Gaps and Promising Directions. Ottawa: Canadian Council on Learning, 2006 [Internet Resource]. – Access Regime: <http://www.ccl-cca.ca/NR/rdonlyres/FE77E704-D207-4511-8F74-E3FFE9A75E7E/0/SFRElearningConcordiaApr06.pdf>.
6. Charpentier M., Lafrance C. International E-learning Strategies: Key Findings Relevant to the Canadian Context. Ottawa: Canadian Council on Learning, 2006. [Internet Resource]. – Access Regime: <http://www.cclcca.ca/NR/rdonlyres/7DCFC8CB-D926-4C22-A549F28080E65378/0/JohnBissInternationalELearningEN.pdf>.
7. Ungerleider C., Burns T. Information and communication technologies in elementary and secondary education: a state of the art review. (Pan-Canadian Education Research Agenda Symposium. – Montreal, 2002. – 30 April–2 May [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.cesc-scse.ca/pceradocs/2002/papers/CUngerleider_OEN.pdf.
8. Driscoll Margaret. Hype versus reality in the boardroom: why e-learning hasn't lived up to its initial projections for penetrating the corporate environment / S. Carliner and P. Shank // The E-Learning Handbook: A Comprehensive Guide to Online Learning. – San Francisco : Pfeiffer/John Wiley & Sons, 2008. – 210 p.
9. Nichols Mark. A theory for eLearning / Mark Nichols // Educational Technology & Society 6. – № 2 (2003). – P. 1–10. Филиппова Л.Я. Опыт университетов США и Канады в области организации онлайн-обучения, основанного на WEB-технологиях / Л.Я. Филиппова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: users.kpi.kharkov.ua/lre/rt909/Web-based%20teach.doc.
11. Шуневич Б.І. Тенденції розвитку дистанційного навчання у зарубіжній вищій школі / Б.І. Шуневич // Інформаційні технології і засоби навчання: електронне наукове фахове видання [Електронний ресурс] ; Ін-т інформ. технологій і засобів навчання АПН України ; Ун-т менеджменту освіти АПН України. – 2008. – № 3 (7). – Режим доступу: <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/ITZN/em7/content/08sbishf.htm>.
12. Зуева Д.С. Специфика мегауниверситетов как современной образовательной инфраструктуры [Электронный ресурс] / Д.С. Зуева, О.М. Карпенко, И.А. Крутий // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 82–85. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/328433.html>.

Received December 16, 2018

**РАЗВИТИЕ НОВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАНАДЫ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ**

М.В. Борисова, Н.А. Чехлань

В статье проанализированы тенденции развития электронного обучения в сфере высшего образования Канады, преимущества и недостатки компьютеризации обучения, рассмотрены основные организационные структуры высших учебных заведений Канады в контексте имплементации в образовательный процесс электронного обучения.

Ключевые слова: электронное обучение, высшее образование в Канаде, институционные формы.

Борисова Марина Викторовна

кандидат педагогических наук.

Автомобильно-дорожный институт

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», доцент кафедры «Иностранные языки».

E-mail: borisov-79@mail.ru

Borisova Marina Viktorovna

Candidate of Pedagogy.

Automobile Transport and Highway Engineering

Institute, Donetsk National Technical University, Associate Professor of the English Language Department

E-mail: borisov-79@mail.ru

Чехлань Надежда Александровна

Автомобильно-дорожный институт

ГОУ ВПО «Донецкий национальный

технический университет»,

Ассистент кафедры иностранных языков

E-mail: hope_1971@mail.ru

Chehlan Nadezhda Aleksandrovna

Automobile Transport and Highway Engineering

Institute,

Donetsk National Technical University,

Assistant of the English Language Department.

E-mail: hope_1971@mail.ru

УДК 373.2

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО СЕМЬИ И ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

© 2019. *А.А. Головинова, Д.А. Чернышев*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается проблема педагогического партнерства дошкольных образовательных учреждений и семьи в воспитании и образовании детей. Показана роль дошкольных образовательных учреждений и родителей в данном процессе. Проведен теоретический анализ понятия «педагогическое партнерство», практики организации партнерства в детских садах, определены значение партнерства для развития ребенка, подготовке к школе, его формирования как личности. Определены факторы обуславливающие необходимость внедрения педагогического партнерства в деятельность дошкольного образовательного учреждения, формы его реализации, а также проблемы стоящие на пути данного процесса.

Ключевые слова: сотрудничество, взаимодействие, акции, гармонизация детско-родительских отношений, педагогическое партнерство, дошкольное образовательное учреждение, семья, качества личности, ребенок, воспитание, педагогический капитал.

Воздействие различных социальных, экономических, культурных и иных факторов на процесс воспитания детей дошкольного возраста оказывает разнонаправленное воздействие, связанное с сочетанием позитивных и негативных элементов содержащихся в них. Самостоятельное решение педагогических проблем стоящих на пути воспитания подрастающего поколения невозможно за счет деятельности только семьи, либо дошкольного образовательного учреждения. Ни одна из сторон неспособна самостоятельно в полной мере учесть в воспитательном и образовательном процессе все составляющие планирования, организации и оптимизации в быстро меняющемся мире.

Трансформационные процессы происходящие во всех сферах жизни современного человека затрагивают вопросы воспитания и образования. Данные основы закладываются в человека в дошкольном возрасте, в связи с чем усиливается внимание к субъектам осуществляющим воспитательный процесс, к объектам, как среде в которой происходит формирование личности. Актуализируется проблема влияния каждого звена воспитательно-образовательного процесса (семьи, дошкольного образовательного учреждения и др.) на личность ребенка. Перед обществом стоит непростая задача поиска наилучшей формы взаимоотношений, при которой достигается взаимопонимание и взаимопомощь в формировании здорового образа жизни ребенка. Все это побуждает выстраивать систему отношений между ребенком, родителями и педагогами на принципиально новой платформе, в которой стороны выступают равноправными партнерами педагогического пространства.

Коллективная монография, под редакцией П.А. Шептенко, анализирует социально-педагогические факторы способные оказать положительное воздействие на процессы социализации обучающихся [1]. В монографии Т.Г. Бутовой, Е.Г. Григорьевой, В.В. Куимова акцентируются внимание на проблемах регулирования развития сферы дошкольных услуг [2]. Н.Г. Пантелеева обосновывает необходимость партнерства детского сада и родителей для эффективного воспитания дошкольников в современных условиях. Сотрудничества детского сада и семьи является требованием социальных условий времени, так как нельзя вырастить настоящего человека без

стремлений обеих сторон к успеху [3]. З.П. Красношлык рассматривает педагогическое партнерство как институт социализации детей. При этом решающим условием взаимодействия и построения партнерских взаимоотношений является сближение педагогов и родителей воспитанников [4]. В работе Н.П. Сулимовой акцентируется внимание на объединении усилий сфер социального развития ребенка, повышении воспитательного потенциала всех участников образовательного процесса, активизации использования ресурсных возможностей культурно-образовательной среды [5].

Несмотря на наличие большого количества научных публикация, существует ряд вопросов требующих дальнейшего изучения и разработки. Так, не в полной мере раскрыты теоретические предпосылки использования педагогического партнерства как инструмента повышения качества образовательного процесса в дошкольных учреждениях. Отсутствует обоснование взаимодействия участников педагогического партнерства в условиях ограниченности реальных педагогических навыков со стороны семьи ребенка; несоответствие между постоянно растущими требованиями к воспитанию детей и несовершенством практики воспитательной работы в образовательных учреждениях.

Целью исследования является теоретическое обоснование необходимости внедрения и реализации педагогического партнерства семьи и дошкольного образовательного учреждения как ведущего фактора повышения качества дошкольного образования.

Основная часть. Происходящая трансформация дошкольных образовательных учреждений направлена на увеличение степени открытости, большей гибкости, степени свободы и гуманизма педагогического процесса. В Законе Донецкой Народной Республики «Об образовании» сказано: «дошкольное образование направлено на формирование общей культуры, развитие физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирование предпосылок учебной деятельности, сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста» [6, с. 114]. Расширение спектра задач, стоящих перед дошкольным учреждением, подталкивает к усилению взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества с различными социальными институтами, и, прежде всего, с родителями, семьей ребенка. Такое сотрудничество возможно в условиях педагогического партнерства, при котором различные секторы общественной жизни совместно решают социальные проблемы, создают и реализовывают условия максимально устойчивого развития социальных отношений, на основе перманентного роста уровня и качества жизни. Педагогическое партнерство можно определить как один из возможных вариантов образовательно-воспитательного процесса, при котором между субъектами создается общность целей, ценностных установок, устанавливаются долгосрочные доверительные отношения, основанные на стремлении к получению максимально эффективного результата — формирование высоконравственной, креативной личности, человека и гражданина.

Необходимость усиления взаимодействия дошкольных образовательных учреждений с семьей связана с проблемами, которые появляются у родителей в процессе воспитания ребенка. Такие насущные вопросы, как укрепление здоровья детей, питания, двигательной активности, формирование у них потребности в здоровом образе жизни; всестороннего и креативного развития и формирования личности; преодоление отчужденности детей и родителей, связанной с дефицитом общения, могут быть решены только совместными усилиями участников педагогического партнерства. «Дошкольное детство это один из самых значимых моментов жизни ребенка, так как именно в нем закладывается все ценности поведения личности в обществе, формируется человек готовый в дальнейшем приносить пользу своей

стране» [7, с. 100-101]. Круг участников партнерства может расширяться и включать не только семью и детский сад, но детские поликлиники, культурные и спортивные организации, социальной защиты, в целом, окружающего сообщества и социума.

Развитие педагогического партнерства между дошкольным образовательным учреждением и семьей может инициироваться и формироваться в условиях заинтересованности сторон диалога, при осознании необходимости улучшить существующую систему, акцентировать воспитательные приоритеты на формирование у ребенка здорового образа жизни. «Задача педагогов дошкольного учреждения – профессионально, результативно и социально ответственно помочь семье в воспитании детей, не подменяя ее, а дополняя, и обеспечивая более полную реализацию ее воспитательных функций в интересах каждого ребенка [8, с. 16]. Такая педагогическая система требует от участников партнерства переосмысления и изменения многих устоявшихся педагогических норм, психологии мышления. Трансформация содержания, форм, средств взаимодействия детского сада и родителей должна начинаться с осознания необходимости активизации творческого потенциала детей, роста их креативности, что требует изменение мотивационных установок участников партнерства. Кроме этого, и педагоги и родители должны быть готовы к изменению своего поведения, возможно, и образа жизни. Развитие творческой активности ребенка невозможно без непосредственного активного участия родителей и воспитателей в такой деятельности. Важно, чтобы современный детский сад стал зоной доверия между взрослыми (педагогами — родителями) и каждым ребенком [9, с. 15].

Успех педагогического партнерства во многом зависит от наличия и уровня имеющихся у родителей педагогических навыков, мастерства. К сожалению, многие родители не имеют в достаточной мере положительных воспитательных качеств: рождение ребенка не делает родителей одновременно и педагогами. В связи с этим от сотрудников дошкольного учреждения требуется формирование воспитательного пространства, на начальном этапе распространяющегося как на детей, так и их родителей.

Раскрытие творческих способностей детей возможно в специально созданной для этого социокультурной среде. Воспитатели и сотрудники детского сада формируют полностью открытое образовательное и воспитательное пространство, в котором существует доверие и взаимопонимание между детьми, родителями и педагогами. Успех возможен при условии повышения активности усвоения новой информации, творческого процесса в различных формах проявления, получения удовлетворения от достигнутого всеми детьми. В таких условиях каждая группа детского сада, каждый ребенок нацелены на успех, положительное видение собственной личности и окружающих людей.

В основе создания партнерства находятся ряд условий, принципов позволяющих достигать долгосрочного успеха при реализации как самой системы партнерства, так и отдельных составляющих партнерство проектов. Первый принцип связан с тем, что данный процесс длительный, рассчитанный на весь период пребывания ребенка в дошкольном образовательном учреждении. Долгосрочность предполагает постоянное взаимодействие между семьей и педагогическим коллективом. Интенсивность изменения взаимодействия сторон варьирует в зависимости от частоты проведения различных акций, мероприятий, но само взаимодействие не прекращается и носит перманентный характер. Педагогическое партнерство становится не данью моды, но стилем жизни и трудовой деятельности. Второй принцип основывается на взаимной ответственности сторон. Взаимные обязательства (в первую очередь, со стороны родителей) формируются постепенно и приводят к трансформации и усилению

профессиональных обязанностей педагогического коллектива детского сада и родительского долга. Создание такой системы позволяет распространять свое влияние на воспитательные процессы на время пребывания ребенка в условиях дома, с последующей пролонгацией на школьный период развития. Третий принцип предполагает добровольный характер педагогического партнерства. Обе стороны приходят к осознанию необходимости развития партнерских отношений лишь под влиянием четкого понимания безальтернативности данной формы формирования у ребенка здорового образа жизни.

По мнению И.В. Кошкиенко, педагогическое партнерство основывается на следующих принципах: целостности (позволяет рассматривать партнерство субъектов образования как систему их деятельности с распределением соответствующих функций, структурой руководства и управления); добровольности (позволяет партнерам активно строить отношения на базе общей деятельности); ответственности партнеров друг перед другом; равновыгодности (обеспечивает достижение результатов, значимых для всех субъектов партнерства) [10, с. 212]. Однако нельзя в полной мере согласиться с принципом равновыгодности, так как несмотря на получаемый всеми сторонами партнерства положительный эффект, его содержание и направленность имеет различное сущностное значение для сторон. Единство целей педагогического партнерства не меняет основополагающее положение: для коллектива дошкольного образовательного учреждения партнерство является прежде всего формой трудовой деятельности.

Развитие педагогического партнерства между дошкольным учреждением и семьей позволяет решать целый комплекс задач. Первая, и самая главная, педагогическое партнерство между семьей ребенка и детским садом позволяет создавать наиболее эффективную систему взаимоотношений, позволяющую решать весь комплекс задач стоящих на пути развития ребенка. Лежащий в основе партнерства принцип гуманизма создает условия для прогрессивной трансформации всего комплекса педагогического процесса. Партнерство своей целью ставит перенос воспитательных акцентов на качественные процессы личностных характеристик ребенка, будущего члена общества. Задача состоит не в формировании у ребенка собственного чувства «центра вселенной», а максимальное раскрытие его способностей, выявление различных граней таланта, гармонизации отношений между личностью и обществом. «Дошкольный возраст имеет богатейшие возможности для развития творческих способностей. К сожалению, эти возможности с течением времени необратимо утрачиваются, поэтому необходимо как можно эффективнее использовать их в дошкольном детстве» [11, с. 127].

Вторая задача связана с тем, что педагогическое партнерство способствует росту педагогического капитала всех сторон сотрудничества, путем взаимного обогащения педагогическими навыками, использованием их, с дальнейшим преобразованием и совершенствованием. Педагогический капитал можно рассматривать как агрегацию педагогической квалификации, знаний, навыков и умений, социальной адаптивности, используемых в педагогическом процессе с целью развития полноценной человеческой личности, удовлетворения потребностей самого носителя и общества в целом.

Третья задача, а именно, улучшение качества образовательных программ возможно за счет привлечения и использования передового опыта семейного воспитания. Партнерство сторон подталкивает к активизации воспитательные возможности членов семьи, и, как следствие, родители в большей мере и с большей заинтересованностью принимают участие в образовательном процессе. В свою очередь, участие родителей в данном процессе трансформируется: из относительно пассивных

наблюдателей за деятельностью педагогов они превращаются в активных участников воспитательного и образовательного процесса.

Четвертая задача, партнерство родителей и дошкольного учреждения способно создавать единую социально-педагогическую среду для ребенка и в большей мере влиять на качественное формирование его личностных свойств. Достаточно часто «главной установкой родителей считается умение их чада считать, читать и даже писать. При этом забывается такое важное качество, как умение учиться, бесконфликтно входить в новую среду» [12, с. 116]. Отношения родителей и воспитателей детского сада, основанные на дружбе и доверии, нацеленные на достижение единой цели, усиливают педагогический синергетический эффект. Отношения бипартизма должны дополняться участием в них других социокультурных субъектов (Центры раннего развития, Дворцы детского и юношеского творчества, спортивные секции), приводить к расширению воспитательной пространственной социосреды, и, тем самым, создавать систему трипартизма. Партнерство стирает своеобразную грань между пребыванием ребенка в образовательном учреждении и в семье. Единство ценностных ориентаций у всех сторон партнерства создает условия эмоционального и психологического комфорта для формирования человеческой личности, наиболее восприимчивой к внешнему влиянию в период дошкольного развития.

Пятая задача, участие родителей может распространяться на оказание определенного контроля за деятельностью дошкольного учреждения. Такой контроль позволяет влиять на организацию и планирование мероприятий проводимых в детском саду, усиливая акценты на отдельных направлениях развития. Правильно построенный организационный процесс предусматривает определение перспективных действий, дополнение и коррекцию на взаимовыгодных и взаимодополняющих условиях.

Шестая задача, партнерство оказывает позитивное влияние на детей и родителей неблагополучных семей. В данном случае педагогическое воздействие оказывается не только на ребенка, но и семью. Именно семья оказывает наибольшее влияние на создание здоровой, благополучной личности, родители являются первыми педагогами в жизни ребенка. Запущенность в воспитании ребенка невозможно преодолеть только в стенах детского сада, необходима трансформация социокультурного мировоззрения членов семьи. Достижение такого результата задача сложная и ее решение возможно в условиях участия и воздействия всех членов педагогического партнерства, как воспитателей, так и родительского коллектива. Это требует качественного и количественного роста педагогической и психологической грамотности родителей в процессе воспитания и обучения детей. Фактически, такие родители должны, прежде чем, воспитывать других, сами получить необходимые знания и умения. «Активизация педагогов и родителей закономерно приведет к позитивной социализации детей, творцов общества будущего. И это очень важно, поскольку прогрессивная эволюция общества начинается с позитивной эволюции поведения детей» [13, с. 125].

Седьмая, партнерство позитивно влияет на формирование и укрепление имиджа детского сада. Необходимость данных действий обусловлена следующими факторами:

- позитивный имидж дошкольного учреждения усиливает степень доверия ко всем реализуемым инновационным процессам как со стороны родителей, так и со стороны государства;

- более высокий имиджевый уровень дает возможность привлекать для профессиональной деятельности высококвалифицированных педагогов, способных еще в большей мере положительно повлиять на качество педагогического процесса, создавая тем самым своеобразный мультипликативный образовательный и воспитательный эффект, усиливая социальные связи и социальный капитал;

- усиление позитивного восприятия дошкольного образовательного учреждения позволяет расширить возможности в конкурентной борьбе в условиях сложной демографической и экономической ситуации за набор детей и финансирование.

Ничто не сближает людей в большей мере, чем совместная деятельность, и поэтому, педагогическое партнерство, наряду с другими действиями, должно включать участие педагогов, родителей и ребенка в различных мероприятиях. Активному развитию личности ребенка способствуют различные формы педагогического партнерства. Чем оригинальней они и интересней, тем большее количество пап и мам вовлекается в сотрудничество, тем выше доверие к дошкольному образовательному учреждению [14, с. 173].

Среди них можно выделить следующие направления. Первое, сочетание информационных и визуальных потоков, а именно информационные стенды различной направленности (несущие позитивную информацию); газетная продукция (с непосредственным участием самих детей и с учетом их интересов); формирование библиотечного фонда и его активное использование; детско-родительские клубы (в которых могли бы использоваться, в том числе и профессиональные навыки родителей).

Второе, направленность на активное привитие ребенку любви к родному краю, городу и т. д. В рамках данного вектора возможно проведение краткосрочных экскурсий, проведение родительских собраний с привлечением последних к выступлениям, дискуссиям. «Организация взаимодействия с помощью проектной деятельности по приобщению к родному краю помогает установить партнерские отношения с семьями воспитанников, сделать родителей активными участниками воспитательно-образовательного процесса, повысить их уровень психолого-педагогической культуры» [3, с. 185].

Третье направление предполагает участие родителей в выставках, конкурсах, различных акциях, в том числе благотворительных, проводимых детским дошкольным учреждением. «Родители являются лучшими сотрудниками детсада, поскольку обогащают не только материальную базу учреждения, но и сотрудничают в образовании детей, участвуя в подготовке и организации различных торжеств, экскурсий, занятий внеклассной комнаты и др.» [15, с. 156–157].

Четвертое, необходимо осуществлять аналитическую деятельность, реализуемую через проведение опросов, анкетирования всех участников и сторон педагогического партнерства. Какие именно мероприятия имеют большую эффективность в процессе позитивного развития личности ребенка, какие более продуктивны и значимы однозначно сказать сложно. Как правило, оценивание работы дошкольного учреждения с детьми и семьей осуществляется исходя из количественных критериев реализованных мероприятий. Качество, их востребованность у родителей и детей, полученный педагогический эффект анализируется недостаточно, и поэтому, обратная связь позволяет в большей мере оценить усилия педагогов. Важность проведения аналитической деятельности обуславливается также фактором временного интервала между действиями педагогов и семьи по воспитанию, и получаемым эффектом по мере взросления ребенка.

Пятое, важной составляющей партнерства является проведение совместных праздников, тематических бесед с известными людьми. Тематика и характер таких встреч может оказать позитивное влияние лишь только в случае заинтересованности в них самих детей. Шестое, не меньшее позитивное влияние оказывает совместная работа по благоустройству детских территорий, как самого детского сада, так и прилегающей территорий. В данном случае наглядная деятельность родителей и работников

дошкольного учреждения является лучшим примером для воспитанников. Формы реализации партнерства могут иметь несколько направлений, при этом главная цель остается неизменной — перманентное развитие, формирование высоких личностных характеристик ребенка.

Формы реализации педагогического партнерства могут существенным образом варьировать. Каждое дошкольное образовательное учреждение может вносить, использовать и распространять новые элементы, составляющие партнерства с семьей ребенка. Вместе с тем, «взаимодействие с родителями должно гармонично вписываться в общую педагогическую концепцию детского сада. Каждый детский сад должен разрабатывать свои собственные, соответствующие ситуации и социальному окружению формы и содержание партнерства с родителями. Через все отдельные мероприятия красной нитью должна проходить объединяющая их смысловая идея» [16, с. 211].

На пути развития педагогического партнерства существует ряд проблем, требующих своего решения. К ним можно отнести следующие:

- существует четко выраженная разобщенность действий, отсутствие стремления объединить усилия между дошкольными образовательными учреждениями и иными учреждениями социальной сферы. Такое положение усугубляется отсутствием необходимой полноценной нормативно-правовой базы, позволяющей объединять усилия на законодательном уровне;

- партнерство, в силу своего инновационного характера, требует пересмотра существующих программ, порой кардинального изменения;

- действующие детские сады не всегда отвечают требованиям родителей, ориентирующихся на наиболее успешные, передовые дошкольные образовательные учреждения;

- педагогическое партнерство требует от педагогического коллектива новой научно-методической основы, так как прежние обеспечение не позволяет реализовать новые идеи и принципы;

- реализация партнерства повышает требования к педагогам, прежде всего роста педагогического мастерства, получение новых знаний, квалификации;

- изменение системы заставляет избавляться от педагогически устаревших, нецелесообразных форм и методов, побуждает приспосабливаться к новым условиям;

- преградой реализации партнерства выступает значительная дифференциация родителей детей, исходя из критериев специфики семейной жизни, располагаемой педагогической культуры и образовательного уровня. Наибольшую поддержку идеи педагогического партнерства имеют среди активных родителей, участвующих в деятельности детского сада, проявляющие искренний интерес к формированию здорового образа жизни ребенка. Однако, значительная категория родителей проявляет равнодушие, безучастность к новаторству. Такая группа требует от педагогического коллектива дошкольного учреждения дополнительного психологического воздействия, активной разъяснительной и просветительской работы. Кроме названных групп, ряд родителей проявляют неумение, а подчас, и нежелание выполнять свои родительские обязанности. Позитивное воздействие на них возможно оказывать только совместными усилиями родителей и педагогов. Представить себе ситуацию, в которой большинство родителей займут активную позицию и начнут участвовать в образовательном процессе своих детей, достаточно трудно. Что не менее важно – воспитатели к этому тоже не готовы. Поэтому в сложившейся ситуации наиболее целесообразно постепенно менять ситуацию в лучшую для воспитанников сторону, а значит, способствовать установлению взаимопонимания педагогов и родителей по вопросам воспитания подрастающего поколения [17, с. 79];

- недостаточное развитие психолого-педагогического сопровождения, что обусловлено, с точки зрения В.Л. Малащенко, недостаточным осознанием руководителями и педагогами дошкольного образовательного учреждения психолого-педагогического сопровождения родителей; недостаточным знанием проблем молодой семьи; несовершенством самой технологии психолого-педагогического сопровождения на разных этапах родительства [18, с. 76].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Первое, повышение эффективности и качества системы дошкольного образования является одной из важнейших проблем современной педагогической науки и практики. Педагогическое партнерство между семьей и дошкольным образовательным учреждением позволяет решить проблему перманентного устойчивого развития образовательной системы. Второе, педагогическое партнерство дает возможность коренным образом менять общественное мышление и поведение родителей, усилить осознание приоритетности в жизни и формировании личности ребенка. Третье, сотрудничество между родителями и педагогическим коллективом стирает у ребенка границы между семьей и детским садом, создает настоящее чувство единой семьи, сплоченной и творческой, руководствующейся идеями гуманизма. Четвертое, партнерство наряду с развитием адаптивных социокультурных способностей, способствует активному развитию личности, ее креативных способностей. Пятое, сотрудничество сближает воспитательные и образовательные позиции родителей и педагогического коллектива, формирует общность целей и способов их достижения, паритетность сторон, на основе открытости и доверия.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении связаны с рассмотрением зарубежного опыта педагогического партнерства дошкольного образования и семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социально-педагогические факторы успешной социализации обучающихся : коллективная монография / Шептенко П. А., Свиридов А. Н., Гиенко Л. Н. и др. ; под ред. П. А. Шептенко. – Барнаул : АГПУ, 2016. – 167 с.
2. Бутова Т. Г. Развитие сферы дошкольных услуг: проблемы регулирования : монография / Т. Г. Бутова, Е. Г. Григорьева, В. В. Куимов. – Красноярск : СФУ, 2011. – 173 с.
3. Пантелеева Н. Г. Социальное партнерство детского сада и родителей / Н. Г. Пантелеева // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 4. – С. 182-189.
4. Красношлык З. П. К вопросу социального партнерства дошкольной образовательной организации и семьи в современных исследованиях / З. П. Красношлык // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 24-1. – С. 106-111.
5. Сулимова Н. П. Социальное партнерство дошкольной образовательной организации с родителями / Н. П. Сулимова // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 12-2. – С. 147-151.
6. Закон ДНР «Об образовании» от 19 июня 2015 г. № 111-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-obrazovanii/>
7. Остапенко Т. В. Социализация личности ребенка через игру, тесное партнерство семьи, детского сада, общества / Т. В. Остапенко, Н. Е. Алехина // Вестник научных конференций. – 2017. – № 10-4(26). – С. 100-101.
8. Бодрякова А. Н. Оптимизация взаимодействия педагогов с родителями в сельском дошкольном образовательном учреждении как фактор повышения результативности образовательного процесса / А. Н. Бодрякова, В. Ю. Бодряков // В сборнике: Взаимодействие педагогов и специалистов социальной сферы с разными категориями населения материалы IX Международных социально-педагогических чтений им. Б. И. Лившица. 2018. – С. 15-19.
9. Горбунова Н. П. Социально-педагогическое партнерство детского сада и семьи как фактор социализации ребенка дошкольного возраста / Н. П. Горбунова // В сборнике: Школа как платформа для успешной социализации обучающихся на уровне профессионального образования материалы IV региональной научно-практической (очно-заочной) конференции. 2017. – С. 15-16.

10. Кошкиенко И. В. Взаимодействие педагогов и родителей как социальная и психолого-педагогическая проблема / И. В. Кошкиенко // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 209-212.
11. Шкрыль Н. М. Взаимодействие дошкольной организации и семьи в вопросах развития у детей творческого потенциала / Н. М. Шкрыль, Л. Н. Шарафутдинова // Самарский научный вестник. – 2014. – № 1 (6). – С. 124-127.
12. Добродеева Н. Е. Партнерство детского сада и семьи в процессе подготовки детей к школе. Семейный клуб "Дошколенок. Готовимся к школе вместе" / Н. Е. Добродеева // В сборнике: Развитие родительских компетенций материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Отв. ред. Т. А. Семенова. 2015. – С. 115-120.
13. Ведерникова Н. Н. Социальное партнерство семьи и детского сада в вопросах формирования межнациональной толерантности детей на современном этапе развития общества / Н. Н. Ведерникова // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 3. – С. 120-125.
14. Давыдова И. Н. Современные подходы к организации взаимодействия семьи и дошкольной образовательной организации / И. Н. Давыдова, Н. В. Кузина, С. П. Чаматова // В сборнике: Слагаемые педагогической практики Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 172-176.
15. Перепелюк І. Досвід Польщі з організації партнерства сім'ї і дошкільного навчального закладу у вихованні дитини / І. Перепелюк // Педагогічний процес: теорія і практика (серія: педагогіка). – 2017. – № 4 (59). – С. 152-158.
16. Алиева Э. Ф. Организация социального партнерства дошкольной образовательной организации и родителей в условиях реализации нового стандарта дошкольного образования / Э. Ф. Алиева, В. К. Загвоздкин // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2014. – № 4 (36). – С. 205-211.
17. Балалиева О. В. Методические аспекты развития социального партнерства в ДОУ / О. В. Балалиева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 15. – С. 77-80.
18. Малашенкова В. Л. Проблема психолого-педагогического сопровождения родительства в системе общественно-семейного взаимодействия / В. Л. Малашенкова // В сборнике: XXVIII Ершовские чтения. Сборник научных статей. Отв. ред. С. А. Еланцева. 2018. – С. 76-79.

Поступила в редакцию 04.02.2019 г.

PEDAGOGICAL PARTNERSHIP OF FAMILY AND PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION

A.A. Golovinova, D.A. Chernishev

The article deals with the problem of the pedagogical partnership of preschool educational institutions and the family in the upbringing and education of children. The role of preschool educational institutions and parents in this process is shown. A theoretical analysis of the concept of "pedagogical partnership" and the practice of organizing partnerships in kindergartens has been carried out, the significance of partnership for the development of the child, preparation for school, its formation as an individual has been determined. The factors that determine the necessity of introducing a pedagogical partnership in the activities of a pre-school educational institution, the forms of its implementation, as well as problems standing in the way of this process are identified.

Key words: cooperation, interaction, actions, harmonization of parent-child relationships, pedagogical partnership, pre-school educational institution, family, personal qualities, child, upbringing, pedagogical capital.

Головинова Алла Анатольевна
студентка 1 курса магистратуры
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: alla.golovinova.70@mail.ru

Golovinova Alla Anatolyevna
1st year undergraduate student
SCE HPE "Donetsk National University"
E-mail: alla.golovinova.70@mail.ru

Чернышев Дмитрий Алексеевич
Доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: chernishevdmityr@gmail.com

Chernishev Dmitry Alekseevich
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Chair of Pedagogy
SCE HPE "Donetsk National University"
E-mail: chernishevdmityr@gmail.com

УДК 37.08

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

© 2019. *Е.Ю. Дробышев¹, Д.А. Чернышев²*

¹*Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 4 города Макеевки»*

²*ГООУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье описаны теоретические аспекты повышения квалификации учителей с точки зрения: принципов организации, целей, проблем и приоритетных направлений развития системы повышения квалификации. Проанализированы принципы, на которых базируется система, выявлены мотивационные факторы способствующие повышению квалификации учителя, определены основные проблемы и сложности в организации повышения квалификации учителей. Приведен перечень потенциальных рисков, с которыми может сталкиваться система повышения квалификации учителей.

Ключевые слова: повышение квалификации, последипломное образование, мотивация к образованию.

Введение. В системе последипломного образования учителей имеет большое значение последипломное повышение квалификации. В силу стремительных изменений в работе учителей, периодическое повышение квалификации является крайне важной и неотъемлемой частью их профессионального развития и профессионального совершенствования.

Повышение квалификации предполагает преобразование стиля и способов педагогического мышления учителя и направлено на перевод педагогической деятельности от простого выполнения обязанностей к творчеству в своей профессии [9, с. 256].

Одной из основных проблем средних школ, описанных в литературе, исследователи видят нехватку высококвалифицированных педагогических кадров. Слабо подготовленный учитель не всегда может ориентироваться в инновационных средствах обучения, может иметь теоретические пробелы в преподавании отдельных тем курса. Именно поэтому современные психолого-педагогические исследования направлены на поиск эффективных способов последипломного повышения квалификации учителей, способных решать актуальные проблемы, возникающие у учителей в процессе своей деятельности.

Цель: теоретический анализ состояния системы последипломного повышения квалификации учителей по следующим аспектам:

- принципы организации последипломного повышения квалификации учителей;
- цели последипломного повышения квалификации учителей;
- мотивационные факторы, способствующие последипломному повышению квалификации учителей;
- актуальные проблемы в организации последипломного повышения квалификации учителей;
- приоритетные направления модернизации системы повышения квалификации учителей химии, ее качества, и риски.

В исследовании О.Г. Евграфовой [3, с. 19] находим определение понятия «система повышения квалификации учителей». Мы разделяем мнение автора по данному вопросу, и считаем, что определение отражает все современные проблемы последиplomного повышения квалификации учителей.

В трактовке исследователя, система повышения квалификации учителей рассматривается как упорядоченная комплексная деятельность учреждений и организаций (институты последиplomного образования, факультеты повышения квалификации при высших педагогических учебных заведениях, районные (городские) методические кабинеты, районные и школьные методические объединения), целью которых является непрерывное совершенствование теоретической педагогической подготовки, профессионального мастерства, расширение культурного, общественного, общепедагогического кругозора учителей, и других лиц, осуществляющих педагогическую деятельность. Использование и внедрение на практике инновационных педагогических разработок, передового педагогического опыта учителей в соответствии с задачами, которые ставит государство и общество перед школой.

Непрерывное повышение квалификации согласно З.В. Возговой, И.Л. Береговой и О.А. Зябловой, Т.В. Живокоренцевой, Е.В. Шадровой базируется на ряде принципов, которые отражают идеи образования взрослых. Стоит акцентировать внимание на таких принципах как:

- принцип непрерывности образования характеризуется как самообразование личности, которое продолжается на протяжении всей жизни;
- принцип диверсификации подразумевает переход системы образования от традиционной системы образования, к многообразным инновационным формам и методам получения образования;
- синергетический принцип определяется сотрудничеством, между учащимися и одновременно их личной автономией;
- принцип вариативности содержания образования подразумевает выбор учащимся непосредственно той образовательной траектории, которая ему необходима;
- принцип динамичности характеризует гибкое изменение содержания образования в зависимости от запросов учащихся;
- принцип паритетности определяет характер взаимоотношений педагогов с учащимися.

Так же выделяют принципы общедоступности, добровольности, единства традиций и инноваций, осознанной перспективы обучения.

Каковы же цели повышения квалификации учителя? Согласно исследованиям: З.В. Возговой, Т.С. Казымовой, А.Е. Ахметова, И.В. Смоляниновой, И.Л. Береговой, О.А. Зябловой, З.В. Дамировой, С.А. Дочкина можно выделить следующие цели:

На уровне человека:

- повышение профессиональной компетентности и развитие мобильности учителя;
- развитие способностей решать профессиональные проблемы эффективно, компетентно и грамотно;
- развитие способностей видеть проблемы и трудности, возникающие в своей профессиональной деятельности;
- способность принимать активное участие в развитии общества;
- формирование гуманистических ценностей в общекультурной и профессиональной среде;

- развитие рефлексивного поведения, способствующего осмыслению, анализу и коррекции своей педагогической деятельности.

На уровне педагогической системы:

- модернизация системы повышения квалификации учителей на основе современных приоритетных и инновационных направлений развития педагогики;
- гибкость и динамичность системы повышения квалификации учителей с учетом спроса на тот или иной вид педагогической деятельности;
- комбинирование передового педагогического опыта обучения с наиболее продуктивными формами и методами традиционной системы обучения.

На уровне социума:

- формирование системы непрерывного образования как основной социальной ценности и средства актуализации социальных и индивидуальных нужд.

Исследования С.А. Дочкина, Л.Ю. Колтыревой, Л.С. Самсоненко, З.В. Дамировой, Ю.А. Комаровой, О.Н. Богдановой, О.Ф. Ильиной, Н.В. Колпаковой описывают ряд проблем последиplomного педагогического образования.

Главными проблемами последиplomного педагогического образования мы считаем:

- отсутствие концепции непрерывного педагогического образования, нормативно-правовой базы и экономических механизмов ее реализации;
- наличие проблем по прогнозированию учительского запроса в повышении квалификации педагогических кадров;
- не достаточное развитие материально-технической базы многих образовательных организаций, осуществляющих последиplomное повышение квалификации учителей;
- слабая поддержка педагогических исследований, развития научных школ и научных направлений в системе педагогического образования;
- противоречия между содержанием педагогического образования и социальным статусом педагогического работника (особенно молодого) и требованиями, предъявляемыми обществом и государством к личности и уровню профессионализма учителя;
- региональная неоднородность систем повышения квалификации учителей, отсутствие гибких траекторий обучения и индивидуальных программ;
- преобладание узконаправленного подхода в повышении квалификации учителей и недостаточность внимания на общепедагогическую составляющую;
- отставание способности дипломированного специалиста адаптироваться к изменениям, которые могут стремительно происходить в его профессии.

Описанные выше проблемы системы повышения квалификации требуют решения и преодоления в контексте модернизации системы в целом.

Одной из существенных проблем, возникающей при повышении квалификации учителя является его мотивация к совершению действий, направленных на развитие профессионального мастерства. В работах [5], [8, с. 19] указываются факторы мотивации к повышению квалификации. Мы разделяем точку зрения исследователей и считаем, что наиболее важными факторами, стоит выделить следующие:

- экономический фактор – более высокая заработная плата, устойчивое положение на занимаемой должности, возможность продвижения по «карьерной лестнице»;
- социально-экономический фактор – желание приносить пользу своими действиями системе образования, обществу и экономике государства;

• личностный фактор – заинтересованность в расширении знаний в сфере профессиональной деятельности, совершенствование профессиональных навыков, обучение инновационным педагогическим методикам и их применение в собственной педагогической практике, развитие психолого-педагогических качеств.

В [8, с. 19] приводятся сведения, согласно которым, большинство учителей средних школ, повышающих квалификацию, мотивированы экономическим фактором. Компоненты социально-экономического и личностного фактора, как правило, отходят на второй план.

На наш взгляд, мотивация учителя к повышению квалификации должна быть осознанной и не принудительной. Наиболее продуктивное обучение реализуется в том случае, если оно базируется на принципе добровольности, принципе осознанности обучения, синергетическом принципе.

Приоритетными направлениями модернизации системы повышения квалификации учителей, выявленными нами, являются следующие:

• учет интересов учителей и личностно-ориентированный подход в повышении их квалификации;

• деятельностно-компетентностный подход в организации последипломного повышения квалификации, обеспечивающий формирование общих и профессиональных компетенций учителей в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта основного и среднего образования [2, с. 8–9];

• оценивание качества дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации за счет привлечения работодателей и профессиональных сообществ;

• совершенствование структуры и обновление содержания программ повышения квалификации, в соответствии с приоритетными направлениями развития региона, требованиями профессиональных стандартов [4, с. 6].

С учетом принципов модернизации системы повышения квалификации учителей, в литературе [7, с. 7; 10, с. 98–99] приводятся качества, которыми должна обладать такая система, для ее успешного функционирования. Это такие качества как:

• способность прогнозирования учительского запроса по вопросам повышения квалификации;

• гибкая адаптация и реагирование системы повышения квалификации к реализации поступившего запроса;

• формирование программ повышения квалификации учителей с учетом выявленных конкретных трудностей в их педагогической практике;

• повышение квалификации не только по дисциплинам профессионального направления, но и по общепедагогическим направлениям;

• формирование способности учителя к самоорганизации и рефлексии своей профессиональной деятельности;

• активное взаимодействие всех субъектов учебного процесса;

• индивидуальная образовательная траектория каждого учителя;

• проведение курсов повышения квалификации учителей не в учебной аудитории, а в «реальной среде» образовательного учреждения и отработка новых профессионально – педагогических умений и навыков непосредственно на практике.

О.Г. Евграфова [3, с. 20] утверждает, что система повышения квалификации учителей эффективно работает в случае, если она непрерывно взаимодействует с

системой педагогического образования в целом. По мнению исследователя в повышении квалификации учителя важной является специфика конкретного региона, особенности его социо-культурной и производственно-экономической сферы.

В работах [1, с. 139], [6, с. 16], [8, с. 15], описаны приоритетные направления развития системы последипломного повышения квалификации учителей на ближайшее будущее. Стоит выделить следующие направления:

- диагностика и учет профессиональных потребностей и затруднений и соотнесение содержания последипломного повышения квалификации с актуальными профессиональными потребностями учителей;
- совершенствование учебного плана учебного заведения, осуществляющего последипломное повышение квалификации, с учетом профессиональных потребностей учителей;
- непрерывное повышение профессионального мастерства преподавателей, преподающих в заведениях, осуществляющих повышение квалификации учителей;
- предоставление возможности выбора научно-практических проблем самим учителям; использование инновационных форм, методов, средств обучения.

Принципы реализации последипломного повышения квалификации, включающие в себя все упомянутые ранее качества и приоритетные направления развития должны реализовываться в учреждениях последипломного педагогического образования. Стоит выделить требования, предъявляемые к организациям, осуществляющими последипломное повышение квалификации учителей.

В.И. Ильина и др. [4, с. 5] приписывают таким организациям осуществление функции по формированию представления об образе современного учителя; формирование целей профессионально – личностного развития и саморазвития учителей; освоение и внедрение в образовательную среду инновационных образовательных технологий; формирование мотивации и заинтересованности учителей в повышении своего профессионализма; формирование во внешней среде представления о системе профессиональной переподготовки и повышения квалификации учителей, ее целях и стремлениях.

В работе [4, с. 9] приводится перечень рисков, с которыми сталкивается система последипломного педагогического образования. По нашему мнению, наиболее существенными из них являются следующие:

- сложности, связанные с необходимостью частого обновления структурно-содержательных элементов системы последипломного повышения квалификации учителей, обусловленные стремительным развитием системы образования и изменением образовательных запросов учителей;
- недостаточная компетентность работодателей в оценке качества последипломного педагогического образования;
- недостаточная готовность организаций высшего профессионального образования к сотрудничеству с организациями, осуществляющими последипломное повышение квалификации учителей, для реализации совместных проектов, направленных на повышение квалификации учителей.

Заключение. С учетом приведенных актуальных проблем, требований, принципов, приоритетных направлений развития системы последипломного повышения квалификации учителей, попытаемся сформировать миссию организации, которая должна осуществлять такой вид деятельности.

По нашему мнению, такая организация – это многофункциональный многоуровневый инновационный центр, в котором реализуются современные и

актуальные формы и методы последипломного повышения квалификации учителей. Формы и методы направлены на развитие и совершенствование, как общепедагогических компетентностей, так и компетентностей сугубо предметных, с учетом интересов и профессиональных запросов учителей, которые будут конкурентоспособными на рынке образовательных услуг после сотрудничества с такими организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дамирова З.В. Специализация в системе последипломного образования как форма повышения квалификации // Гуманитарный журнал. – 2010. – № 1-2. – С. 137 – 141.
2. Дочкин С.А. Система повышения квалификации педагогов как основа модернизации педагогического образования и инновационного развития регионов // Научно-теоретический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–12.
3. Евграфова О.Г. Становление системы повышения квалификации педагогических кадров Татарстана: : Автореф... дис. канд. пед. наук. – Нижний Новгород: , 2011. - 22 с.
4. Ильина И. В., Подушкина И. М., Белова С. Н. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации педагогических работников: новое видение // Психолого–педагогический журнал «Гаудеамус». – 2016. – Т.15. – № 1. – С. 72 – 77.
5. Казымова, Т.С. Теоретические основы процесса повышения квалификации преподавателя: его сущность, структурообразующие компоненты готовности и принципы // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6.
6. Комарова Ю.А. Дидактическая система формирования научно – исследовательской компетентности средствами иностранного языка в условиях последипломного образования: : Автореф... дис. д-ра пед. наук. – Санкт - Петербург: ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» , 2008. – 49 с.
7. Клещева Н. А., Сакович Л. П. Подготовка учителей естествознания для профильной школы в системе дополнительного профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. – 2012. - №2. – С. 1 – 10.
8. Коблова О. А. Профессиональное становление учителя изобразительного искусства в процессе переподготовки педагогических кадров: Автореф... дис. канд. пед. наук. – Москва: ГУ «Институт художественного образования Российской академии наук» , 2007. – 22 с.
9. Созонтова О.В. Подходы к моделированию повышения квалификации учителя химии в условиях реализации Федеральных Государственных образовательных стандартов. Актуальные проблемы химического образования в средней и высшей школе: сборник научных статей. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – С. 255-258.
10. Ярош М. А. Дополнительное педагогическое образование как составляющая системы непрерывного профессионального образования: сущность и перспективы развития // Крымский научный вестник. – 2016. – №5. – С. 96 – 111.

Поступила в редакцию 10.01.2019 г.

PRINCIPLES OF ORGANIZATION, PROBLEMS AND PRIORITY DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF POST-DIPLOMATIC IMPROVEMENT OF TEACHERS

E.U. Drobyshev, D.A. Chernishev

The article describes the theoretical foundations of the process of professional development of teachers in terms of: principles of organization, goals, problems and priorities for the development of the system of professional development. The principles on which the system of advanced training for teachers is based are analyzed, the motivational factors contributing to the improvement of teacher's skills are identified, the main problems and difficulties in organizing teacher development described in modern pedagogical research are identified. The list of potential risks that may be faced by the system of teacher development can be found.

Key words: advanced training, postgraduate education, motivation to education.

Дробышев Евгений Юрьевич

Учитель химии,

Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 4 города Макеевки»

E-mail: chernishevdmity@gmail.com

Drobyshev Yevgeniy Yurievich

Chemistry teacher,

Municipal Educational Institution "Secondary
school No. 4 of Makeyevka"

E-mail: chernishevdmity@gmail.com

Чернышев Дмитрий Алексеевич

Доктор педагогических наук, доцент,

профессор кафедры педагогики

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: chernishevdmity@gmail.com

Chernishev Dmitry Alekseevich

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate

Professor, Professor of the Chair of Pedagogy

SCE HPE "Donetsk National University"

E-mail: chernishevdmity@gmail.com

УДК 378.015:613:572-057.875

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2019. *Е.В. Еремка*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье обоснована важность антропологического подхода в исследовании валеологической подготовки студентов. Синтез знаний о человеке в антропологии неизменно связан с особенностями его жизнедеятельности, поведения, обычаев, традиций, культуры, образа жизни, сохранения здоровья. Антропологический подход позволяет формировать готовность студентов к валеологической деятельности во всех аспектах ее человеческой сущности: исторической, палеонтологической, биологической, этнографической, социологической, демографической, религиозной и др.

Ключевые слова: антропологический подход, валеологическая подготовка, здоровье, валеологическая деятельность.

Антропологический подход в исследовании валеологической подготовки студентов основывается на антропологически ориентированной направленности этого педагогического процесса. Антропология (от греч. ἀνθρωπολογία, ἄνθρωπος – человек; λόγος – наука) – совокупность естественнонаучных дисциплин, занимающихся изучением человека во всех аспектах его человеческой сущности. Антропология изучает происхождение человека, эволюцию физической организации человека и его рас, развитие физических различий между людьми, сложившимися в ходе их развития в различных естественно-географических условиях, изучает человека как биоэнергетическое существо, его социальность и разумность, духовность и креативность, целостность и противоречивость, онтогенез и филогенез. Рассматривает культуру как антропологический феномен, воспитание как антропологический процесс, дает характеристику антропологически безупречных педагогических систем.

Т. Инголд, отграничивая антропологию от других академических дисциплин, отмечает: «Особенностью антропологии является то, что мы занимаемся исследованиями вместе с людьми. Мы учимся воспринимать вещи (смотреть на них, трогать, слышать) так, как это делают они. И это заставляет нас видеть и свой привычный мир совершенно по-новому. В некотором смысле, таким образом, антропологическое образование не экипирует нас знанием о мире – о людях и обществах, к которым они принадлежат. Оно идет дальше – оно воспитывает в нас определенное восприятие мира, открывая нам глаза на возможность иных способов бытия, чем наш собственный. Речь идет о том, что изучая, мы учимся» [1, с. 10–15].

Антропология изучает:

- естественную историю человека (эмбриологию, биологию, анатомию, физиологию, психологию);
- палеонтологию (предысторию и первобытность человека);
- этнологию (распространение человека как биологического вида на Земле, поведение, обычаи разных племен и народов);
- мифологию (историю возникновения, развития и взаимодействия религий);

- социологию (отношения людей между собой);
- демографию (закономерности воспроизводства человека);
- медицинскую географию (воздействие на человека климата, атмосферных явлений, а также географическую патологию);
- лингвистику (образование языков и их связи между собой, легенды, мифы, фольклор) [2].

Как видим, в антропологии осуществляется синтез знаний, лежащих в разных плоскостях, но неизменно пересекающих плоскость знаний об особенностях жизнедеятельности, образе жизни, здоровье человека. Рассматривая антропологический подход как исследовательский подход в валеологической подготовке студентов, проанализируем связь перечисленных научных знаний со здоровьем человека.

Естественная история человека, включающая знания о биологической сущности человека, является фундаментальной в понимании здоровья, его развития. Например, знания из эмбриологии нам дают представление о развитии человека на эмбриональном (зародышевом) этапе его развития или беременности, которая заканчивается рождением ребёнка. Усвоенная студентами теоретическая база научных данных о факторах внутренней или внешней среды, негативно влияющих на развитие эмбриона, поможет валеологически грамотно оценить ситуацию, правильно и своевременно принять необходимые меры и таким образом предотвратить внутриутробную патологию, т.е. сохранить здоровье, а может быть и жизнь ребёнку. Общеизвестно, что алкоголь, наркотики, токсические вещества, принимаемые женщиной во время беременности (особенно в ранние сроки), могут привести к очень серьёзной патологии плода. Формирование у студентов валеологических знаний о последствиях приема во время беременности наркотических или токсических веществ позволит предотвратить возможную патологию, сохранить физическое и психическое здоровье ребёнка.

Во время беременности важно обратить внимание и на такие факторы внутренней среды организма женщины, как наличие возбудителей различных инфекционных заболеваний. В качестве примера рассмотрим хламидиоз. Заболевание передается в основном половым путем, очень распространено. Согласно данным ВОЗ, около 30 % людей во всем мире инфицированы, пик заболеваемости приходится на 19-25 лет, т.е. молодежь репродуктивного возраста. Возбудитель заболевания, поступив в организм может поражать любые органы и системы как у взрослого заболевшего, так и у инфицированного развивающегося внутриутробно плода. Если в организме матери присутствует возбудитель (даже если она не болеет, а является носителем инфекции), через кровь инфекция передается в организм будущего ребёнка, провоцируя у него непредсказуемые различные патологические отклонения в развитии. Поэтому очень важно в процессе валеологической подготовки формировать у студентов знания о репродуктивном здоровье, понимание, что здоровье будущих родителей является гарантией здоровья их будущего ребёнка. В последние годы участились случаи наследственных заболеваний. К сожалению, это не только количественные показатели, появляются новые, ранее не известные заболевания. Своевременное обследование в генетических лабораториях поможет во время диагностировать и предупредить заболевания этой группы.

Научные сведения о возрастных анатомо-физиологических особенностях организма человека являются фундаментальными и в медицине, и в возрастной физиологии, и в психологии, и в педагогике, и в валеологии, так как обеспечивают понимание закономерностей онтогенетического развития. Антропологический подход

как принципиальная методологическая ориентация в исследовании валеологической подготовки студентов объединяет сложные и многогранные знания о человеке, возрастных особенностях организации его организма и здоровья в их взаимосвязи и взаимозависимости в целостную систему. Именно поэтому антропологический подход в валеологической подготовке студентов способен обеспечить повышение эффективности подготовки будущих специалистов в вопросах здоровьесбережения и здоровьесформирования, их готовности к валеологической деятельности.

Палеонтология представляет интерес для понимания процессов развития определенных органов и систем в организме человека, их роли в адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, дает возможность поиска путей их совершенствования.

Важное значение в понимании здоровья, отношения к нему, в поведении, обычаях, традициях разных племен и народов имеют *этнологические знания*. У каждого народа, народности есть своя система подходов к формированию, сохранению и укреплению здоровья. Благодаря антропологическому подходу, знания о физической активности, питании, отношении к окружающей природе, адаптации к изменяющимся условиям, методам профилактики и лечения болезней приобретают целостный характер. Не зная истоков, невозможно понять, а потом и создать систему оздоровления с учетом этнических и индивидуальных особенностей организма человека.

Возникновение *мифологии*, а затем и религий также дают нам представление о развитии отношения к человеку, его проблемам, жизни, здоровью, отношения к окружающей его природе. Христианская картина мира имеет строгую иерархию: бог – человек – природа. В христианстве человек поставлен на вершину пирамиды земного мира. Созданный по подобию Бога, человек наделен чертами Бога, он полностью отчужден от мира природы (в отличие от основ языческого отношения к природе) [3, с. 132]. В восточных религиях первостепенное значение придается миру природы. Человек не выделяется из природы, он является ее частью. Человек находится в полной гармонии с природой, черпает силы и здоровье из природы [3, с. 178]. Основанные на представлении единства человека и природы, были созданы многие системы оздоровления, которые не утратили своей актуальности и в настоящее время.

Социология (от лат. *societas* – общество, др.-греч. λόγος – наука) – это наука об обществе, о системах, составляющих его, о закономерностях развития и функционирования общества в целом, а также его социальных институтов, отношениях в общностях, закономерностях социальных действий и массового поведения людей, отношениях между личностью и обществом. Связь социологии с антропологией прослеживается и в методах, и в предметах исследования. И социология, и антропология изучают статус человека, его взаимодействие с другими людьми и группами, его образ жизни, экологическую и демографическую ситуацию, проблемы образования, культуры, науки. Социология рассматривает модели социальных ценностей, социальных перемен, определяет социальное поведение человека, господствующие этнические, моральные и духовные ценности, демографическую, экономическую и классовую структуру общества, территориальные факторы. Круг интересов социологии, антропологии и валеологии пересекается в вопросах образа жизни людей, их здоровья, культуры, демографии, моральных и духовных ценностей, поведения и т.д. Поэтому антропологический подход в сочетании с социологией, позволит обеспечить целостность процесса валеологической подготовке студентов, наполнить его новым содержанием.

Социология изучает человека как представителя различных групп и культурных общностей. В структуре социологических знаний находится совокупность сведений, раскрывающих механизмы жизнедеятельности и функционирования социальных общностей, процессы социализации человека (воспитание, образование, социология культуры, политики, труда и управления, досуга).

Антропология изучает человека как физическое существо, биологические изменения в процессе его развития, развитие физических различий между людьми, обитающими в различных географических условиях. Но предметом изучения антропологии являются и этнология, и мифология, и культура, и образование (обучение и воспитание), также как и социология изучает человека как индивида. В этом случае сфера интересов социологии и антропологии совпадает, но они не дублируют, а дополняют и друг друга и валеологию, как самостоятельную область научного знания. Социологические исследования могут быть посвящены проблемам здоровья, здорового образа жизни, методам оздоровления и т.д. Результаты таких социологических исследований могут использоваться в интересах всего общества, так как вскрывают возникающие проблемы. Например, благодаря социологическому исследованию можно выявить структуру заболеваемости населения региона, уровень и качество здоровья и т.д. Диагностика ситуации позволит объективно ее оценить и своевременно принять адекватные профилактические меры.

Таким образом, антропологический подход в валеологической подготовке студентов обеспечивает единство социологических и валеологических знаний и умений; формирование валеологической культуры как компонента общей и профессиональной культуры будущего специалиста; его готовность к деятельности по сохранению здоровья и ведению здорового образа жизни;

Демография (словосочетание от др.-греч. δῆμος – народ, др.-греч. γράφω – писать) – наука о закономерностях воспроизводства населения в зависимости от характера социально-экономических и природных условий, численности, составе и территориальном размещении населения, процессах миграции. Если кратко, демография – наука о закономерностях воспроизводства населения (рождаемости, смертности, брачности, разводимости, и воспроизводства населения в целом). В этих процессах в каждом конкретном регионе демографическая ситуация обусловлена разнообразием факторов и условий, среди которых важное значение имеют социально-экономические, экологические условия, здоровье населения в целом и репродуктивное в частности. В результате активного взаимодействия с науками, находящимися на стыке с демографией и изучающими те или иные аспекты жизнедеятельности людей, в настоящее время выделяют демографию историческую, этническую, экономическую, военную социологическую, палеодемографию и др. Обострение мировой демографической ситуации, проблемы народонаселения стали неотъемлемой частью проблем человечества: демографический взрыв в развивающихся странах, демографический кризис в экономически развитых странах, проблемы урбанизации, мировых международных миграций.

В экологии есть общий закон для всех видов на Земле. Он гласит, что популяции любых видов на планете проходят следующие стадии: *взрыв, кризис, коллапс, стабилизация*. В благоприятной среде популяции любых видов живых организмов увеличивают свою численность взрывным образом (*взрыв*). Рост численности переходит значение, соответствующее биологической емкости среды обитания вида. Из-за избыточной численности популяция обедняет и разрушает среду обитания. Наступает *кризис*, в течение которого численность популяции обрушивается,

стремительно снижаясь до уровня более низкого, чем деградировавшая емкость среды (*коллапс*). За время коллапса среда постепенно восстанавливается, а вслед за этим возрастает численность популяции. Наступает фаза *стабилизации*, когда численность популяции колеблется на уровне, задаваемом емкостью среды.

Безусловно, этот всеобщий экологический закон для популяции человека в чистом виде категорически не приемлем. Демографический кризис в экономически развитых странах связан отнюдь не с разрушением жизненной емкости среды обитания. Уменьшение численности населения, снижение рождаемости, старение общества имеют совершенно другие причины. А демографический взрыв в развивающихся странах не связан с экономическим расцветом этих стран. Очень часто они нуждаются в помощи. Есть множество международных организаций, деятельность которых направлена на оказание всякого рода поддержки населению в этих странах. Но важно отметить и обратную сторону процессов, вызывающих демографическую дестабилизацию. Экономически развитые страны, вторгаясь в экономику развивающихся стран (далеко не всегда мирным путем) провоцируют серьезные демографические проблемы планетарного значения (например, миграция населения Ближнего Востока и Африки в Европу). Попытки искусственной регуляции численности населения также не дают желаемых результатов. Пути разрешения демографических проблем не однозначны и для различных регионов мира еще не определены. Решение этой проблемы возможно только при комплексном взаимодействии демографической науки с другими науками, изучающими жизнедеятельность человека, гуманистической направленности деятельности многих международных организаций.

Антропологический подход в валеологической подготовке студентов обеспечивает тесную взаимосвязь валеологии с демографией. Так, сохранение и укрепление репродуктивного здоровья, профилактика заболеваний половой сферы человека – одна из важнейших проблем валеологической подготовки студенческой молодежи.

В *медицинской географии* рассматриваются связи в системе среда-здоровье в пространственном аспекте. Выделяют:

- *медицинское ландшафтоведение* изучает влияние ландшафтов на здоровье человека, а также влияние последствий антропогенных воздействий на здоровье человека и природные комплексы;
- *медицинское страноведение* исследует медико-географические особенности территорий различных стран, включая климат, погодные особенности, географическое положение;
- *нозогеография* изучает географию болезней, т.е. географическое их распространение.

Географическое положение определенной территории может обусловить ряд заболеваний. Например, в горных районах население употребляет талую воду, в которой отсутствует йод. Недостаток йода является причиной нарушения функции щитовидной железы (развивается эндемический зоб).

Образование языков и их связи между собой, легенды, мифы, фольклор имеют важное значение в передаче информации вообще и в том числе о здоровье, о способах его сохранения и укрепления. Благодаря языкам до нас дошли древнейшие китайские руководства по здоровью «Кун-фу» (около 2700 г. до н.э.), в которых представлены различные упражнения лечебной гимнастики, болеутоляющего массажа. Около 1800 лет до н.э. появилась традиционная система индийской медицины – Аюрведа, которая

является не только медицинской, но и философской системой. Она рассматривает человека как часть Вселенной, состоящего с ней в теснейших мистических связях. Лечение в Аюрведе начиналось с восстановления духовного равновесия.

Исходя из того, что антропология включает в себя знания из многих отраслей наук, ее дифференцируют на:

- философскую;
- религиозную,
- культурную;
- психологическую;
- педагогическую и др. [2].

Педагогическая деятельность в педагогической антропологии рассматривается как целостный процесс, направленный на целостное же развитие не только сознания, чувств и воли, но и на совершенствование телесных, душевных и духовных стремлений человека, что полностью совпадает с направленностью процесса валеологической подготовки студентов.

Педагогическая антропология является:

- теорией современного педагогического знания;
- научной основой гуманитарного педагогического мировоззрения;
- теоретическим обоснованием педагогических инноваций в области воспитания [2].

В.А. Сластенин антропологические знания считает ядром профессиональной компетенции педагога. Именно антропологические знания обуславливают осознанное использование личностно-ориентированных педагогических технологий, приоритет субъектно-смыслового стиля над информационным.

Выводы. Антропологический подход в исследовании валеологической подготовки студентов, интегрируя знания о человеке на всех уровнях его организации, во всех аспектах его человеческой сущности: исторической, палеонтологической, биологической, этнографической, социологической, демографической, религиозной и др., обеспечивает возможность повышения эффективности решения задач по формированию готовности студентов к валеологической деятельности. Антропологический подход позволяет познать и понять человека, а сложные и многогранные знания о человеке, его биологической, социальной и духовной природе, жизнедеятельности, здоровье объединить в целостную систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Инголд Т. Предисловие / Т. Инголд, А. Барнард // Социальная антропология. Исследуя социальную жизнь людей. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2009. – С. 10–15.
2. Максакова В. И. Педагогическая антропология : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / В. И. Максакова. – М. : Академия, 2001. – 205 с.
3. Ясвин В. А. Психология отношения к природе / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2000. – 456 с.

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF VALEOLOGICAL TRAINING OF STUDENTS OF A CLASSICAL UNIVERSITY

E.V. Yermka

The article substantiates the importance of the anthropological approach in the study of valeological training of students. The synthesis of knowledge about man in anthropology is invariably associated with the peculiarities of his life activity, behavior, customs, traditions, culture, lifestyle, preservation of health. The

anthropological approach allows students to formulate readiness for valeological activity in the totality of knowledge about a person in all aspects of his human essence: historical, paleontological, biological, ethnographic, sociological, demographic, religious, etc.

Key words: anthropological approach, valeological preparation, health, valeological activity.

Еремка Елена Владимировна,
кандидат биологических наук, доцент,
зав. кафедрой педагогики ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
E-mail: eremka.elena@mail.ru

Yeremka Elena Vladimirovna,
candidate of biological sciences, associate
professor, Head of the Department of Pedagogy
SEI HPE «Donetsk National University»
E-mail: eremka.elena@mail.ru

УДК 37.037-057.875

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

© 2019. *И.П. Зенченков*

ГОО ВПО «Донецкий институт физической культуры и спорта»

Статья посвящена теоретическому рассмотрению и анализу проблемы самореализации личности как основы духовной составляющей физической культуры личности. Рассматривается история возникновения и дальнейшее развитие понятия самореализации в науке. Теоретический обзор показал, что проблема самореализации личности является наиболее актуальной и в последнее время. Начало её исследования осуществляется с античных времён. Определены основные проблемы и тенденции исследования самореализации личности.

Ключевые слова: самореализация, духовность, личность, физическая культура.

Современное преобразование различных сфер образования требует постоянное переосмысление различных направлений в процессе профессиональной подготовки будущих учителей. Однако, не смотря на происходящие различные преобразования в высших учебных заведениях, приоритетом остаётся не только подготовка узкопрофильного грамотного специалиста, но и формирование, а в последующем и развитие творческой личности профессионала, способного к быстрой адаптации к изменяющимся внешним социальным и экономическим условиям в обществе с последующей самореализацией. Из этого следует, что целью современного образования является формирование разносторонней личности, с развитыми творческими способностями, со сформированными умениями самореализации, самообразования и самовыражения. Такая цель образования, в особенности педагогического, выдвигает поиск и разработку новых методологических подходов, соответствующих общественному и культурному развитию общества, а также практике процесса профессиональной подготовки будущего учителя.

В настоящее время, процесс профессиональной подготовки должен быть ориентирован на творческую самореализацию личности профессионала. Это является логичным, поскольку, процесс самореализации представляет собой внутриличностную, движущуюся силу. При этом у человека имеется высокая мотивация на достижение поставленных целей, достижение которых сопровождается преобразованиями в психике человека.

Актуальность существующей проблемы самореализации будущего педагога в процессе профессиональной подготовки обретает значимость в той степени, в какой происходит нереализованность в выбранной профессиональной деятельности, которая приводит к неудовлетворённости ею и в последующем к негативным последствиям в учебном и воспитательном процессе с учащимися.

В научной литературе указано, что при рассмотрении понятий «самореализация» и «самоактуализация» подразумевается взаимосвязь с гуманизацией профессионального образования. При повышенной актуальности этого вопроса и научного его рассмотрения, не снижает к нему интерес и в тоже время он не подкреплён в использовании на практике как в процессе педагогического процесса, так и в методологическом обеспечении.

В научной литературе в основном встречаются методологические рекомендации и разработки для уже подготовленных учителей, однако не в достаточной мере разработаны вопросы касающиеся проблемы самореализации будущего учителя в процессе профессиональной подготовки. Поэтому на данный момент, необходимо дальнейшее рассмотрение, разработку, поиск и выявление методологических и педагогических условий, способствующих оптимальному процессу самореализации будущего учителя в процессе непрерывной профессиональной подготовки. Это поможет найти и уточнить те необходимые личностных характеристики или качества, которые необходимы для воплощения самореализации при овладении знаниями, умениями, навыками, профессиональными компетенциями в процессе непрерывной профессиональной подготовкой, а в последующем в педагогической деятельности. С учётом того, что дальнейшее развитие личности в жизни и в профессии происходит через его деятельность.

Цель: провести анализ понятия самореализации как основы духовности в физической культуре личности.

Задачи:

1. Провести теоретический обзор возникновения и развития проблемы самореализации.

2. Определить основные проблемы и тенденции исследования вопроса самореализации личности.

Самореализация представляет собой движущую силу человека, которая может направлять и побуждать его к деятельности. Проблема самореализации личности является наиболее актуальной в последнее время, однако истоки начала её исследования находятся ещё с античных времён. Так, в сочинениях Платона, просматривается мысль, что зарождение самореализации берёт начало от добродетели. Сама же добродетель представляется в виде умения управления и направления своего ума от временного и низкого, к более устойчивому, постоянному и возвышенному. Для этого необходимо иметь соответствующее воспитание и обладать знаниями, чтобы уметь различать добро и зло, а в последующем вести соответствующий хороший образ жизни. Согласно Сократу, условием для существования добродетели является то, что человек становится полезным. В Сократовском девизе «Познай самого себя» просматривается мысль относительно самореализации человека [7]. Так, в представлении философа моральное совершенствование человека, устойчивость негативным влияниям окружающих, гармоничная согласованность между потребностями и личностными способностями представляет собой главную цель воспитания. Сократ считал, что развитие способностей зависит от проявляемого интереса к знаниям, что является в последующем у личности самоактуализацией. В понимании философа, знания являются бесполезны, если они не имеют нравственной основы.

В это время существовали также взгляды, которые указывали на то, что самореализация, способность участия в окружающем мире и его восприятие представляют собой результат развития человека. Так, Аристотель выражал мысль, что уровень развития человека определяется по его мудрости и здравомыслию [2].

В философии существует большое количество взглядов относительно проблемы человека в окружающем мире. Каждый из этих взглядов не решает полностью проблему и не даёт полное разрешение, однако они дополняют друг друга. В этом случае необходим объединяющий подход. Этот подход может иметь начало в виде самореализации, которая в свою очередь основывается на общечеловеческих и духовных ценностях, поскольку они определяют организацию поведения человека во

внешнем мире и формируют его жизнь в нём. Для нас это является важным, поскольку в нашей работе самореализация осуществляется и основывается относительно ценностей физической культуры. Самореализация и ценности физической культуры взаимодополняют друг друга.

Из этого следует, что всестороннее развитие человека и его самореализация определяют уровень развития и благополучия общества, то есть они являются его условиями развития. Развитие человека осуществляется за счёт его активности и проявления его жизненной позиции, зависящей от твёрдости его взглядов, в последовательности их следования и в выражения целостности, согласованности слов и соответствующих дел.

Идея самореализации человека проходит в различных направлениях философии на протяжении многих веков. Так, в философии позитивизма, человек исследуется с позиции определённого научного знания и человек, относительно этой позиции, выживает за счёт высокоразвитого ума. По мнению Б.А.У. Рассела у человека непродолжительная жизнь, и он сам по себе беспомощен, поэтому он в своей жизни, в независимости от каких-либо внешних обстоятельств должен держать свободным свой разум свободным. Философ считал, что деятельность человека и благосостояние окружающего мира имеют тесную связь. Следовательно, для того, чтобы жить и выживать в окружающем, постоянно меняющемся мире, в человеческой деятельности необходимо благоразумие, рассудительность и терпимость [8].

В философии иррационализма идея самореализации наиболее выражено представлена в работах Л. Шопенгауэра, Ф. Ницше. Согласно их взглядам, сила воли и свобода духа являются способами действия для достижения достойного существования. Согласно положениям по Л. Шопенгауэру, воля представляет собой безусловный источник, основа всего сущего. Он считал, что только человек имеющий волю способен найти и занять своё место в мире, понять и осознать себя, а, следовательно, сможет и осуществить самореализацию. По его мнению, при не развитом «подлинном Я», что и является волей человека, человек не будет приспособлен к осуществлению нормальной деятельности и к нормальной жизни. Таким образом, человек в своей жизни будет счастливым, если он сможет иметь соответствующее ему положение, заниматься своим делом, и вести свой образ жизни. В этом случае выполняются все условия для его самореализации. Так, саморазвитие и самореализация человека осуществляется в деятельности, согласно знания и понимания своих индивидуальных особенностей [8].

В философском направлении экзистенциализма наиболее остро ставили проблему человека, его переживаний, поступков и индивидуальности философы М. Хайдегер, С. Кьеркегор, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др. В этом направлении ориентиром является индивидуальность личности. Человеку, чтобы существовать в мире, необходимо не только понять свой внутренний мир, но и проанализировать свои способности и возможности. Поэтому центральным в этом направлении является проблема человека. В связи с этим, это несколько противопоставляется индивидуальное социальному бытию. Это отражается на том, когда человек попадает крайние или пограничные жизненные положения. В зависимости от этого, человек становится перед выбором своего поведения, ориентира ценностей и идеалов. Одним из основных моментов в экзистенциализме выходит самореализация. В течении жизни, когда человек формирует себя как личность, тогда и осуществляется его самореализация. Согласно Ж.-П. Сартру в своей жизни выбирает человек себя сам. Согласно его представлениям, существование человека находится впереди, перед его

сущностью, поэтому человек несёт ответственность: за самого себя; за то, кем он является. В течение жизни человеку необходимо отстаивать своё «Я», постоянно выражая свою истинную сущность [5].

В философии экзистенциализма личность рассматривается в виде сложных сочетаний проблем жизнедеятельности. Это сочетание проблем заключается в том, что природа человека включает в себя проявления добра и зла. Для изучения важны не жизненные обстоятельства, влияющие на человека, а его природа или сущность. Причём смысл его природы или сущности заключается в борьбе за самого себя. Важным показателем сущности человека является свобода. Личность в этом направлении рассматривается относительно понятий ответственности, свободы и выбора. Эти понятия оказывают влияния друг на друга и дополняют друг друга. Так, человек представляется как свобода, основой свободы является выбор. В своём выборе человек выбирает ценности. Следовательно, для осуществления свободы, в экзистенциальной интерпретации личности, невозможно без положения или понятия ответственности.

С понятием свободы имеет взаимную связь понятие самоопределение. Понятие самоопределение уже включает в себя ответственность. Так, если человек имеет ограничения в свободе или её нет, то его самореализация ограничена или отсутствует. В этом случае человек становится в том положении, когда он не может отвечать или ответственен за свои действия. В другом случае, когда у человека есть свобода для действий и поступков, проявления воли и выбора, то он берёт на себя ответственность за всё это [5].

Педагогика, в русле экзистенциального направления, должна основываться на познании человеческой сущности, проявления и выражения его нравственного «Я». Поэтому, для исследователей экзистенциального направления, в педагогике процесс обучения должен быть направлен на формирование и развитие свободных личностей, имеющие возможность самореализации. Следовательно, организация процесса обучения должен содержать в себе возможность свободы выбора и самосовершенствования [1].

В экзистенциальном подходе развитие и саморазвитие личности рассматривается относительно сочетаний его личностных качеств. В этом подходе личность не рассматривается в виде её целостности, а, следовательно, и её развитие и саморазвитие не рассматривается через её целостность.

Экзистенциальные идеи присутствуют в российском религиозно-философском направлении в XIX-XX веков. Яркими представителями этого направления являются Л.Н. Шестов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский и др. Центральной идеей для этого направления является необходимость в самоутверждении, которое должно осуществляться посредством самосовершенствования [3].

Центральной идеей в религиозном направлении российской философии является ответственность человека за своё развитие и совершенствование внутреннего мира, что в свою очередь, служит дополнительным стимулом духовного развития и становления. Само духовное развитие и становление личности является действием её самоактуализации, к тому же оно происходит при осмыслении и осознании самого себя.

Ещё одной общей важной идеей философов религиозного течения является то, что устойчивость в жизни возможно достичь путём духовного развития и способности к самореализации. Для российских религиозных философов характерным является развитие идеи, что деятельность личности в осуществлении самореализации, основывается на положении нравственности [5].

Таким образом, в философии идея самореализации личности проходит во многих направлениях, причём, в независимости от их характерных отличий, они имеют общие взгляды, относительно которых человек занимает центральное место в мире происходящих событий. Так, в каждом из направлений, с учётом их особенностей точек зрения и положений, подтверждается мысль о развитии волевой, чувственной и интеллектуальной сфер личности. Положение о самореализации основывается на том, что человеку необходима личностная самореализация, которая, в последующем, отображается в социальном мире.

Согласно рассмотренных философских идей о самореализации, профессиональная подготовка должна иметь условия для возможной самореализации и проявления личностного потенциала. В процессе профессиональной подготовки человек должен научиться создавать себя, находить свой личный смысл существования и реализовывать свой личностный потенциал.

В психологии и педагогике также должным образом было уделено внимание проблемы самореализации личности. Наиболее распространены стали исследования в последнее время и наряду с понятием «самореализация личности» используются понятия «самоактуализация личности», «личностный рост личности» и т.д.. Однако, по мнению С.Л. Братченко, введённые новые понятия до конца не получили полной разработки. В некоторых случаях они являются заменителем устаревших понятий, причём смысл от этого не изменяется. Сама идея и понятие самореализации имеет более глубокие корни, которые задают ориентировку на определённый подход к личности и соответственно к дальнейшему её развитию. Эти идеи самореализации являются фундаментальными проблемами в исследовании личности о её внутреннем мире и её взаимодействии с обществом [4].

В настоящее время интерес к исследованию понятия и проблемы возрастает не только в отечественной психологии и педагогике, но и в зарубежной. Эта тенденция объясняется тем, что изменяющиеся социально-экономические условия в обществе увеличивают требования к выпускаемым специалистам, а также возрастает конкуренция на рынке труда. От разрешения этой проблемы самореализации зависит процесс совершенствования методик, влияющих на саморазвитие, самосовершенствование, т.е. на развитие личности.

Мы согласны с исследованием М.А. Морозовой в том, что поскольку этой проблемой занимаются многие исследователи и в разных направлениях, то, в связи с этим, не разработана общая концепция по проблеме самореализации. Относительно методологии исследования самореализации личности не существует достаточной ясности в определении этого понятия. Кроме этого не разработана единая классификация понятия относительно формы, то есть – это явление, потребность, процесс, свойство или что-то другое. Определение формы продолжается в научных исследованиях, поскольку возникает трудность в определении присуще это человеку как свойство или это рассматривать как процесс. Дополнительные проблемы приносит и определение самореализации в виде диагностики. Так, провести диагностику самореализации объективно и непосредственно вызывает дополнительные трудности, поскольку это внутренний психический процесс и является чисто субъективным. Это возможно увидеть через некоторое время в виде объективных результатов или в изменении в поведении, эмоции, чувств и взглядов [6].

Расхождения в теоретических исследованиях в определении понятия самореализации являются не единственными, эти расхождения имеются и при определении механизмов совершения самореализации и её природе. Также остаются

открытыми вопросы, касающихся условий проведения самореализации и факторов, способствующих осуществлению благополучной самореализации.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. На основе поставленной цели, задач и проведённого теоретического исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Теоретический обзор научной литературы показал, что самореализация представляет собой движущую силу человека, которая может направлять и побуждать его к деятельности. Проблема самореализации личности является наиболее актуальной в последнее время, однако истоки начала её исследования находятся ещё с античных времён. Идея самореализации человека проходит в различных направлениях философии на протяжении многих веков. Однако каждый из этих взглядов не решает полностью проблему и не даёт полное разрешение, но они дополняют друг друга. В этом случае необходим объединяющий подход. Этот подход может иметь начало в виде самореализации, которая в свою очередь основывается на общечеловеческих и духовных ценностях, поскольку они определяют организацию поведения человека во внешнем мире и формируют его жизнь в нём.

2. В последнее время интерес к исследованию понятия и проблемы возрастает не только в отечественной психологии и педагогике, но и в зарубежной. В связи с этим, не разработана общая концепция по проблеме самореализации. Относительно методологии исследования самореализации личности не существует достаточной ясности в определении этого понятия. Кроме этого не разработана единая классификация понятия относительно формы, то есть – это явление, потребность, процесс, свойство или что-то другое. Определение формы продолжается в научных исследованиях, поскольку возникает трудность в определении присуще это человеку как свойство или это рассматривать как процесс. Дополнительные проблемы приносит и определение самореализации в виде диагностики, условий проведения самореализации и факторов, способствующих осуществлению благополучной самореализации.

Перспективы дальнейших исследований ориентированы на исследование понятия самореализации как духовной составляющей физической культуры личности. Раскрытие этого вопроса даст возможность поиска способов осуществления самореализации при формировании физической культуры личности будущего учителя в русле диссертационного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой философии (в 4-х томах). – М.: Мысль, 1969-1972. – 3185 с.
2. Аристотель Метафизика. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
3. Бучило Н.Ф. Философия: учеб. пособ. / Н.Ф. Бучило, А.Н. Чумаков. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 480 с.
4. Братченко С.Л. Личностный рост и его критерии / С.Л. Братченко, М.Р. Миронова // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 1997. – С. 38–46.
5. Иовчук М.Т. Краткий очерк истории философии / под ред. М.Т. Иовчука. – М.: «Мысль», 1981. – 927 с.
6. Морозова М.А. Формирование готовности студентов к самореализации в образовательном процессе вуза : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / М.А. Морозова. – Ульяновск, 2009. – 210 с.
7. Платон. Полное собрание в одном томе / Платон – М.: Альфа-книга, 2015 – 1311 с.
8. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА, 1999. – 576 с.

Поступила в редакцию 23.01.2019.

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF SELF-REALIZATION AS A BASIS OF A SPIRITUAL COMPONENT OF PERSONAL PHYSICAL CULTURE

I.P. Zenchenkov

The article is devoted to the theoretical consideration and analysis of the problem of individual self-realization as the basis of the spiritual component of the personal physical culture. The history of the emergence and further development of the concept of self-realization in science is considered. The theoretical review has showed that the problem of individual self-realization is the most urgent in recent times. Its research goes back to antiquity. The main problems and tendencies of personal self-realization research are identified.

Keywords: self-realization, spirituality, personality, physical culture.

Зенченко Илья Петрович

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой адаптивной физической
культурой ГОУ ВПО «Донецкий институт
физической культуры и спорта»,
E-mail: zenchilya@mail.ru

Zenchenkov Ilya Petrovich

candidate of pedagogical sciences.
Head of the chair Adaptive physical culture,
State educational organization higher professional
education "Donetsk Institute of Physical Culture and
Sports"
E-mail: zenchilya@mail.ru

УДК 378.126

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ВЫПУСКНИКА МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ КАК ОБЪЕКТ ДИАГНОСТИКИ И КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019. Р.Н. Качалов

ГОО ВПО «Донецкая музыкальная академия имени С.С. Прокофьева»

В статье рассматриваются вопросы педагогической диагностики качества образования студентов музыкальной академии, представлена авторская структурно-функциональная модель качества обученности / профессиональной компетентности выпускников и студентов музыкальной академии.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, компетенция, качество образования, диагностика, выпускник, профессиональная подготовка педагога-музыканта.

Актуальность. В современном мире высшее образование является одной из важнейших составляющих эффективного устойчивого развития государства, поскольку обеспечивает подготовку квалифицированных кадров, которые в дальнейшем смогут реализовать продвижение науки, техники, культуры, промышленности, искусства. Соответственно вопросы изучения, измерения, повышения качества высшего профессионального образования постоянно находятся в поле исследовательских интересов.

Качество любой работы определяется наличием у работника определённых знаний, умений и навыков, полученных им в процессе трудовой профессиональной подготовки. Главным критерием успешности работы любого учебного заведения является качество подготовки его выпускников.

В Законе «Об образовании» Донецкой Народной Республики *качество образования* определяется как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия государственным образовательным стандартам, государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы [8].

Особого внимания заслуживают теоретико-прикладные аспекты проведения оперативной диагностики качества образования выпускника, что обусловлено рядом причин:

– диагностика необходима для выявления затруднений, проблем в образовательной системе, выработки на основе их анализа путей и целей совершенствования образовательного пространства, разработки моделей качества образовательного процесса, профессиональной компетентности;

– диагностика позволяет получить объективную информацию о динамике личностного и профессионального роста студента, выявить условия, темп развития личности обучающегося;

– без диагностики невозможно эффективно управлять дидактическим процессом, достигать оптимальных результатов в имеющихся условиях.

Необходимость и значимость диагностики в учебно-воспитательном процессе подчеркивал К.Д. Ушинский: «Если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [23, с. 15].

Диагностика (от греческого «диа» – прозрачный и «гнозис» – знание) – общий способ получения опережающей информации об изучаемом объекте или процессе [17]. В теории и практике обучения правомерно вести речь о дидактической диагностике или диагностике качества образования, поскольку в понятие *диагностика* вкладывается более широкий и более глубокий смысл, чем в традиционные проверку и контроль знаний, умений обучаемых. Диагностика рассматривает результаты во взаимосвязи с путями, способами их достижения, включает в себя контроль, проверку, оценивание, накопление статистических данных, их анализ, выявление динамики, тенденций развития, прогнозирование дальнейшего развития событий, проведение необходимой коррекционной работы. Тогда как проверка и контроль лишь констатируют результаты, не объясняя их.

В рамках диагностики может проводиться диагностирование обученности и диагностирование обучаемости. Обученность рассматривается как достигнутый на момент диагностирования уровень реализации намеченной цели, обучаемость – как потенциал студента, его возможности в обучении [21].

Грамотно спроектированная система диагностики является обязательной неотъемлемой частью эффективно действующей системы управления образовательной организацией на основе качества и, наряду с ней, комплексной системы непрерывного обучения студентов в области качества, что позволит существенно повысить уровень подготовки выпускников и их конкурентоспособность на рынке труда.

Анализ последних исследований и публикаций. Основой проектирования и внедрения системы педагогической диагностики, направленной на достижение качества образования будущих специалистов в сфере музыкального искусства, является изучение результатов образовательной деятельности студентов и выпускников музыкальной академии. Теоретическую и методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения учения о диагностике как специфическом виде познания и общая методология диагностирования образовательных процессов и систем (В.С. Аванесов, В.В. Анисимов, Е.И. Воробьева, О.Г. Грохольская, К. Ингемкамп); психологические теории, раскрывающие феномен диагностики и оценки качества обучения (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, В.А. Зобков, Т.Я. Решетов, Д.И. Фельдштейн, М.А. Холодная); концептуальные подходы к организации педагогической диагностики в реальном образовательном процессе (А.С. Белкин, Б.П. Битинас, В.А. Бордовский, Н.К. Голубев); концепции организации образовательного процесса в высшей школе (В.Г. Гершунский, О.Г. Грохольская, В.И. Бочкарев, И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, В.А. Сластенин), а также исследования в рамках компетентного подхода и гуманизации образования (М.Н. Берулава, И.А. Зимняя, В.А. Кальней).

Диагностирование предполагает разработку эталонной модели объекта педагогической диагностики, содержание которой будет включать результаты образования, представленные в виде комплекса компетенций / компетентностей. Теоретический анализ научных исследований, посвященных определению результатов образования (В. Аванесов, А. Анастаси, Ю. Бабанский, В. Беспалько, Е. Климова, М. Поташник, М. Скаткин, В. Шадриков и др.), позволяет сделать вывод о том, что к ним относятся:

- общие и специальные профессиональные знания, умения, навыки;
- показатели личностного развития (уровень развитости интеллектуальной, эмоциональной, волевой сторон личности, познавательных и социальных интересов и потребностей);

– сформированность устойчивой позитивной мотивации к обучению, креативность, культура поведения и речи, эстетическая, физическая, экологическая развитости;

– индивидуальные особенности студента (темперамент, тип мышления и памяти, доминирующий тип восприятия учебного материала и т. п).

Суммарно представленные результаты составляют профессиональную компетентность выпускника, которая соответственно и выступает объектом педагогической диагностики.

Цель статьи. Рассмотреть профессиональную компетентность как объект диагностики и показатель качества образования, разработать и обосновать структурно-функциональную модель качества образованности / профессиональной компетентности выпускника музыкальной академии, необходимой для осуществления педагогической диагностики.

Применение моделей, методик и контрольно-измерительных материалов оценки уровня подготовки студентов дает возможность дифференцировать с достаточной точностью обучающихся по совокупности их образовательных достижений, но не дает однозначного ответа о сформированности у них конкретных компетенций.

Для решения задач диагностики формирования общих и профессиональных компетенций и оценки качества подготовки в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования (далее ГОС ВПО) требуется методологическая основа и соответствующие методики, а также четкое определение объекта исследования и критериев его оценивания.

Изложение основного материала. Проведение педагогической диагностики качества образования выпускников организаций высшего профессионального образования является необходимым компонентом, обеспечивающим целостность и системность образовательного процесса. При этом в качестве объекта диагностики зачастую выступает модель профессиональной компетентности выпускника.

Понятие «компетентность» в современном мире неоднозначно, поскольку рассматривается и объясняется с точки зрения различных подходов: во взаимосвязи с культурой как производный компонент общекультурной компетентности (Е.В. Бондаревская, Б.С. Гершунский и др.); как система качеств и умений (Т.Г. Браже, Л.К. Гребенкина, А.И. Пискунов и др.); через установление соотношения понятий «профессиональная компетентность» и «готовность к профессиональной деятельности» (Н.И. Кузнецова, В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов); с психологической точки зрения как показатель «сформированности необходимых навыков и умений, степени их владения» (А.К. Маркова, В.А. Сластенин и др.), с позиций деятельностного подхода (Н.В. Кузьмина, М.И. Лукьянова, А.К. Маркова, Л.М. Митина, О.М. Шиян и др.); в рамках интегративного подхода как интегративное качество (Э.М. Никитин, Р.Х. Гильмеева, А.М. Новиков и др.); в соотношении с понятием «компетенция» (Е.С. Полат, С.Е. Шишов, А.Г. Шмелев, А.В. Хуторской).

Мы разделяем точку зрения Т.Г. Браже, которая считает профессиональную компетентность системным образованием, включающим в себя аспекты философского, психологического, социологического, культурологического и личностного порядка. «Профессиональная компетентность людей, работающих в системе «человек – человек», определяется не только базовыми научными знаниями и умениями, но и ценностными ориентациями специалиста, мотивами его деятельности, пониманием им себя в мире и мира вокруг себя, стилем взаимоотношений с людьми, с которыми он работает, его общей культурой, способностью к развитию своего творческого потенциала [1, с. 46].

Также в своих исследованиях мы опираемся на теорию В.А. Сластенина, который считает профессиональную компетентность «важнейшей характеристикой подготовленности специалиста, совокупностью коммуникативных, конструктивных, организаторских умений, а также способностью и готовностью практически использовать эти умения в своей работе» [20, с. 19].

Кроме того, при составлении модели профессиональной компетентности выпускника музыкальной академии мы учитывали особенности профессиональной компетентности с точки зрения деятельностного подхода и в соотношении с понятием «компетенция», которое рассматривается в виде отдельных направлений, аспектов, отдельных умений, специфических знаний профессиональной компетентности в целом как интегративного состояния.

Теоретическое осмысление термина «компетентность» позволяет сделать вывод о том, что это не только постоянное обновление знаний, овладение новой информацией для успешного решения профессиональных заданий в определенное время и при определенных условиях, а и потенциальная готовность личности оперативно решать проблемы, действовать продуктивно, эффективно, профессионально. Иными словами компетентность можно охарактеризовать как системное структурно-функциональное образование, представляющее собой интеграцию мобильности знаний, гибкости методов, критичности мышления, творчества.

Профессиональная компетентность выпускника образовательной организации высшего профессионального образования складывается из компетенций, сформированных в учебной, организационной, воспитательной, общественной и практической деятельности, в процессе самовоспитания и социализации, и характеризуется готовностью к реализации таких функций профессиональной деятельности, как:

- мотивация и стимулирование;
- проектная, аналитико-прогностическая;
- организационная (создание условий для достижения необходимых результатов);
- конструктивная;
- исследовательская;
- контрольно-аналитическая;
- рефлексивная (готовность к переосмыслению процессов, результатов; определение путей улучшения качества процессов и результатов).

Следовательно, можно утверждать, что профессиональная компетентность выпускника вуза – это единство теоретической и практической готовности личности к профессиональной деятельности; способность реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной самореализации. Таким образом, можно говорить о двойственности природы понятия «профессиональная компетентность»: с одной стороны, это эталон, к которому нужно стремиться, с другой – набор требований, критериев, которым должен соответствовать выпускник.

С учетом требований ГОС ВПО Донецкой Народной Республики [3–6] и проанализированных выше подходов к определению структуры профессиональной компетентности выпускника нами была разработана модель качества образованности / профессиональной компетентности выпускника музыкальной академии (рис. 1).

В условиях инновационной компетентностно-ориентированной образовательной парадигмы профессиональная компетентность выпускника музыкальной академии – будущего музыканта-педагога, представляет собой сложный феномен, интегрирующий в себе 4 компонента.

Структурная модель качества образованности выпускника музыкальной академии

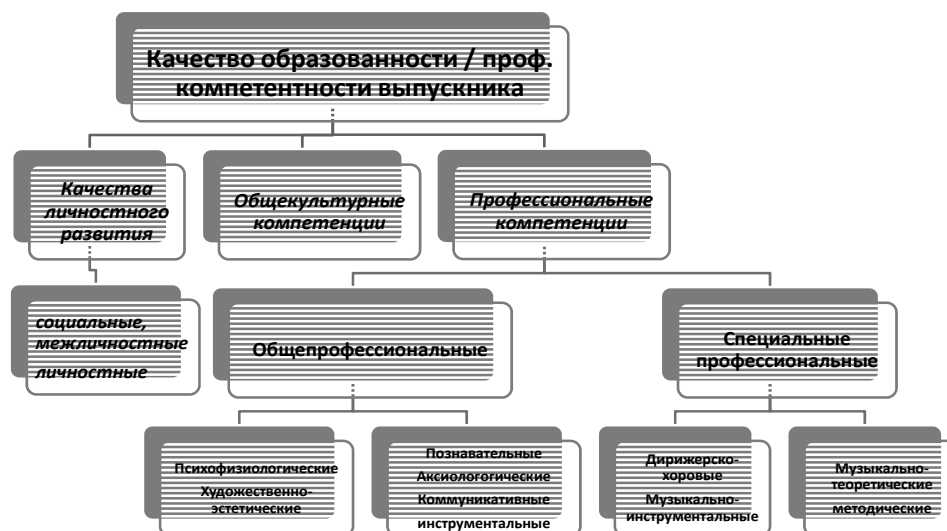

Рис. 1. Модель качества образованности / профессиональной компетентности выпускника музыкальной академии

1. Качества личностного развития (стремление к саморазвитию, самостоятельному проектированию своей жизни, ответственность за происходящие в ней события, толерантность, способность к взаимовыручке, взаимопомощи, саморегуляция и самоконтроль).

2. Общекультурные компетенции: социальные, межличностные, личные.

3. Профессиональные компетенции:

3.1. Общепрофессиональные компетенции определяют инвариантный состав полномочий и задач специалистов всех видов профессий, включают следующие виды компетенций:

– познавательные: получение, хранение, преобразование и использование различной информации;

– аксиологические (ценностно-ориентационные): способность усвоить и принять ценности, нравственно-этические нормы и правила сложившиеся в обществе и профессиональной среде, целемотивационный аспект;

– коммуникативные: определяют круг межличностного взаимодействия, типовые проблемы коммуникации и способы их разрешения в сфере профессиональной деятельности, социуме, предполагают гибкость в общении, коммуникабельность, умение сотрудничать (работать в команде), оптимизм, позитивность, неконфликтность, развитые навыки самоконтроля в общении;

– инструментальные: раскрывают общие принципы, способы и средства планирования и организации собственной и коллективной деятельности, проектирования профессиональной деятельности, механизмы выбора технологии / техники;

– художественно-эстетические, поликультурные: совершенствование как процесса профессиональной деятельности, так и продукта труда; вдохновенность, фантазия, гибкость ума, чуткость, толерантность; раскованность мыслей, чувств, движений; прогностичность; наличие своего мнения;

– психофизиологические: совокупность требований к психическим и физическим данным специалиста и способам выполнения определенных психомоторных действий.

3.2. Специальные профессиональные компетенции – сфера полномочий специалиста, реализуемая посредством решения совокупности профессиональных задач [15, с. 296]. Необходимо выстраивать профессионально-педагогическую подготовку педагогов-музыкантов как процесс овладения различными способами, а не знаниями о способах. В качестве его результатов должны выступить следующие специальные компетенции:

– музыкально-теоретическая компетенция – опыт анализа и решения задач по гармонии, аннотирования музыкальных произведений, анализа музыкальных форм; опыт реконструкции музыкально-исторического процесса;

– дирижерско-хоровая и вокальная компетенции – опыт дирижирования хоровым коллективом и руководства вокальным ансамблем, чтения хоровых партитур; опыт вокализации и чистоты интонирования;

– музыкально-исполнительская компетенция – опыт художественно-интерпретационного анализа музыкального материала и его эмоционально-образного исполнительского воспроизведения; опыт концертмейстерской работы и творческого музицирования (чтения с листа, подбор по слуху, транспонирования);

– методическая компетенция – опыт организации музыкально-воспитательного процесса с опорой на психологию, музыкознания и общую педагогику; опыт формирования целостной музыкально-эстетической культуры обучающихся.

С учетом основных видов профессиональной деятельности, в состав этих компетенций должны войти умения и навыки:

– организационно-управленческие, ориентированные на оптимальные планирование, организацию индивидуальной, групповой и коллективной деятельности, управление процессом профессиональной деятельности, разрешение межличностных конфликтов в коллективе и т.п.;

– технологические, связанные с операционной составляющей процесса профессиональной деятельности, контролем и оценкой его реализации, с проверкой эффективности своей деятельности и деятельности коллег (обучающихся);

– аналитико-прогностико-проективные, обеспечивающие текущее и перспективное планирование работы, проектирование и конструирование процесса, качества продукта труда, подбор техники и инструментария оптимально необходимых для выполнения конкретных задач, технологических и диагностических функций, действий и операций;

– научно-исследовательские, реализующие ряд интеллектуальных, технологических и экспериментально-исследовательских действий по совершенствованию профессиональной деятельности;

– метапредметные, направленные на решение междисциплинарных задач теоретического и прикладного характера.

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что выбор и обоснование критериев определения качества образования базируется преимущественно на результативности обучения, то есть на соответствии стандартам и содержанию представленной в статье модели, разработанной на основании ГОС ВПО. Критерии должны учитывать качество результата профессиональной подготовки выпускников как отражение качества их теоретико-прикладной подготовки; охватывать сочетание качественных и количественных показателей. Иными словами, содержание профессиональной компетентности будущих выпускников музыкальной академии носит дуалистический характер и служит как объектом диагностики, так и критерием оценки качества обученности. Таким образом, проектирование и внедрение качественных контролирующих материалов, оценочных средств и методик, основанных на методологии

диагностики и оценки компетенций, сможет обеспечить подготовку компетентных, ответственных, конкурентоспособных, готовых к постоянному профессиональному росту будущих специалистов.

Перспективы дальнейших исследований. В перспективе планируется разработка и апробация алгоритма проведения диагностики качества обученности будущих выпускников музыкальной академии; разработка набора средств оценивания сформированности профессиональной компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браже Т.Г. Профессиональная компетентность специалиста как многофакторное явление / Т.Г. Браже: Тезисы к семинару. – Л.: НИИ НОЗ: 1990. – С. 39-62.
2. Бобиенко О.М. Ключевые компетенции личности как образовательный результат системы профессионального образования. – Казань, 2005. – 186 с.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 53.05.05. Музыкаведение (квалификация «музыковед», «преподаватель»).
4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 53.05.02. Художественное руководство оперно-симфоническим оркестром и академическим хором (квалификация «дирижер оперно-симфонического оркестра», «преподаватель», «дирижер академического хора», «преподаватель»).
5. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 53.05.01. Искусство концертного исполнительства (квалификация «концертный исполнитель», «преподаватель»).
6. Государственный образовательный стандарт Высшего профессионального образования по специальности 53.05.04. Музыкально-театральное искусство (квалификация «солист-вокалист», «преподаватель»).
7. Грибкова О.В. Теория и практика профессиональной культуры педагога-музыканта / О.В. Грибкова. – 2011. – 192 с.
8. Закон Донецкой Народной Республики «Об образовании» (принят Постановлением Народного Совета 19 июня 2015 года).
9. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 15–19.
10. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Интернет-журнал «Эйдос». [Электронный ресурс]. Режим доступа: – <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm>.
11. Исмагилов Р. М., Рыкунова Л. С. Оценка качества подготовки выпускников образовательных учреждений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1721–1725. – URL: <http://e-concept.ru/2014/54608.htm> (дата последнего обращения – 20.02.2019).
12. Катуржевская О.В. Профессиональная компетентность выпускника вуза как критерий качества образования / О.В. Катуржевская // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогические психология. – 2015. – № 3 (22). – С. 23–41.
13. Никитенко Н.А. Компетентностный подход в профессиональной подготовке педагога / Н.А. Никитенко // Завуч для администрации школ. – 2009. – № 6. – С.112–116.
14. Новое качество высшего образования в современной России. Концептуально-программный подход / Под науч. ред. Н.А. Селезневой и А.И. Субетто. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1995. – 199 с.
15. Носко И.В. Общепрофессиональные компетенции в модели выпускника вуза – бакалавра педагогики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 14(37): аспирантские тетради: научный журнал. – СПб, 2007. – С. 294–299.
16. Пермяков О.Е., Менькова С.В. Диагностика формирования профессиональных компетенций. – М.: ФИРО, 2010. – 114 с.
17. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. пособие для вузов. – М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. – 365 с.
18. Управление качеством образования: Практико-ориентированная монография и методическое пособие / под ред. М.М. Поташника – М.: Педагогическое общество России, 2000 – 448 с.
19. Райцев А.В. Развитие профессиональной компетентности студентов в образовательной системе современного вуза: диссертация на соискание ученой степени на звание кандидата педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2004.

20. Слостенин В.А. Педагогика: Профессиональная компетентность педагога / В.А. Слостенин. – М.: Мысль, 1992. – 237 с.
21. Соловьев В. П. Компетентностная модель выпускника // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 9. – С.76-79.
22. Степаненко И.В., Позднякова И.Р. Критерии оценки качества образовательного процесса в вузе // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 4. – С. 35-36.
23. Технология профессионального становления студентов в условиях музыкально-образовательной среды в педагогическом вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8-2. – С. 82–85.
24. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. – Т. 5 / Сост. С.Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1990. – 528 с.
25. Шихалева М.С. Организационно-педагогические условия становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога в образовательном процессе вуза: автореф. дис.... канд.пед.наук. – Омск, 2008.
26. Ячина Н.П., Мухутдинова Т.З., Хазиева Н.Н. Профессиональная компетентность как показатель качества образования / Н.П. Ячина, Т.З. Мухутдинова, Н.Н. Хазиева // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 4. – С. 35–36.

Поступила в редакцию 24.02.2019 г.

**PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE GRADUATE OF MUSICAL ACADEMY
AS AN OBJECT OF DIAGNOSTICS AND CRITERION OF EDUCATION QUALITY**

R.N. Kachalov

The article deals with the issues of pedagogical diagnostics of the quality of education of students of the music Academy, presents the author's structural and functional model of the quality of training / professional competence of graduates and students of the music Academy.

Key words: professional competence, competence, quality of education, diagnostics, graduate, professional training of the teacher-musician.

Качалов Роман Николаевич

ректор
ГОО ВПО «Донецкая государственная музыкальная
академия имени С.С. Прокофьева»
E-mail: donmuzacademy.prokofiev@mail.ru

Kachalov Roman Nikolayevich

Rector of the
SEI HPE «Donetsk State Musical Academy named
after S.S. Prokofiev»
E-mail: donmuzacademy.prokofiev@mail.ru

УДК 001.89-057.875[47+57]+378.184

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

© 2019. *А.В. Коновченко*

ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проанализирована государственная политика в системе высшего образования, выявлены предпосылки развития студенческой науки во второй половине XX века. Акцентируется внимание на нормативных документах, регламентирующих научно-исследовательскую деятельность высших учебных заведений. Обобщаются взгляды исследователей на указанную проблему. Сделан вывод о преобладании положительных предпосылок развития научно-исследовательской деятельности студентов.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность студентов, студенческая наука, отечественная высшая школа.

В связи с тем, что научно-исследовательская деятельность студентов является неотъемлемым компонентом подготовки специалистов в высшей школе и важнейшим элементом всего учебного процесса, студенческая наука должна организовываться таким образом, чтобы студенты получали новые знания, стремились к самостоятельному поиску, овладевали научно-исследовательскими методами, учились анализировать и обобщать научную литературу, быстро адаптировались к условиям развития современной экономики.

Научной разработке проблемы организации научно-исследовательской деятельности студентов посвящены труды многих учёных в различных аспектах. В интересующем нас, историческом аспекте, студенческую науку рассматривали М.Н. Воробьева, З.А. Демченко, Н.В. Пузырева, Е.А. Худоренко [1–4].

Развитие отечественной студенческой науки во второй половине XX века как целостного неотъемлемого компонента учебного процесса было непосредственно обусловлено важными социально-экономическими и педагогическими преобразованиями, которые происходили в первой половине XX века.

Цель статьи – выявление принципиальных изменений в обществе, которые повлияли на организацию научно-исследовательской деятельности студентов во второй половине XX века и являются предпосылками ее развития.

В результате октябрьской революции 20-х гг. XX в. появилась необходимость создания новой школы с новыми целями обучения и с новыми методами преподавания. Проводя работу по созданию такой школы, большевики руководствовались ленинскими указаниями о специфике процессов культурного строительства, predeterminedных своеобразием перехода к социализму. В России политические условия для победы левых сил были созданы ранее экономических и культурных. Это обстоятельство определило особенную значимость целенаправленных и жестоких действий большевиков в отрасли народного образования. Борьбу за создание новой школы большевики считали одним из главных звеньев культурной революции, которая развернулась в государстве, направленной на обеспечение культурных и идейных предпосылок для победы социализма [5, с. 53].

Принятая в 1917 г. «Декларация прав народов России» отменила все национальные и религиозные привилегии и ограничения, разрушила сословный

характер старой системы образования, открыла двери учебных заведений для детей трудящихся всех наций и народностей государства [6].

В 1918 г. был создан Научный отдел Народного комиссариата просвещения, который в 1921 г. был преобразован в секцию академического центра Народного комиссариата просвещения – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), которое являлось государственным органом, координирующим научные исследования теоретического профиля и пропагандирующим науку и культуру в РСФСР. Задачами Главнауки являлись распространение научных знаний, организация научных мероприятий, развитие и материальное обеспечение научных учреждений, подготовка и использование научных кадров в интересах строительства советской культуры. В 1930 г. Главнаука была преобразована в сектор науки Народного комиссариата просвещения, который действовал до 1933 г. [7, с. 1046–1048].

В 1919 г. был основан Государственный учёный совет, который являлся руководящим научно-методическим органом Народного комиссариата просвещения; он осуществлял политику государства в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания; утверждал учебные планы, программы и учебные пособия для начальной, средней и высшей школы, а также научные труды преподавателей высшей школы. Государственный учёный совет был основан и возглавлялся М.Н. Покровским, после его смерти ликвидирован в 1933 г. [8, с. 92–94].

В 1921 г. был утвержден первый советский устав вуза, согласно которому целями вузов являлись: подготовка научных работников для обслуживания научных, научно-технических и производственных учреждений Республики, в частности, для самих вузов; распространение научных знаний среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых должны стоять на первом плане [9].

Как отмечает А.А. Самсонова, в первой половине XX века научно-исследовательская деятельность студентов в основном сосредотачивалась на профессиональном самообразовании студентов. В 20-х гг. в университетах определяется содержание научно-исследовательской деятельности студентов, создаются студенческие научные кружки. Узкопрофильные кружки создавались как группы студентов при профессоре, который исследует определенную научную проблему, это позволяло пробудить интерес студентов к научной проблеме и нередко помогало ученому готовить новую смену, оставляя для работы на кафедре студентов, которые выявляли наибольший интерес и способности в научных исследованиях в определенной области. Что касается широкопрофильных кружков, то они объединяли студентов всего факультета и, как правило, им руководило несколько преподавателей с различными научными интересами. Основными формами научной работы в кружках были лекции профессоров, доклады студентов, экскурсии, дискуссии, а в период летних каникул – просветительская работа в школах и техникумах, организация выставок. Практиковалось и издание заметок или сборников научных работ студентов [10, с. 7].

По мнению профессора А.И. Авруса, студенческая жизнь 20-х гг. характеризуется тем, что большая часть студентов активно занималась общественной работой, участвовала в митингах, собраниях, заседаниях и подобных мероприятиях, они считали многие учебные дисциплины ненужными, игнорировали преподавателей, стремившихся передать им фундаментальные знания, привить интерес к науке. Другая часть студентов, которые отрицательно относились к советской власти и не проявляли общественную активность, были более заинтересованы учебной деятельностью и

стремились заниматься наукой. С середины 20-х гг., когда кадры старых специалистов были в значительной степени вытеснены, встал вопрос о подготовке к преподавательской деятельности выпускников университетов. С этой целью с 1925 г. в университетах начала открываться аспирантура, отбор в нее осуществлялся по рекомендации партийной ячейки, среди студентов выделялась категория выдвиженцев – это были коммунисты и комсомольцы, проявившие себя, прежде всего, активностью в общественной работе [11, с. 52].

Реформирование системы высшего образования (закрытие факультетов) обусловили принятие нормативных документов, регламентирующих учебную и научную деятельность. В 1931 г. вышло Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О реорганизации государственных университетов», в котором указывалось, что университеты должны стать центрами подготовки научно-исследовательских кадров по естественно-научным и физико-математическим специальностям, а существующие факультеты: истории и философии; языка, литературы и искусствоведения; педагогические; экономические вывести из университетов, превратив их в самостоятельные институты [12]. В 1932 г. было принято Постановление Центрального исполнительного комитета СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», согласно которому университеты должны были превратиться в основные центры подготовки высококвалифицированных специалистов по общенаучным дисциплинам и педагогов для вузов и средней школы. Постановление отвергло бригадно-лабораторный метод, восстановило роль лекций в учебном процессе, защиту дипломных работ и проектов, дальнейшее комплектование аспирантуры производить только из числа успешно окончивших вузы по представлению кафедр и советов [13].

В следствии принятия вышеуказанных при университетах вновь возрождались научно-исследовательские институты, число которых быстро росло. Университеты получали индивидуальные уставы, в 1936 г. они были выведены из-под юрисдикции Народного комиссариата просвещения и переданы в ведение вновь созданного Всесоюзного комитета по делам высшей школы. Так, во второй половине 30-х гг. в Ленинградском университете произошли положительные изменения: количество факультетов возросло до 10, открылись новые научно-исследовательские институты, вдвое увеличился штат профессоров и доцентов, академиков и членов-корреспондентов АН СССР, для школьников в университете организовывались научные кружки и проводились олимпиады.

Отмена классового принципа отбора и обязательные вступительные экзамены омолодили студенческую среду (свыше 90 % студентов университетов были моложе 23 лет) и сократили количество коммунистов среди студентов, контингент стал более разнообразным по социальному происхождению [11, с. 54].

Период с 30-х гг. до начала Великой Отечественной войны характеризовался ростом массового участия студентов в научной деятельности. Выполнение научно-исследовательских работ студентами во внеаудиторное время стало рассматриваться как высшая форма самостоятельной работы, которая выполнялась по индивидуальным заданиям под обязательным руководством преподавателей. Наиболее способные члены студенческих научных кружков начали привлекаться к участию в госбюджетных и госдоговорных научных исследованиях, которые выполнялись кафедрами. Стало традицией проводить научные конференции и конкурсы студенческих научных работ. Большое внимание развитию студенческой науки и научно-техническому творчеству молодежи, которая обучается, в этот и последующие периоды уделял комсомол,

который рассматривал их организацию и совершенствование как одной из своих задач [10, с. 7].

Согласно утвержденному в 1934 г. Типовым уставом высшей школы СССР, начали создаваться студенческие научные общества, которые принимали участие в организации научной деятельности студентов, вели пропагандистскую работу, способствовали выявлению и подготовке возможных кандидатов для поступления в аспирантуру и тому подобное [14].

С целью привлечения студентов к научной работе при кафедрах в университетах возникали студенческие кружки, проводились студенческие научные конференции: на факультетах, в масштабе всего университета и междууниверситетские. В Московском и Ленинградском университетах в конце 30-х гг. были опубликованы первые сборники студенческих работ. Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что именно из университетских студентов второй половины 30-х гг. выросло то поколение советских ученых, которое обеспечило успехи отечественной науки во многих областях в послевоенные годы [11, с. 55].

Постановлением Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», опубликованным в 1936 г., была отменена защита студентами последних курсов дипломных работ и установлена сдача государственных экзаменов (кроме технических вузов) [15].

Согласно утвержденному в 1938 г. Положению о производственной практике студентов высших учебных заведений СССР, в производственную практику включались исследовательские задания, студенты изучали материалы по своему дипломному проекту или другой научно-исследовательской работе. Участие студентов в научно-исследовательской деятельности во внеаудиторное время стало рассматриваться как обязательное условие оценки достигнутого ими уровня профессиональной подготовки [16].

В 40-х гг. менялись учебные планы и вводились новые дисциплины, связанные с военными потребностями. Например, на исторических факультетах начали преподавать историю военного искусства, историю международных отношений и дипломатии, методику и организацию политико-просветительной работы и т.п. По мере изменения хода войны в пользу Советского Союза университеты возвращались к довоенному положению, открывались новые факультеты, Московский университет стал крупнейшим университетом страны.

Все годы войны в университетах не прекращалась научная работа, хотя тематика ее серьезно изменилась и была в основном подчинена военным нуждам. Несмотря на трудности военного времени, проводились научные конференции, в том числе в 1944 г. в Московском университете прошли первые Ломоносовские чтения, ставшие с тех пор традиционными. К концу войны возобновилась студенческая наука, создавались научные кружки при кафедрах.

Годы войны показали, что отечественная университетская система выдержала трудные испытания, научно-педагогические работники университетов внесли весомый вклад в достижение победы. [11, с. 58].

Одновременно с этим чувствуется нехватка учителей. Согласно принятому в 1948 г. Постановлению ЦК ВКП(б) «О подготовке педагогических кадров для школ Крайнего Севера» определены мероприятия по улучшению подготовки кадров для школ и педагогических училищ этого отдаленного региона: в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена открыть подготовительные курсы и

отделение народов Севера, утвердить план набора и обеспечить общежитием с полным обеспечением студентов [17, с. 179].

С целью подъема производства и повышения производительности труда пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. регламентировал возобновление функционирования высших учебных заведений и научных учреждений, повышение качества подготовки кадров высшей и средней квалификации, расширение подготовки учителей для начальных и средних школ, обеспечение дальнейшего научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства [18, с. 7–8, 52–53].

В послевоенные годы проблема дальнейшего развития высшего образования, роль и место университетов в системе образования и жизни общества дискутировались во многих странах. Все большее влияние получали взгляды немецкого философа К. Яспера, изложенные им в книге «Идея университета». По его мнению из университетов, с одной стороны, выходили квалифицированные специалисты, имевшие неплохую подготовку в области фундаментальных наук, способные обеспечить научно-технический прогресс государства, с другой стороны, выпускники университетов оказались ограниченными идеологическими барьерами, недостаточно были знакомы с достижениями науки за рубежом, не имели четкого представления ни о своей стране, ни об обществе других государств. Поэтому он считал необходимым развивать традиции, при которых ученые и студенты занимались научно-исследовательской деятельностью совместно [19].

Для повышения внимания к студенческой науке в 1947 г. был утвержден Типовой устав студенческого научного общества высших учебных заведений, функциями которого были не только организационная работа, но и разработка тематики научно-исследовательской деятельности студентов с последующим утверждением ее Ученым советом вуза. Студенческое научное общество учреждалось Ученым советом университета и имело права юридического лица. Устав конкретного общества утверждался Министерством высшего образования СССР. Таким образом впервые создавалась система управления научно-исследовательской деятельности студентов в высшей школе [10, с. 8–9].

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники», принятое в 1955 г., регламентировало совместную деятельность высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов в процессе решения научных проблем [20, с. 505–509].

Принятый в 1958 г. Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» указывает на то, что приближение школы к жизни создаст условия для лучшего воспитания подрастающего поколения, которое будет жить и трудиться при коммунизме; перестройка системы народного образования повысит роль советской школы в образовании и воспитании молодежи, обеспечит подготовку высококвалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства, науки и культуры и в еще большей степени будет способствовать росту могущества Советского Союза [21].

Период конца 60-х – 70-е гг. XX в. отличается усилением политики развития научно-исследовательской работы студентов. Приказами Министерства высшего и среднего специального образования СССР утверждены следующие документы: «Положение о научно-исследовательской работе студентов» (1961), «Типовое положение о проблемной научно-исследовательской лаборатории высшего учебного

заведения» (1965), «Типовое положение о студенческом конструкторском, исследовательском, проектном, технологическом и экономическом бюро вузов» (1968 г.), «Положение о всесоюзном конкурсе на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам» (1974 г.) [22, с. 48].

В процессе научного поиска выявлено, что в первой половине XX века сложились преимущественно положительные предпосылки для дальнейшего развития научно-исследовательской деятельности студентов.

Среди социально-экономических предпосылок определены следующие:

– активное восстановление народного хозяйства государства после Великой Отечественной войны;

– быстрые темпы развития производства под влиянием внедрения достижений науки и техники;

– социально-экономическая необходимость в квалифицированных кадрах;

– влияние государства на систему высшего образования.

К педагогическим предпосылкам относятся:

– повышение требований к профессиональному уровню преподавателей;

– усложнение содержания, форм и методов обучения в системе высшего образования;

– обобщение и осознание исторического опыта по организации научно-исследовательской деятельности студентов учеными и преподавателями-практиками.

Анализ предпосылок развития научно-исследовательской деятельности студентов обусловил дальнейшие исследования проблемы периодизации этого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева М. Н. Исторический аспект формирования и развития научно-исследовательской деятельности студентов / М. Н. Воробьева // *Transport business in Russia*. – 2015. – № 1. – С. 105 – 106.
2. Демченко З. А. Научно-исследовательская деятельность студентов высших учебных заведений в России (1950–2000-е гг.): исторические предпосылки, концепции, подходы : монография / З. А. Демченко; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. – 256 с.
3. Пузирьова Н. В. Теорія і практика організації науково-дослідної роботи студентів (на матеріалах університетів України XIX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / Пузирьова Наталя Вікторівна ; Харківський держ. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. - Харків, 2002. - 30 с.
4. Худоренко Е. А. Развитие научно-исследовательской деятельности студентов в высших учебных заведениях России и проблемы ее современного состояния / Е. А. Худоренко // *Экономика, статистика и информатика*. – 2011. – № 4. – С. 6–10.
5. Павлюк О.М. Розвиток шкільної математичної освіти в Україні (друга половина XX століття : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Павлюк Олена Михайлівна. – Луганськ, 2011. – 228 с.
6. Декларация прав народов России от 02.11.1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_16.htm (дата обращения: 26.11.2018)
7. Рокитянский Я.Г. Рецензия на книгу: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2000 // *Вестник РАН*. – 2001. – № 11. – С. 1046–1048.
8. Штейнберг А.З. Литературный архипелаг / А.З. Штейнберг. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 408 с.
9. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 02.09.1921 «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1072.htm (дата обращения: 26.11.2018).
10. Самсонова О.О. Студентське наукове товариство вищого навчального закладу: управлінський аспект : науково-методичний посібник / О.О. Самсонова. – Донецьк : Азов'є, 2013. – 445 с.
11. Аврус А.И. История российских университетов / А.И. Аврус. – М. : Московский общественный научный фонд, 2001. – 85 с.

12. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 13.07.1931 № 752 «О реорганизации государственных университетов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3748.htm (дата обращения: 26.11.2018).
13. Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 19.09.1932 «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21432#06997600463325069> (дата обращения: 26.11.2018).
14. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 27.02.1934 «Об утверждении типового устава высшей школы СССР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3966.htm (дата обращения: 26.11.2018).
15. Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 23.06.1936 «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm (дата обращения: 26.11.2018).
16. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 26.03.1938 № 393 «Об утверждении положения о производственной практике студентов высших учебных заведений СССР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=32861#0795743387_8270668 (дата обращения: 26.11.2018).
17. Постановление ЦК ВКП (б) от 10.09.1948 «О подготовке педагогических кадров для школ Крайнего Севера» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 8 (1946–1955). – 9-ое изд., доп. и испр. – М. : Издательство политической литературы, 1985. – С. 179.
18. Закон СССР от 18.03.1946 «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» – М. : Государственное издательство политической литературы, 1946. – 95 с.
19. Ясперс К. Идея университета / Карл Ясперс ; пер. с нем. Т.В. Тягуновой ; ред. перевода О.Н. Шпарага ; под общ. ред. М.А. Гусаковского. – Минск : БГУ, 2006. – 159 с.
20. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28.05.1955 «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 8 (1946–1955). – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Издательство политической литературы, 1985. – С. 505–509.
21. Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24.12.1958 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5337.htm (дата обращения: 26.11.2018).
22. Мынбаева А.К. История, теория и технологии научной деятельности высшей школы : монография / А.К. Мынбаева. – Алматы : Казахстанский национальный университет, 2010. – 249 с.

Поступила в редакцию 11.01.2019 г.

SOCIO-ECONOMIC AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITY OF STUDENTS

A.V. Konovchenko

The article analyzed the state policy in the system of higher education, identified the prerequisites for the development of student science in the second half of the twentieth century. Attention is paid to the normative documents regulating the scientific research activity of higher educational institutions. The views of researchers on this problem are summarized. It is concluded that the predominance of positive prerequisites for the development of research activities of students.

Key words: scientific research activity of students, student science, national higher education.

Коновченко Анна Викторовна.

Аспирант кафедры педагогики
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
E-mail: anna26021993@mail.ru

Konovchenko Anna Viktorovna

Post-graduate student of pedagogy department,
SEI HPE LPR «Lugansk Taras Shevchenko National
University».
E-mail: anna26021993@mail.ru

УДК 811:159.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТА

© 2019. Г.В. Мерхелевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена особенностям внедрения комплексного подхода к процессу формирования иноязычной активности студента; рассмотрены ключевые аспекты: филологическая атмосфера процесса, преподавательский ресурс обучения иноязычному профессиональному общению специалистов, психолого-педагогическая основа учебного процесса. Кратко представлены проблемы такого обучения и даны рекомендации по их решению.

Ключевые слова: иностранный язык, филологическая атмосфера процесса, преподавательский ресурс, психолого-педагогический подход, коммуникативная самостоятельность.

Процесс формирования полноценной иноязычной активности студента является *комплексным* и охватывает следующие аспекты, характеризующие его эффективность: *филологическая атмосфера процесса, преподавательский ресурс, психолого-педагогический подход.*

Упомянутая выше активность формируется на основе готовности, которая – формируясь на *психологической* и *филологической* основах – представляет собой состояние, формируемое совокупностью мотивации, необходимого объема специальных знаний, определенного уровня приобретенных профессиональных *умений* и *навыков*, комплекса профессионально значимых свойств личности и достаточного уровня иноязычной подготовки. При этом собственно иноязычная подготовка предполагает непременно наличие у обучающегося устойчивых *навыков* применения иностранного языка как инструмента обмена информацией в устной и письменной форме.

В связи с вышеизложенным одной из основных особенностей учебного процесса является то, что на *начальном* этапе обучения решается задача овладения языком как *инструментом* обмена информацией, вместо традиционного его изучения как учебной дисциплины. На *последующем* этапе собственно язык постепенно утрачивает роль *предмета* обучения, уступая ее информации и при этом принимая на себя роль *средства* ее освоения путем познания. С этого момента начинается формирование *практической* составляющей учебного процесса, доля которой начинает постепенно увеличиваться как в *абсолютном* объеме, так и в *процентном* отношении, если сравнивать ее с долей, которая приходится на чисто *учебную* составляющую. Именно на основе *практической* составляющей и формируется будущая коммуникативная и познавательная *самостоятельность* обучающегося, а *психологическая* основа ее развития в процессе обучения обуславливает возможность *сохранения* приобретенных навыков владения языком на протяжении всего последующего периода профессиональной деятельности специалиста по окончании процесса его обучения в вузе.

Таким образом, формируется *филологическая*¹ (в отличие от чисто *лингвистической*²) основа учебного процесса. Под этим термином мы понимаем

¹ В данном контексте понятие «филология» рассматривается как совокупность наук, изучающих духовную культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве, и жизненный уклад общества, основанный на данном языке как средстве общения.

² Лингвистика – наука о языке, языковедение, языкознание.

совокупность качественных характеристик языка, определяемых его *происхождением* и прочностью *связи* с естественной культурной средой его повседневного применения на современном этапе развития общества как инструмента обмена информацией во всех формах его существования [1].

Актуальность проблемы своевременного формирования *филологической* основы вызвана негативными последствиями многолетней практики повсеместного *изучения* иностранным языкам с использованием учебного и методического материала, разработанного в условиях изоляции от среды их «обитания», вместо *обучения* этим языкам в условиях их применения на практике. Существующее положение дел отрицательно влияет на качество иноязычной подготовки будущего специалиста, чем обуславливается необходимость обновления языковой базы, начиная с ее опережающего освоения преподавателем и с отказа от привычной практики преподавания иностранного языка как учебной *дисциплины*, причем на *словарной*, но не *фразеологической* основе. Важность решения этой проблемы подтверждается словами Леонарда Блумфилда³: «*Между знаниями о языке и владением им нет ничего общего. Владение языком – это не вопрос знания... Это вопрос практики...*» [10, с. 16], а поиск возможных путей решения этой проблемы осуществлялся на основе выводов, сделанных в результате проведения историко-научного обзора методологических подходов к проблеме обучения иностранному языку в современной педагогике. При этом изучение научной литературы, в том числе и зарубежной, позволило нам выделить ряд ведущих авторов, специализирующихся в области данной проблематики. К таковым, в частности, относятся: Л. Дж. Александер [5–9], Кумаравадивелу [11], В. Риверс [12; 13] и др.

Вторым ключевым аспектом процесса формирования иноязычной активности студента является *преподавательский ресурс*. Данное понятие оценивает степень участия в учебном процессе не просто преподавателей, а *педагогов*, способных привести обучающегося к требуемому результату благодаря наличию у них соответствующих *личностных* и *профессиональных* качеств. В связи с этим преподаватель-филолог должен владеть навыками *практического* применения преподаваемого им иностранного языка в качестве рабочего *инструмента*, а также – технологией познания иноязычной информации средствами этого же языка, передавая обучающимся собственный *опыт* его применения на практике, а не ограничиваясь традиционной передачей студенту лишь теоретической информации о языке как об учебной дисциплине. Иными словами, целесообразным является прохождение преподавателем курса повышения квалификации, программа которого преследует цель замещения теоретических *знаний* преподавателя о языке *навыками* практического применения языка преподавателем в роли *филолога* [2].

Формирование требуемых *компетенций* (знания) и *компетентностей* (навыки владения) осуществляется, например, при проведении повышения квалификации в форме стажировки в Учебно-методическом комплексе иностранных языков «АРПИ» (г. Донецк, ДНР) в трех направлениях: *психолого-педагогическая* практика, *технологометодологическая* практика и практика применения языка в *непрофессиональной* области. При этом в программу стажировки включены наборы тех компетентностей, роль которых мы считаем наиболее важной на *начальном* этапе формирования преподавателя-филолога как специалиста, способного надлежащим путем начать процесс обучения иностранному языку. К таковым относятся *психолого-*

³ Цитата приведена в переводе автора статьи.

педагогические, технолого-методические и практико-инновационные компетентности, формируемые за счет навыков применения языка как средства познания иноязычной информации и обмена ею на *монолингвистической* основе. Стажировка заключается в ознакомлении кандидата с методологией педагогического процесса, организуемого педагогами-преподавателями «АРПИ», и в его подготовке к проведению учебных занятий в дальнейшем.

К педагогической работе по обучению английскому языку специалистов любого профиля в «АРПИ» допускаются те кандидаты, которые по результатам стажировки продемонстрировали прогресс в формировании у себя *психолого-педагогической* и *практико-инновационной* компетентностей, а также наличие потенциала для *самостоятельного* развития этих профессиональных качеств в дальнейшем. Этап последующего становления преподавателя-филолога как организатора процесса обучения иностранному языку состоит из *четырёх* семестров.

Третьим ключевым аспектом процесса формирования иноязычной активности студента является *психолого-педагогический подход*. Суть этого понятия заключается в преобладающем влиянии *психологического* и *педагогического* аспектов учебного процесса на конечный результат, который должен выражаться не только в формировании у студента *навыков* свободного обращения с иноязычной информацией, но и создания условий для их сохранения на весь период последующей активной жизни, включающей и профессиональную деятельность [1; 3]. При этом *педагогический* аспект включает в себя не только *преподавание* языка, но прежде всего *воспитание* и *развитие* студента, обеспечивающее достижение обучающимися цели и предполагающее *ответственность* преподавателя за ее достижение [1; 2; 4]. Что касается *психологического* аспекта, то его роль следует считать *определяющей* и доминирующей над *педагогическим* и *лингвистическим* компонентами процесса обучения, поскольку правильность психологического подхода является средством создания у студента желания не «работать» над языком, а получать с его помощью удовлетворение от познания интересующей его иноязычной информации, что является основным условием непрерывности этого процесса и главным ресурсом сохранения навыков владения языком на протяжении всей жизни. Внедрение этого подхода осуществляется с помощью разработанной системы «преподаватель-студент» (см. рисунок).

На приведенной схеме левая часть эллипса относится к педагогу-преподавателю, а правая – к студенту.

Вертикальный просвет между левой и правой частями эллипса определяет *не* границу раздела, а линию *соприкосновения*, то есть *психологического контакта*, между преподавателем и студентом как двумя участниками одного и того же процесса. При этом обязательным *первичным* условием эффективности учебного процесса является *готовность преподавателя научить студента познавать с помощью иностранного языка*, владению которым обучается студент. Процесс познания в *различных* (отдельной для преподавателя и студента) тематических

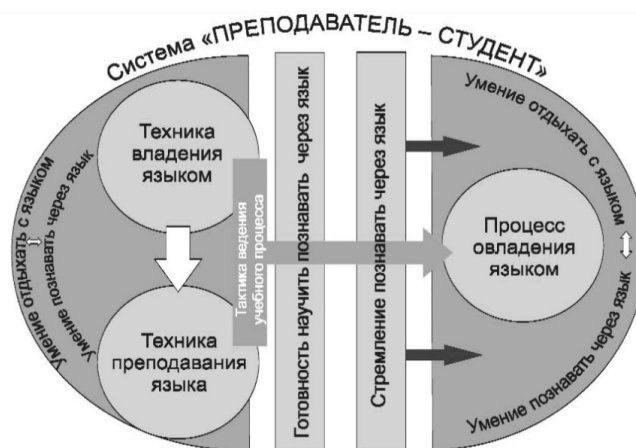

Рис. Схема модели системы «преподаватель-студент»

областях, осуществляемый на *единой* психологической основе, позволяет преподавателю обеспечить необходимые условия для содействия студенту в создании у него соответствующего душевного *настроя*. Наличие у преподавателя *опыта* формирования и сохранения в себе необходимых навыков обеспечения *устойчивого* психологического климата в отношениях с учащимся позволит ему осуществлять сопровождение тех действий ученика в перерывах между аудиторными занятиями, которые не относятся непосредственно к учебному процессу, а составляют духовную часть его времяпрепровождения в обществе не собственно *языка*, а в *мире* интересующих его фактов и событий, излагаемых средствами этого языка.

В качестве ближайшей перспективы дальнейших исследований автор рассматривает разработку и внедрение следующих образовательных проектов:

а) система формирования готовности студента вуза к работе в условиях международного информационного пространства;

б) система опережающего формирования иноязычных разговорных навыков у дошкольников и учащихся первого года обучения в начальной школе (*до начала обучения по основному курсу иностранного языка*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерхелевич Г.В. Английский язык: как учить(ся), чтобы обучить(ся) / Г.В. Мерхелевич. – 4-е изд., доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2014. – 260 с. (Серия «Научно-техническая библиотека»).
2. Мерхелевич Г.В. Система отбора и подготовки преподавателя-филолога к процессу обучения иностранному языку специалиста любого профиля / Г.В. Мерхелевич // Современные проблемы многоуровневого образования: сб. материалов IX Междунар. науч.-методического симпозиума. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2014. – С. 102–109.
3. Мерхелевич Г.В. Психолого-педагогические аспекты обучения иностранному языку в профильном вузе / Г.В. Мерхелевич // Актуальні проблеми викладання іноземних мов для професійного спілкування: зб. матеріалів всеукраїнської наук.-практ. конф., 6-7 квітня 2012 р.: в 3 т. Т. 3. — Дніпропетровськ: ДНУ, 2012. – С. 19–25.
4. Настольная книга преподавателя / под ред. Г.В. Мерхелевича. – 3-е изд., испр. и доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2011. – 272 с. (Серия «Научно-техническая библиотека»).
5. Alexander, L.G. Developing Skills: an Integrated Course for Intermediate Students / L.G. Alexander.– 18th Impression.– Pearson Education Limited, 1999. – 145 p.
6. Alexander, L.G. First Things First: Teacher's Book / L.G. Alexander.– 2nd Impression.– Longman Group Limited, 1985. – 292 p.
7. Alenxader, L.G. Fluency in English: an Integrated Course for Advanced Students / L.G. Alexander . – 18th Impression. – Logman Group Limited, 1999 – 198 p.
8. Alexander, L.G. For And Against: an Oral Practice Book For Advanced Students Of English / L.G. Alexander. – London : Longman, 1968. – 66 p.
9. Alexander, L.G. Practice and Progress: An Integrated Course for Pre-Intermediate Students / L.G. Alexander. –18th Impression . –Pearson Education Limited, 1999. – 232 p.
10. Bloomfield, L. Outline guide for the practical study of foreign languages / L. Bloomfield. – Baltimore: Linguistic Society of America, 1942. – 16 p.
11. Kumaravadivelu, B. Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod / B. Kumaravadivelu. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2006. – 280 p.
12. Rivers, W.M. Principles of interactive language teaching / W. Rivers. – Cambridge: Harvard university, 1997. – 50 p.
13. Rivers, W.M. Teaching Foreign Language Skills / W.M. Rivers. – Chicago, 1976. – 403 p.

Поступила в редакцию 11.01.2019 г.

SOME METHODOLOGICAL FEATURES OF THE BALANCED FOREIGN-LANGUAGE TEACHING/LEARNING PROCESS INTENDED FOR THE UNIVERSITY STUDENTS

G.V. Merkhelevich

This paper is dealing with possible ways of overcoming core problems of the foreign-language teaching/learning process to allow it to be more efficient. Discussed and reasoned are: philological background, along with requirements to be met by the teacher as well as the psychological basis of the educational process, as its key component parts. The paper briefly describes most common problems of intercultural communication teaching and offers ways of their overcoming.

Key words: foreign language, teaching/learning process, philological background, teacher expertise, psychological approach, communication autonomy.

Мерхелевич Геннадий Викторович

кандидат педагогических наук,

Доцент кафедры теории и практики перевода

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: arpi@com.ua, forarpi@gmail.com

Merkhelevich Gennady Victorovich

Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor of the

Translation Theory and Practicing Department,

The Donetsk National University,

E-mail: arpi@com.ua, forarpi@gmail.com

УДК 373.2

ДЕТСКОЕ ХОРОВОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО И ЕГО ВОКАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

© 2019. Т.А. Стецюк

Министерство культуры Донецкой Народной Республики

В статье проанализированы особенности вокально-хоровой работы и обоснованы методические приёмы, влияющие на её усовершенствование в условиях детского хорового коллектива. Раскрыты тенденции музыкального языка современной детской хоровой музыки и трудности в работе певцов над методическим и гармоническим строем хоровой партитуры.

Ключевые слова: детский хор, школьники, вокально-хоровая работа, певческие навыки, голосообразование, регистр певческого голоса, диапазон, мутация, руководитель школьного хора, интонирование, хоровое сольфеджио.

Одним из основных компонентов музыкального обучения и воспитания учащихся общеобразовательных школ является вокально-хоровая работа. А именно хоровое пение есть фундаментом, на котором основывается и развивается музыкальная культура. Отечественная хоровая традиция существует более тысячи лет, она – одна из древнейших в Европе. Тяготение к хоровому пению заложено в самосознании славянского человека. В то же время это один из инструментов духовного совершенствования народа, который охватывает все стороны жизни, влияя на формирование менталитета и имеет воспитательное значение.

В современных условиях жизни возникает вопрос о поддержке, укреплении, изучении и совершенствовании исполнительских традиций именно детского хорового искусства. Огромное количество выдающихся дирижеров-исполнителей, методистов, педагогов, деятелей культуры обращались к вопросу хорового пения, в частности детского. Среди них работы К. Виноградова, Г. Дмитриевского, Д. Кабалевского, Н. Леонтовича, С. Максимова, О. Огородникова, В. Попова, К. Птицы, В. Соколова, Г. Струве, П. Чеснокова, Л. Шаминой и др. Вопросы современной методики хорового пения в начальной школе рассматривает Г. Стулова, Л. Хлебникова. Однако именно вокальные основы детского хорового пения изучены недостаточно. Особого внимания требует исследование факторов, которые способствуют развитию особенного вокального интонирования, присущего традициям детского хорового исполнительства.

Целью исследования является теоретическое обоснование и анализ вокальных основ детского хорового исполнительства.

Основная часть. Детские хоры занимают особое место в области детской хоровой культуры. Хоровое пение – самый доступный для детей вид музыкальной деятельности. Результаты анализа научно-педагогических и методико-практических исследований доказывают, что детской хоровой практике свойственны различные формы исполнительства, обусловленные комплексом исполнительских задач, певческим составом, репертуаром и характером певческого звучания. Обобщение этих исследований позволяет дать следующую классификацию форм детских хоровых коллективов:

- хоры профессиональные (детские хоры оперных и музыкально-драматических театров) и самодеятельные (школьные, внешкольные – хоры в Домах культуры);
- хоры академические (хоровые капеллы) и народные, которые отличаются манерой звукообразования; ансамбли песни и танца, сочетающие различные исполнительские направления;

- учебные хоры (хоры музыкальных школ и школ искусств, хоровые студии, хоровые капеллы мальчиков, хоровые школы);

- вокальные ансамбли или хоры малой формы, которые отличаются минимальным составом исполнителей [4].

Вокальная работа в детском хоре является самым сложным моментом функционирования последнего. Анализ работ ведущих музыкантов-педагогов В. Попова, В. Соколовой, Г. Струве, посвятивших свою деятельность работе с детскими хоровыми коллективами, говорит о том, что голоса детского хора примерно соответствуют голосам женского хора. Однако специфичность детского голосового аппарата, а именно тонкие и короткие голосовые связки, малый объем легких, постоянные психофизиологические изменения организма, фальцетность звучания главного регистра отличает детские голоса от взрослых. Голоса детей ограничены в диапазоне, звучат нежно, не имеют большой силы и тембральной насыщенности. Итак, основными отличиями детского хора от женского является меньший объем голосового диапазона и ярко выраженный светлый и звонкий характер звучания. Как показывает анализ литературы по вопросам детского вокально-хорового образования и воспитания [2; 3; 5], в детских хорах поют дети дошкольного, младшего школьного, среднего школьного и старшего школьного возраста. В ряде работ, посвященных проблемам развития и особенностям детского голоса, встречается подробная характеристика различных возрастных групп и, соответственно этому, выделяются этапы становления голоса ребенка, а именно до мутационный (5–10 лет), мутационный (11–14 лет), после мутационный (15–16 лет).

Таким образом, детские голоса условно делятся на три возрастные группы: младшую, среднюю и старшую. Каждая возрастная группа отличается характером звучания, зависит от физиологических возможностей голосового аппарата и объема звукового диапазона. В младшей группе диапазон голосов примерно одинаковый от «до» первой октавы до «до», «ре» второй октавы, поэтому и нет четкого деления на хоровые партии. В средней и старшей возрастной группе голоса детей делятся на высокие (сопрано или дискант) и низкие (альт). Однако сопрано средней возрастной группы имеют меньший диапазон голоса, меньшую силу звучания и тембральную окрашенность чем сопрано старшего хора. Соответственно и альты в средней возрастной группе не имеют полноценного грудного регистра и менее мощные по силе звучания. Так, диапазон сопрановой партии в средней возрастной группе составляет от «до», «ре» первой октавы до «фа», реже «соль» второй октавы, а диапазон альтовой группы от «ля» малой октавы до «ре», «ми бемоль» второй октавы. Диапазоны хоровых партий старшего хора увеличиваются на полтора, два тона и составляют соответственно: сопрано от «до» первой до «соль», «ля» второй октавы, альты от «соль», «ля» малой октавы до «ре», «ми бемоль» второй октавы. Если в альтовой группе поют юноши, то диапазон их партии примерно будет от «до» малой октавы до «ре» первой октавы, что значительно расширяет нижнюю границу диапазона хора в целом.

На основе обобщения исследований Д. Огороднова, А. Равинова, Г. Струве, Г. Стуловой можно выделить формы и принципы организации школьных хоров, определить задачи и методы вокальной работы в каждой возрастной группе.

Главной задачей младшего хора (1–4 классы), который характеризуется ограниченным голосовым диапазоном, является выработка унисонного звучания хора, усвоение дирижерских жестов и реакции на них (внимание, дыхание, снятие, фермата, пиано, форте, крещендо, диминуэндо т.д.). Важным фактором развития вокально-хоровых навыков на этом этапе является использование различных методов работы: изменение тональности, пение по знакам руки (релятивы), разучивание по слуху, с голоса.

Ведущие педагоги-музыканты выделяют следующие основные принципы работы в младшем хоре: доступность певческого материала, стремительность, эмоциональность урока, учитываются возрастных особенностей, творческую активность, разнообразие видов деятельности.

Средний хор, который объединяет учащихся 5–7 классов, считается важнейшим звеном во всей хоровой работе в школе. Основная задача среднего хора развитие двухголосного пения в различных сочетаниях, приобретение навыков пения простых трехголосных произведений – гармоничных и простых полифонических (например, 3-гласные каноны). В этой хоровой группе основной задачей руководителя становится выявление тембровых особенностей каждой отдельной хоровой партии. С этой целью эффективно вводить занятия по партиям.

Старший хор (8–11 классы) может быть однородным, если в нем поют девушки и мальчики до мутации, и смешанным, в котором принимают участие девушки и юноши после мутации. Основная задача, стоящая перед руководителем старшего школьного хора, – воспитание у школьников желание и возможности стать активными пропагандистами хорового музыкального искусства в своей школе и за ее пределами.

Методы вокально-хоровой работы в детском коллективе вполне опираются на соответствующие методы профессионального обучения пению, которые в применении к детям приобретают особую специфику. Особое внимание в процессе такой работы надо обращать на качество детского звука. Красота детского пения, его прелесть в основном зависят от того, каким звуком поют дети. Качество, к которому стремится руководитель хорового коллектива, – это так называемое «главное звучание», что предоставляет пению звонкости, светлости и прикрытый звук. Пение «открытым», «белым» звуком довольно часто является результатом применения чисто языковых гласных, выдвигание на первый план слова, отсутствии выровненного, единого потока певческих гласных. Попытка искусственного «приближения» гласных, то есть формирование их только в передней части полости рта, без включения в работу полости глотки, также дает в результате не только антихудожественный «открытый», но еще и зажатый звук. «Открытый» звук очень бедный тембрально, позиционно низкий, не гибкий, часто граничит с криком, особенно в верхней части диапазона. Нюанс *riano* при пении «открытым» звуком чрезвычайно затруднен и, как правило, снимается с дыхания. Форсирование часто является следствием пения открытым звуком, но и при пении прикрытым звуком также может появиться форсирование вследствие стремления придать голосу несвойственную ему силу. В результате дыхательная атака звука постепенно переходит в мышечную, затем появляется качание и неточная интонация. Нередко форсирование вызывает твердая, резкая мышечная атака. Тогда действенным средством для его снятия является переход хорового коллектива на мягкую или даже придыхательную атаку. Сила звука должна быть максимум *mf*. Этот прием и пение с закрытым ртом снимут форсирование, вернут голоса на правильный путь. Также для устранения этого недостатка можно применить прием пения с закрытым ртом и на гласные «о» и «у», которые по своей природе звучат прикрыто, а также с помощью упражнений на выработку высокой позиции звука. Бороться с крикливостью в детском пении является также необходимым и важным заданием в вокальном воспитании детей, а также вопросам охраны детского голоса.

Одним из важнейших певческих навыков в детском хоре является выработка поющего, протяжного звука. Умение тянуть гласные звуки так, чтобы один звук переходил в другой, не прекращался, пока не начнется следующий звук – сложная задача в вокально-хоровой работе. Пение кантилены требует организации правильного

певческого дыхания, владения им и его регулирования. Умение взять дыхание перед началом фразы, удержать его и равномерно тратить – в этом заключается основа звучащего, красивого, плавного пения. Нередко дети берут дыхание шумно, иногда судорожно, порывисто, поднимая плечи. Некоторые ученики берут дыхание и тут же делают выдох еще до того, как начинают петь, или на конец первого звука. Для выработки правильного дыхания в вокально-хоровой работе полезно применять такое упражнение: взять спокойно дыхания так, словно понюхав цветок, и, удерживая его, считать на одном дыхании вслух до пяти. Повторяя упражнение, можно постепенно увеличить счет до 8–10. Это простая задача поможет выработать навык удерживать дыхание, не делать выдох сразу.

Необходимо отметить, что детская хоровая музыка, особенно современная, имеет довольно интересные мелодические и гармонические особенности. И в связи с этим возникают определенные требования к вокально-хоровой работе с хористами. Так, при пении в унисон, дети знакомятся с основами хорового сольфеджио, которое поможет справиться со сложными хоровыми произведениями. Исходя из общих характеристик современной детской хоровой музыки, основное внимание нужно уделить воспитанию у детей острого ладового чувства, давать им возможность ориентироваться в различных ладовых условиях, обращая внимание на их выразительные возможности. Это способствует формированию у детей устойчивого ладогармонического мышления. Для воспитания ритмического чувства детям нужно прививать умение видеть логику ритмического развития, знакомить с ритмическими моделями, которые выходят за рамки обычного: синкопы, триоли, полиритмика, акценты и другие ритмические фигуры.

В современной детской хоровой музыке наблюдаются определенные новые тенденции музыкального языка. Одним из ее элементов является скачок, суть которого до недавнего времени состояла в нарушении плавности голосоведения. После прыжка развитие мелодической линии проходило в противоположном направлении, он как бы заполнялся в результате плавного движения, воспринимался рельефно и нередко был связан с кульминационной точкой развития мелодии, что значительно облегчало его выполнения. Постепенно роль прыжков менялась, все чаще встречаются интересные, но интонационно сложные построения нескольких однонаправленных широких интервалов или сочетание прыжка с последующим развитием мелодии в том же направлении. Такое построение мелодии требует от детей умения свободно и плавно переходить от одного регистра певческого голоса в другой, а значит – менять в процессе пения механизм голосообразования. В неопытных певцов это вызывает определенные трудности и отображается на качестве звучания – появляется неравенство звуков как по силе звучания, так и по окраске. Наиболее сложным моментом в этой работе является достижение полноценного легато. Детям в этом случае могут помочь упражнения, в которых то один, то другой звук интервала становится опорным и приходится на сильную долю такта. Можно отработать вариант, где верхний звук выполняется на более тихом нюансе чем нижний.

Среди определенных трудностей в работе певцов над мелодическим строем хорового произведения надо отметить пение интервала чистая кварта (Ч4) и выполнения хроматических последовательностей. Интонирование чистых кварт вызывает некоторую сложность: хотя интервал относится к группе чистых и его выполнение считается более легким и удобным, для того, чтобы дети были готовы к выполнению нескольких квартовых ходов подряд, желательно предварительно выполнять упражнения с использованием кварт. Специальная подготовка нужна и для

выполнения развернутых хроматических последовательностей. Отрабатывая различные вокально-хоровые упражнения, хроматические гаммы в одноголосном изложении или в октавном унисоне, дети приобретают опыт работы над мелодическим строем.

Исполнение мелодии на многократном повторе любого мелодического оборота также вызывает определенные трудности. Такой повтор (остинатное движение) приводит к снижению внимания. В певцов появляется инертность в исполнении и это сразу же отражается на интонации. При выполнении мелодической линии, построенной на повторении остинатной попевки, дети устают. Им нужно проконтролировать слухом чистоту звучания каждого звука, не допустить детонации. Работая отдельно с каждой хоровой партией над изучением мелодии такого типа, нужно обратить внимание на основные точки в мелодическом развитии, которые необходимо контролировать слухом. При исполнении произведений с остинатным движением в быстрых темпах следует обратить внимание на дыхание, ровность звучания. Отдельным певцам разрешается пропускать некоторые фигурации, чтобы незаметно вливаться в общее пение. При разучивании остинатных фигур необходимо обращать внимание на ровность звучания всех звуков, независимо от регистрового положения и сохранить акценты начальных звуков во всех мелодических фигурациях.

Итак, с помощью продуманной системы упражнений руководитель детского хорового коллектива сможет научить детей чувствовать красоту хорового звучания, используя различные методы и приемы, способствующие совершенствованию вокально-хоровой работы с детьми определенных возрастных групп. Реализация указанных методических приемов будет способствовать четкой и методично обоснованной организации содержания практической работы, направленной на совершенствование вокальной техники и привлечения детей к активному творческому процессу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбенко С. Українська дитяча хорова література / С. Горбенко. – К. : НПУ, 2004. – Ч. 2. – 270 с.
2. Самарин В. Хороведение и хоровая аранжировка / В. Самарин. – М. : Академия, 2002. – 352 с.
3. Соколов В. Работа с хором / В. Соколов. – М. : Музыка, 1983. – 190 с.
4. Стулова Г. Теория и практика работы с детским хором / Г. Стулова. – Изд-во Владос-Пресс, 2002. – 176 с.
5. Струве Г. Школьный хор: Книга для учителя / Г. Струве. – М. : Просвещение, 1981. – 190 с.
6. Хлебникова Л. Методика хорового співу у початковій школі / Л. Хлебникова. – Тернопіль : Навчальна книга – Богдан, 2006. – 216 с.

Поступила в редакцию 05.03.2019 г.

CHILD'S CHORAL PERFORMANCE AND ITS VOCAL BASES

T.A. Stetsyuk

In the article analysed vocallychoral works and grounded methodical receptions which are instrumental in its perfection in the conditions of child's choral collective. Certainly there are certain tendencies of musical language of modern child's choral music and difficulties in process singers above the melodious and harmonic line-up of choral work.

Key words: child's choir, schoolboys, vocally choral work, skills of singer, phonations, register of singing voice, range, mutation, leader of school choir, intonation, choral sol-fa.

Стецюк Татьяна Анатольевна
начальник отдела образовательных учреждений
Министерства культуры Донецкой Народной
Республики
E-mail: t.stezyuk@mail.ru

Stetsyuk Tatyana Anatolievna
head of the department of educational institutions of
the Ministry of Culture of Donetsk People's Republic
E-mail: t.stezyuk@mail.ru

УДК 37.02:378

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-АДАПТАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДСТВАМИ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

© 2019. В.А. Цапов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Проанализирована проблема формирования социально-адапционного компонента системы мировоззренческих ориентиров современных студентов. Выделены цели, задачи, средства процесса формирования социально-адапционного компонента системы мировоззренческих ориентиров средствами экономико-математического моделирования.

Ключевые слова: социально-адапционный компонент, система мировоззренческих ориентиров, цифровое поколение, математическое обучение.

Введение. Проблема формирования экономического сознания и мышления, необходимость повышения уровня социально-экономической культуры современной молодежи поставлена самой жизнью. Все большее значение приобретают такие качества будущего специалиста, как организованность, ответственность, предприимчивость, деловитость, корпоративность, презентабельность, бережливость и др. Развитый социально-адапционный компонент системы мировоззренческих ориентиров как ценностное качество позволяет рационально использовать время, создает условия заинтересованности в высокопроизводительном труде, позволяет правильно рассчитать семейный бюджет, рационально хозяйствовать и т.д.

Проблема социально-экономического воспитания молодежи в истории развития педагогической науки не нова. Г.С. Сковорода, В.Н. Каразин, М.Д. Драгоманов, А.В. Духнович, Я.П. Козельский, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве и многие другие просветители считали социально-экономическое воспитание и обучение важнейшей составляющей образования. По мнению А.Ф. Аменда, П.Р. Атутова, Б.Т. Лихачева и др., социально-экономическое образование представляет собой организованную педагогическую деятельность, особую систему работы, целью которой является формирование социально-адапционного компонента системы мировоззренческих ориентиров обучающихся. При этом социально-экономическое воспитание необходимо направить на развитие социально-экономического мышления, формирование деловых и нравственных качеств студентов [1, 12, 14, 15].

Основная часть. Одной из важнейших составляющих социально-адапционного компонента системы мировоззренческих ориентиров обучающихся является его когнитивный компонент, под которым мы будем понимать систему экономических понятий, фактов, категорий. Исследования А.Н. Алексюка, Е.Е. Антоновой, С.У. Гончаренко, А.А. Дубасенюк, Н.Б. Евтуха, Н.В. Кузьминой, Н.Г. Ничкало, А.А. Реана, Д.В. Чернилевского и других учёных доказывают перспективность и эффективность применения когнитивных образований личности в формировании личностных качеств студентов. Заметим, что осознание видов и методов решения финансово-аналитических, статистических особенностей социально-экономических задач, математическое обоснование принятых решений в условиях

неполной информации, знание психологических факторов успеха экономических проектов позволяет подготовить обучающихся также к осознанию целостной картины мира [4].

В последнее время в официально-нормативных документах, регламентирующих деятельность высших учебных заведений, отмечается, что каждый современный выпускник должен уметь обоснованно и цивилизованно решать экономические и социальные проблемы. Это предопределяет необходимость подготовки всесторонне образованных людей, которые способны осознавать всю социально-экономическую систему в целом и влиять на различные составляющие этой системы, то есть подготовку конкурентоспособного специалиста, который имеет высокий уровень развития общей культуры и ее отдельных проявлений, в том числе и социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров.

Различным аспектам формирования у студентов социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров при изучении учебных дисциплин посвящены труды Ю.В. Васильева, В.М. Монахова, Ш.А. Музенитова, И.А. Сасовой. Возможности математики в социально-экономическом воспитании обучающихся наиболее полно изучал В.М. Монахов [9]. Задача повышения социально-экономической грамотности с помощью математических методов рассматривает Ш.А. Музенитов. Ученый, при помощи исследования межпредметных связей учебных дисциплин установил содержание и последовательность социально-экономического воспитания студентов при математическом обучении с учетом возрастных особенностей [10].

Проблема формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров студентов приобрела большое значение в теории и практике педагогической науки в мире, но вместе с тем вопросы формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров средствами экономико-математического моделирования еще не было предметом целостного научного исследования. Мы считаем необходимым раскрыть огромный культурный потенциал математического обучения, уточнить какие личностные качества студентов могут подвергаться воспитательному влиянию экономико-математического моделирования [6, 7].

Заметим, что в современных условиях, с учетом психологических особенностей цифрового поколения, знания, которыми мы вооружаем обучающихся, должны иметь ярко выраженную прикладную направленность. Глубокое усвоение начальных экономических понятий, фактов, категорий и осознание возможностей применения математических методов при решении экономических проблем должно заканчиваться описанием путей реализации на практике эффективных экономико-математических моделей, формированием определённых умений и навыков оперирования экономическими понятиями, методами принятия решений, аналитической деятельности и т.д. [3, 18]. Не вызывает сомнений, что формирование социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров будущих специалистов базируется в значительной степени на углублении и расширении системы экономических понятий, фактов, категорий, навыков принятия решений в условиях неопределенности, умений анализировать управленческие задачи и выбирать способы их решений из множества альтернатив. При этом важно научить будущего специалиста гармонично комбинировать, согласовывать методы экономико-математического моделирования с основными законами рыночного хозяйствования, формами активизации производственных процессов, организационными принципами современной перестройки производственных структур, управления и тому подобное. Бесспорно,

основной вклад в формирование социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров студентов должны вносить дисциплины социально-экономического направления, но и дисциплины естественнонаучного цикла, в том числе и математические, имеют значительный потенциал в решении этой учебно-воспитательной задачи. Мы имеем в виду и включение в содержание учебных задач экономических понятий, фактов, категорий с последующим обсуждением их особенностей, глубинных свойств, и обращение к историческим фактам, на которые опирается математическое знание, и включение в тематику научно-исследовательской работы студентов соответствующих тем, разделов экономических теорий, исследование которых естественно требует применения методов экономико-математического моделирования.

Таким образом, в круг нашего исследования включено важное понятие – знание экономических понятий, фактов, категорий, исходных положений теории принятия решений. По аналогии с определением знаний, которое приведено учеными – А.С. Нисимчук, О.С. Падалко, И.А. Смолук, определим знание экономических понятий, фактов, категорий как систему дефиниций, которая лежит в основе методов анализа, оценки риска, проектирования и рационального решения задач экономического содержания через создание экономико-математических моделей.

Другой немаловажный фактор заключается в том, что в последнее время в нашей республике качественно изменилась социально-экономическая ситуация, что обусловило повышение интереса обучающихся к экономическим знаниям и необходимость расширения возможностей для их получения. Большинство математических дисциплин широко применяется в экономических теориях [8].

Поскольку при современном развитии средств массовой информации объем формальных знаний современных студентов, представителей цифрового поколения, о социально-экономических понятиях, фактах, категориях в определённой степени значительный, поэтому на занятиях часто отсутствует эффект новизны, открытия. Более того некоторые обучающиеся считают свои представления знаниями. Это, безусловно, снижает их познавательную активность, требует создания учебно-методического среды, специальных научно-педагогических методик повышения заинтересованности студентов. Поэтому целью формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров средствами экономико-математического моделирования мы считаем обеспечение перехода от «представления» к «осознанию» социально-экономических понятий, фактов, категорий, особенностей управленческих задач и способов их решения; актуализацию базовых признаков экономических категорий, выделение существенных из них, установление связи между социально-экономическими явлениями и математическими законами их функционирования. И если осознание знания экономических понятий, фактов, категорий, особенностей управленческих задач и способов их решения является целостным комплексом, который состоит из определений, существенных признаков, классификации экономико-математических моделей, можно считать, что переход от идентификационного уровня усвоения знаний (представлений) к репродуктивному состоялся. На этом уровне обучающиеся способны не только дать общие признаки экономико-математической модели изучаемого явления или категории, но и объяснить её сущность [5].

Кроме того, как цели формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров средствами экономико-математического моделирования нами были выделены: развитие у современных студентов потребности в

овладении знаний, умений и навыков методов экономико-математического моделирования через их компетентно и креативную значимость для будущей педагогической деятельности; ориентирование в мировоззренчески-направленных основах экономико-математического моделирования; формирование творческих способностей обучающихся через построение математических моделей экономических объектов, явлений, категорий; выделение особенностей управленческих задач, выбор метода, умение применять численные методы с использованием современной компьютерной техники, интерпретировать результаты в экономических понятиях и показателях [16].

Обратимся к путям формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров обучающихся. Развитие у современных студентов самостоятельности, инициативы и творчества в процессе овладения профессионально-ориентированными знаниями возможно, если в процессе обучения обучающиеся стоят на позиции активного субъекта учебной деятельности. Социально-адаптационный компонент системы мировоззренческих ориентиров студентов может эффективно формироваться только при условии включения обучающихся в самостоятельную учебную деятельность [13].

Общеизвестно, что результат обучения зависит от уровня активности. Каждый, кто хочет научиться чему-то, должен достигнуть этого собственной деятельностью, собственными силами. По этой причине большинство педагогических усилий в процессе формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров будущих педагогов должны быть направлены на то, чтобы научить обучающихся учиться, то есть самостоятельно и активно приобретать новые профессионально-ориентированные и общественно значимые знания, умения, отдавая себе отчет в результатах своих действий, проявляя максимум инициативы. Итак, важным условием формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров является переориентация дидактической системы в профильной школе по обучению преимущественно информационного типа на культуру-направленное обучение, которое позволяет выявлять и развивать познавательные и творческие способности студентов, профессионально-направленные склонности [8].

Формирование личности как целостности опирается на развитие его индивидуальности. Индивидуальность выступает мерой полноты, завершенности, сформированности личности, поэтому ее развитие опирается на творческие виды учебной деятельности, дифференцированный подход к студентам, самовоспитания. Математическое образование предоставляет большие возможности в организации творческих видов деятельности студентов. При этом нужно учитывать нелинейность педагогического процесса. «Я могу сделать мою ассоциацию понятной вам, но не могу сделать, чтобы хоть у одного из вас моя личная ассоциация тоже стала непреложным механизмом, неуклонно срабатывает всегда одинаково» [2].

Заметим, что зачастую студенты при изучении отдельных разделов математики, слабо актуализируют межпредметные связи математики, недостаточно осознают ее прикладные возможности. Возьмем, например, такой раздел математики как дифференциальное исчисление. На наш взгляд, в этом разделе можно ярко продемонстрировать воспитательные возможности математического обучения, его мировоззренческое влияние на личность студента. Так, социологических, экономических, исторических исследованиях широко используются средние величины: средняя продолжительность жизни, средняя цена продукции, средняя

производительность труда и тому подобное. Так же средние величины важны и при анализе результативности коммерческой деятельности: средний доход, средний объем продаж и тому подобное. При планировании развития производства, да и любой предпринимательской деятельности, может возникнуть такая задача: нужно выяснить, на какую величину возрастет результат, если расходы сократить. Опираясь на средние величины, нельзя получить ответ на такой вопрос. Здесь речь идет о приросте переменных величин. В аналогичных задачах нужно найти предел отношения приростов рассмотренных величин, или как говорят, предельный эффект. То есть, в подобных задачах целесообразно применять методы дифференциального исчисления. Дифференциальное исчисление дает возможность рассматривать широкий спектр задач экономического содержания, исследовать социально-экономические процессы, явления. В свою очередь, решение практико-ориентированных задач методами дифференциального исчисления требует внедрения фрагментов экономической теории.

Отношение будущего носителя норм социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров к математическим знаниям как культурной ценности анализируется нами в аспекте становления определенных личностных характеристик обучающегося. Как известно, личностный подход ориентирует учителя на определенную модель педагогической деятельности, соответствует той социокультурной среде, в которой происходит становление будущего специалиста. Личностный подход, как и сама личность – сложный феномен. Поэтому при формировании социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров необходима новая методология, ориентированная на многомерности профессионально-ориентированной культурной среды. Педагог, который это осознает, сам должен проявить себя как творческий субъект. Важно при всех вариантах авторских технологий сохранить главный критерий личностного подхода, что, на наш взгляд, состоит в актуализации личностной жизненной позиции студента во всех ситуациях учебно-воспитательного процесса. Поиск путей и средств актуализации и развития личностной позиции будущего педагога-профессионала должен исходить из общей роли, назначения, функций личностного опыта [13, с.16].

Определим функции личностного опыта в математической деятельности человека. При решении этого вопроса мы исходили из того, что феномен личности, очень актуален для будущего педагога, является особой формой ориентации человека в социуме, своеобразной «адаптационной» реакцией на специфические условия жизнедеятельности общества.

Отношения молодого человека с социумом – изменчивы и нередко драматичны. Они в целом и образуют ситуацию формирования личности. Особую роль при этом должна играть межпредметная деятельность – поиск содержания, как отдельных действий, так и жизни в целом. Развитие индивидуально-личностных качеств будущего специалиста предполагает включение в содержание его образования такого вида опыта, который обеспечивал бы его готовность к применению личностно ориентированных стратегий профессиональной деятельности. Основу этого опыта должно составлять осознанное выполнение будущим субъектом социально-педагогической деятельности личностных функций ответственности, критичности, креативности и при принятии решений, и в отношении учащихся, которых он будет обучать, и в отношении к самому себе, как своеобразный принцип самоорганизации [11].

Эффективным средством формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров студентов является внедрение в учебную деятельность системы приемов, необходимых для решения социально-экономических

задач и принятия решений. Очень удачно эти приемы могут быть сформированы именно в процессе экономико-математического моделирования. Первый, самый главный, прием при решении социально-экономических задач – это анализ объекта исследования. Субъект экономической деятельности постоянно должен держать свое мнение в логике анализа, выполнять комплекс необходимых операций. К таким операциям, которые с успехом формируются при применении экономико-математического моделирования, мы относим: 1) восприятие социально-экономического объекта как целостности; 2) распределение исследуемого объекта на составные части по разным параметрам (время, пространство, ресурсы, методы решения и т.д.); 3) выбор модели, наиболее полно охватывает все основные структурные элементы исследуемого объекта; 4) описание и ранжирования всех составляющих модели по их значимости; 5) анализ альтернативных решений; 6) прогноз возможных способов преобразования изучаемого объекта [7, с. 13].

Важным приемом при решении профессионально-ориентированных задач также является определение целей как ключевое звено многих социально-экономических проблем, а также проектирование структур управления. Именно в выборе целей наиболее полно раскрываются не только интеллектуальный, но и личностный потенциал специалиста. Именно в «целевом» мышлении проявляется его личность, ценностные ориентиры. Затем студент должен перейти к действиям, связанным с принятием решения. Решение-квинтэссенция профессиональной действия, синтез информации о настоящем, прошлом и будущем социальной системы [17].

Еще одним важным средством формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров, является опора на системный подход, рассмотренный как упорядоченное многоаспектное исследование объекта. С помощью различных когнитивных категорий и понятий выделяются различные сведения об исследуемом объекте. Построение целостного представления об объекте исследования является искусством социально-экономического мышления, сформировать которое вне профессионально-ориентированной культурной среды невозможно [19].

Заключение. Опыт нашей практической деятельности позволяет констатировать, что условиями эффективного применения экономико-математического моделирования как средства формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров являются: 1) корректная презентативность целостной картины будущей профессиональной деятельности студента, обоснование введения социально-экономических моделей в процессе я математических дисциплин; 2) учебная задача должна соответствовать идеям личностного подхода, то есть актуализировать личностные характеристики обучающегося.

Нами проанализированы психолого-педагогические основы формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров обучающихся средствами экономико-математического моделирования. На наш взгляд применение экономико-математического моделирования дает прекрасную возможность углубить осознание социально-экономических понятий, фактов, категорий. Поэтому важным принципом формирования социально-адаптационного компонента системы мировоззренческих ориентиров мы считаем – принцип дифференциации требований к уровню усвоения социально-экономических понятий, фактов, категорий. Некоторые из них могут быть усвоены на уровне идентификации, а некоторые – обязательно на репродуктивном уровне. Отдельные знания должны быть усвоены на более высоком уровне – продуктивном. Поэтому при планировании содержания обучения и

воспитания необходимо четко отражать рекомендуемый уровень усвоения учебного материала. Обоснование необходимого уровня усвоения является важной задачей научно-педагогической деятельности и должно быть предметом дальнейших научных разработок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов А.Ю. Экономическое мышление: содержание и пути формирования / А.Ю. Архипов. – М.: Луч, 1994. – 120 с.
2. Гессе Г. Степной волк; Игра в бисер / перев.с нем. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – С. 207.
3. Дзундза А.И. Математичне навчання як засіб формування інтелектуальної сфери цифрового покоління / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Наукова скарбниця освіти Донеччини. – 2013. – № 2 (7). – С.11-16.
4. Дзундза А.И. Обзор проблемы формирования мировоззрения в научно-педагогической литературе / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Педагогика и психология : теория и практика. – 2016. – № 3-4(5). – ЛНУ им. В. Даля. – Луганск, 2016. – С. 60–69.
5. Дзундза А.И. Потенциал математического образования в формировании личности представителей цифрового поколения / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. –2014. – № 2 (83). – С.11-16.
6. Дзундза А. І. Культура економіко-математичного моделювання. Алгебра / Дзундза А.І., Цапов В.О. – Донецьк: Норд Комп'ютер, 1999. – 317с.
7. Дзундза А. І. Культура економіко-математичного моделювання. Геометрія / Дзундза А.І., Цапов В.О. – Донецьк: Норд Комп'ютер, 2000. – 209с.
8. Дзундза А.І. Роль і місце математичної культури у соціоекономічній культурі майбутніх фахівців / А.І. Дзундза // Дидактика математики: проблеми и исследования, 2004. – Вып. 21. – С. 14-18.
9. Монахов В.М. Преподавание математики и экономическая подготовка учащихся профтехучилищ / В. М. Монахов, В. Ф. Любичева, Т. В. Малкова. – М. : Высш. шк., 1989. – 104 с.
10. Музенитов Ш.А. Воспитание экономической грамотности учащихся средствами математики в общеобразовательной школе и средних ПТУ: дисс. ... канд. пед. наук / Музенитов Шота Алексеевич. – Казань, 1986. – 188 с.
11. Новикова В.Н. Экономическая грамотность старшеклассников – одно из условий конкурентоспособности выпускников / В.Н. Новикова // Народное образование. – 2005. – № 10. – С. 185-186.
12. Попов В.Д. Экономика плюс педагогика: Очерки об экономическом воспитании молодежи / В.Д. Попов. – М.: Молодая гвардия, 1996. – 288 с.
13. Реутова Л.П. Система формирования и развития профессионально-педагогического мировоззрения учителя. Дисс. ... док. пед. наук. – Майкоп, 2006. – 398 с.
14. Слостёнин В.А. Формирование социально активной личности: Общая концепция исследования / В.А. Слостёнин // Формирование социально активной личности учителя. М.: МГПИ, 2000. – 180 с.
15. Сысоева А.А. Формирование экономической культуры студентов педвуза как условие их профессиональной подготовки. Дисс. канд. пед. наук. – Тула, 1998. – 178 с.
16. Цапов В.А. Практические аспекты формирования мировоззрения будущих учителей математики: учеб.-метод. пособие для студентов по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование / В. А. Цапов. – Донецк, ДонНУ, 2016. – 241 с.
17. Цапов В.А. Прикладные математические задачи как средство повышения экономической культуры учащихся / В.А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования. – Донецк: Фирма ТЕАН, 2016. – Вып. 44. – С. 49-53.
18. Цапов В.А. Проблема проектирования математического образования с учетом личностных параметров современных студентов цифрового поколения / В.А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования. – Донецк: Фирма ТЕАН, 2018. – Вып. 47. – С. 20-28.
19. Цапов В.А. Формирование когнитивного компонента экономической культуры учащихся средствами экономико-математического моделирования / В.А. Цапов, С.Г. Цапова // Педагогика и психология : теория и практика. – Луганск: ЛНУ им. В. Даля, 2015. – № 1(1) – С. 42-46.

Поступила в редакцию 22.02.2019 г.

**ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE FORMATION PROCESS SOCIO-ADAPTIVE
COMPONENT OF THE SYSTEM OF IDEOLOGICAL ORIENTATIONS OF FUTURE SPECIALISTS
BY MEANS OF ECONOMIC AND MATHEMATICAL MODELING**

V.A. Tsapov

The problem of the formation of the social-adaptation component of the system of world outlook orientations of modern students is analyzed. The goals, tasks, means of the process of forming the socio-adaptation component of the system of world outlook orientations by means of economic and mathematical modeling are highlighted.

Key words: social-adaptation component, system of world outlook orientations, digital generation, mathematical education.

Цапов Вадим Александрович

Кандидат физико-математических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: tsapva@mail.ru

Tsapov Vadim Aleksandrovich

Candidate of Physical-Mathematical Sciences,
Associate Professor, Donetsk National University.
E-mail: tsapva@mail.ru

УДК 378.1

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ МАТЕМАТИКИ И ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ КОНСПЕКТА ЛЕКЦИЙ ПО МАТЕМАТИКЕ, АДАПТИРОВАННОГО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ

© 2019. *О.Г. Шелехова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В ходе проведенных исследований установлено, что наряду с традиционными подходами к реализации межпредметной интеграции математики и электротехники необходимо разработать конспект лекций по математике, адаптированный для изучения электротехники. Наиболее рационально повторение необходимых математических знаний организовать в рамках самостоятельной работы, которая предусмотрена курсом «Электротехника». Обоснована необходимость повторения математических знаний непосредственно перед, и во время изучения соответствующего раздела электротехники. Предложен пример реализации фрагмента конспекта лекций по математике по теме «Преобразование графиков функций», адаптированного для изучения раздела электротехники «Цепи переменного тока».

Ключевые слова: интеграция математики и электротехники, межпредметные связи.

Высшая математика для студентов технических специальностей является обслуживающим предметом, обеспечивающим соответствующим математическим аппаратом изучение специальных, в том числе и электротехнических дисциплин. Курс высшей математики служит фундаментом математической подготовки будущего инженера, основой формирования его творческой активности. Формирование творческой активности студентов не должно носить эпизодический, а систематический характер.

Вместе с тем, как отмечает большинство специалистов, обычно курс высшей математики читается классически, без учета прикладной направленности предмета, а применяемые учебники, пособия и задачки по математике носят достаточно формальный характер и содержат только упражнения вычислительного характера, без конкретного приложения для решения профессиональных задач [1]. «Такие задачи, как бы они не были хороши с точки зрения подбора и систематизации упражнения, не могут считаться удовлетворительными с точки зрения требований, которые мы предъявляем к подготовке новых кадров специалистов. В высшем техническом учебном заведении мы не должны преподносить студенту теорию, которую он не умел бы применять в технике» [1].

Недостаточно высокий уровень использования студентами математического аппарата [1–6] препятствуют успешному освоению электротехники. В результате возникает необходимость повышения математической компетентности студентов во время изучения электротехники. В работе [4] предложено повторять и изучать необходимые математические знания на аудиторных занятиях по электротехнике, на консультациях, предусмотренной электротехнической дисциплиной [4]. Однако, в связи с тем, что количество аудиторных часов на изучение электротехники с каждым годом уменьшается восполнять пробелы математического характера на лекциях, практических или лабораторных занятиях по электротехнике не представляется возможным.

В связи с этим наиболее рационально повторение необходимых математических знаний организовать в рамках самостоятельной работы, которая предусмотрена курсом «Электротехника».

Значительный интерес представляет разработка конспекта лекций по математике адаптированный для изучения электротехники. При формировании краткого конспекта лекций для повторения математики необходимо учитывать типичные трудности математического характера, возникающие у студентов при изучении электротехники, рассмотренные в [6, 7], а также особенности профессиональной направленности студентов конкретного технического направления подготовки.

Ряд специалистов считает, что выходом из подобной ситуации является разработка профессионально ориентированных задач. Однако, анализ учебных планов студентов технических направлений подготовки показывает, что для отдельных направлений подготовки от 10 до 30 предметов базируются на знаниях, полученных в курсе математики. Например, студентами направления подготовки 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника» математические знания широко применяются при изучении предметов: алгоритмизация оптимизационных задач энергетики; введение в специальность; высшая математика; вычислительная техника и алгоритмические языки; математические задачи электроэнергетики; математические методы и модели; метрология, стандартизация, сертификация и аккредитация; микропроцессорная техника; нетрадиционные источники энергии; общая физика; основы метрологии и электрических измерений; основы проектирования электрических систем; основы релейной защиты и автоматизации энергосистем; преобразовательная техника; промышленная электроника; современные компьютерные технологии; современные пакеты прикладных программ; специальные вопросы электрических систем; теоретические основы электротехники; теория автоматического управления; техника и электрофизика высоких напряжений; техническая механика; экономика и организация производства; электрическая часть станций и подстанций; электрические аппараты; электрические машины; электрические системы и сети; электромагнитные переходные процессы; электромеханические переходные процессы; энергетические установки; энергосберегающие технологии; НИРС и основы научных исследований.

Все эти дисциплины, как правило, имеют свою специфику практического использования математических знаний, и учесть все их особенности при изучении университетского курса «Высшая математика», не представляется возможным. Так как в этом случае для некоторых разделов математики необходимо будет составить соответственно 10–30 примеров использования математических знаний в каждой из приведенных выше дисциплин

С другой стороны согласно исследованиям в области психологии через 6 дней забывается до 80 % изученного материала [5]. Поэтому разработка конспекта лекций по математике, который позволит студентам быстро повторить необходимые для изучения электротехники математические знания, непосредственно перед изучением соответствующего раздела, является актуальным не только для студентов со слабой математической подготовкой, но и для «сильных» студентов.

Учитывая выше изложенное, конспект лекций по математике, адаптированный для изучения электротехники целесообразно рекомендовать студентам для повторения перед изучением каждой новой темы по электротехнике.

Целью данной работы является реализация межпредметных связей математики и электротехники при разработке конспекта лекций, адаптированного для изучения электротехники.

В ряде источников [5; 6] представлены некоторые разделы, изучаемые в курсе электротехники студентами технических специальностей и, необходимый для их успешного освоения математический аппарат.

Одним из разделов математики, затрудняющим усвоение материала по теме «Цепи переменного тока» является знания и умения по выполнению преобразования графиков тригонометрических функций: преобразование симметрии относительно оси абсцисс и ординат, сложение и умножение функций, растяжение и сжатие вдоль осей абсцисс и ординат и т.д.

В качестве примера рассмотрим фрагмент конспекта лекций по математике по теме «Графики элементарных функций», адаптированный для изучения электротехники. Целесообразно изложение основных математических определений и приемов преобразования графиков функций в конспекте сопровождать примерами их практического использования в области электротехники.

Переменное периодическое синусоидальное напряжение, изменяющееся во времени по закону синуса широко применяется в электротехнике (рис. 1, а). Его мгновенное значение определяется формулой: $u(t) = U_m \sin(\omega t + \Psi_u)$. На графике (рис. 1, а) $U_m = 220\sqrt{2} \text{ В}$ – это амплитудное значение напряжения; $\Psi_u = -30^\circ$ – начальная фаза напряжения; $\omega = 2\pi f = 314 \text{ рад/с}$ – круговая частота; $T = 0.02 \text{ с}$ – период, $f = 1/T = 50 \text{ Гц}$ – частота.

1. Преобразование симметрии относительно оси абсцисс. График функции $u(t) = -220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ получается преобразованием симметрии графика функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ относительно оси абсцисс (рис. 1, б). Точки пересечения графика с осью абсцисс остаются неизменными.

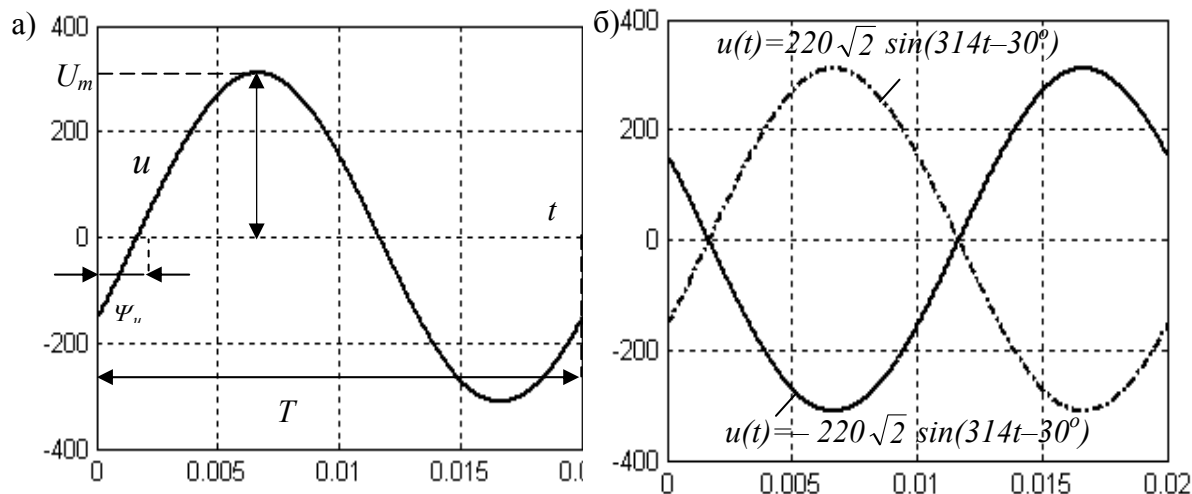

Рис. 1. График синусоидального напряжения $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ (рис. 1, а) и графики функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ и $u(t) = -220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ (рис. 1, б)

2. Преобразование симметрии относительно оси ординат. График функции $u(t) = -220\sqrt{2} \sin(-314t + 30^\circ)$ получается путем преобразования симметрии графика функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ относительно оси ординат (рис. 2, а). Точка пересечения графика с осью ординат остаётся неизменной.

3. Параллельный перенос вдоль оси абсцисс. График функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ получается параллельным переносом графика функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t)$ на -30° в положительном направлении вдоль оси абсцисс (рис. 2, б).

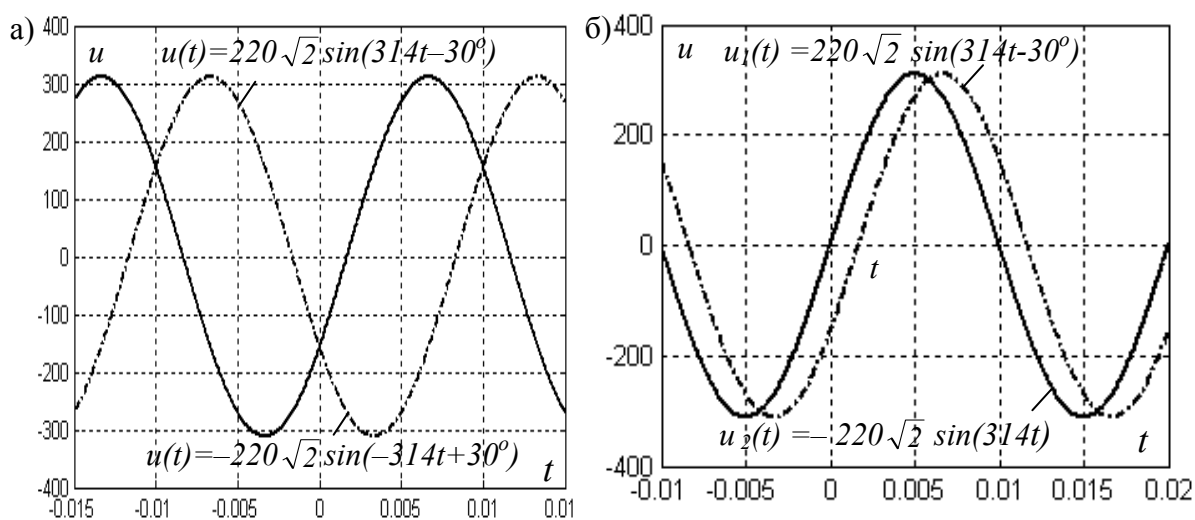

Рис. 2. Графики функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ и $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(-314t + 30^\circ)$ симметричны относительно оси ординат (рис. 2, а). Графики функции $u_2(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t)$ и $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ (рис. 2, б)

Необходимо отметить, что при изучении электротехники зачастую возникает обратная задача, когда по графику функции, например, как по экспериментальной осциллограмме, представленной рис. 2, б необходимо определить начальную фазу напряжения.

Начальные фазы напряжений из рис. 2, б в градусах

$$\psi_{u2} = t_1 \cdot (360/T) = 0.0167 \cdot (360/0.02) = 30^\circ; \quad \psi_{u1} = 0^\circ$$

Угол сдвига фаз между первым и вторым напряжениями:

$$\varphi = \psi_{u1} - \psi_{u2} = 0^\circ - 30^\circ = -30^\circ$$

4. Параллельный перенос вдоль оси ординат. График функции $u_2(t) = 150 + 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ получается параллельным переносом графика функции $u_1(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ на 150 единиц вверх вдоль оси ординат (рис. 3, а).

5. Растяжение и сжатие вдоль оси абсцисс. Из курса математики известно, что при $0 < w < 1$ график функции $y = f(wx)$ получается растяжением графика функции $y = f(x)$ от точки $(0; 0)$ вдоль оси абсцисс в $1/w$ раз. Следует увеличить абсциссы графика функции $y = f(x)$ в $1/w$ раз. Точки пересечения графика с осью ординат остаются неизменными. При $w > 1$ график функции $y = f(wx)$ получается сжатием графика функции $y = f(x)$ к точке $(0; 0)$ вдоль оси абсцисс. Следует уменьшить абсциссы графика функции $y = f(x)$ в w раз.

В энергетике для переменного тока принята стандартная частота, равная 50 Гц. Однако на практике встречаются напряжения и токи частот от 0.1 Гц до 10^{10} Гц.

При частоте $f = 50$ Гц период функции составляет $T = 1/f = 0.02$ с. или в градусах $T = 0.02 \cdot (360/0.02) = 360^\circ$. Например, функция $u_1(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ с угловой частотой $\omega = 2\pi f = 314$ рад/с имеет частоту $f = \omega/2\pi = 50$ Гц (рис. 3, б).

Тогда график функции $u_1(t) = 220\sqrt{2} \sin(3 \cdot (314\omega t - 30^\circ))$ имеет частоту 150 Гц, а период

$$T = 1/f = 0.00667 \text{ с} = 0.00667 \cdot (360/0.02) = 120^\circ$$

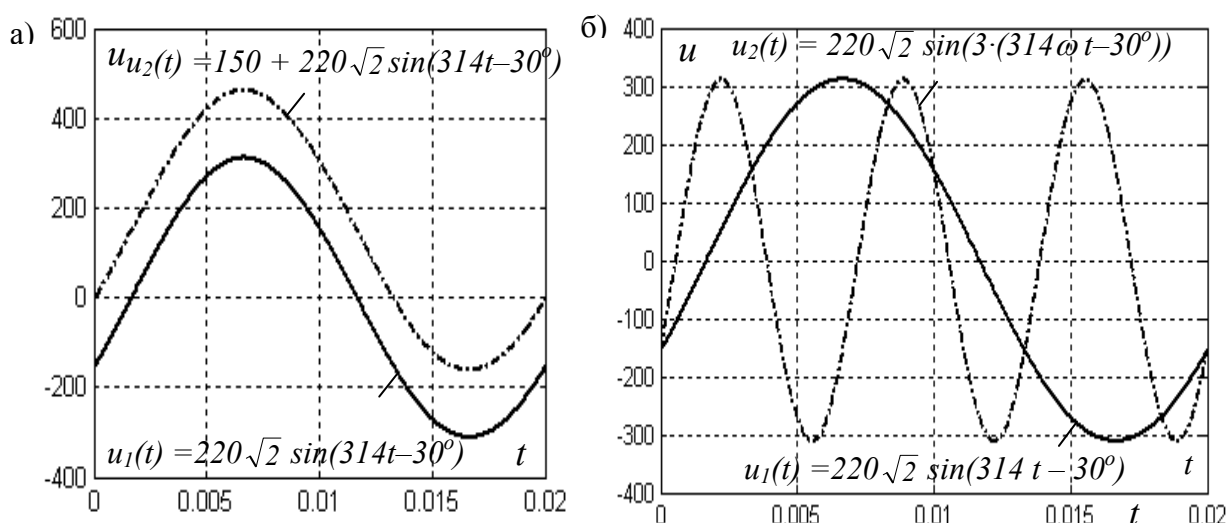

Рис. 3. Графики функции $u_2(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ и $u_1(t) = 150 + 220\sqrt{2} \sin(314t)$ (рис. 3, а)
Графики функции $u_2(t) = 220\sqrt{2} \sin(3 \cdot (314t - 30^\circ))$ и $u_1(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ (рис. 3, б)

График функции $u_1(t) = 220\sqrt{2} \sin(3 \cdot (314\omega t - 30^\circ))$ получается путем сжатия графика функции $u_1(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ в 3 раза вдоль оси абсцисс.

6. Растяжение и сжатие вдоль оси ординат. Из математики известно, что при $k > 1$ график функции $y = kf(x)$ получается растяжением графика $y = f(x)$ от точки $(0;0)$ вдоль оси ординат в k раз: следует ординаты графика функции $y = f(x)$ увеличить в k раз. Точки пересечения графика с осью абсцисс остаются неизменными. При $0 < k < 1$ график функции $y = kf(x)$ получается сжатием графика функции $y = f(x)$ к точке $(0;0)$ вдоль оси ординат в $1/k$ раз. Следует ординаты графика функции $y = f(x)$ уменьшить в $1/k$ раз. Точки пересечения графика с осью абсцисс остаются неизменными.

Графики функции $u(t) = (220/4)\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ получается сжатием в 4 раза графика функции $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t - 30^\circ)$ вдоль оси ординат (рис. 3, б).

7. Построение графика произведения функций. Из курса математики известно, что график произведения функций следует строить по точкам, перемножая значения ординат, соответствующие одним и тем же значениям аргумента. Например, пусть напряжение на входе электрической цепи $u = U_m \sin \omega t$, а ток $i = I_m \sin(\omega t - \varphi)$ (в общем случае напряжение и ток обычно сдвинуты по фазе на угол φ).

Мгновенная мощность p , потребляемая цепью, определяется произведением мгновенных значений напряжения и тока: $p = u \cdot i$.

В качестве примера на рис. 4 представлены графики зависимости тока (i), напряжения (u) и мгновенной мощности (p) от времени (t) при $I_m = 220$ мА, $U_m = 220$ В.

8. Построение график суммы (разности) функций. График следует строить по точкам, складывая или вычитая ординаты графиков функций, соответствующие одному и тому же значению аргумента.

В качестве примера на рис. 5 представлена последовательность построения графика функции $u(t) = 40 + 140\sqrt{2} \sin(314\omega t - 60^\circ) + 50\sqrt{2} \sin(3 \cdot (314\omega t + 30^\circ))$, построение которого вызывает у студентов затруднения при изучении электротехники.

Сначала строятся вспомогательные графики (рис. 5 а): $u_1(t) = 40$ В, $u_2(t) = 40$, $u_2(t) = 140\sqrt{2} \sin(314t)$, В, $u_3(t) = 80\sqrt{2} \sin(3 \cdot 314t)$, В.

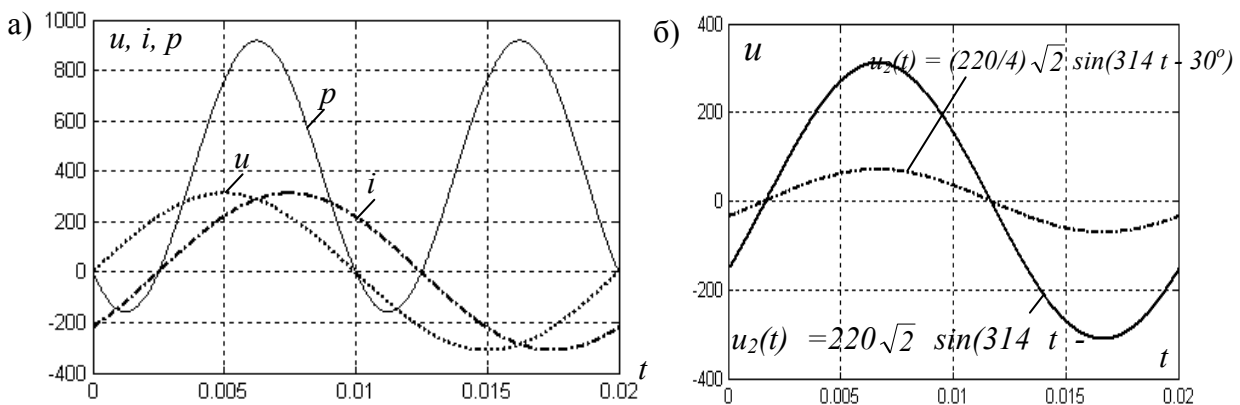

Рис. 4. Графики функций $u=220\sin 314t$, $i=220\sin(314t-30^\circ)$ и мощности $p = u \cdot i$ (рис. 4, а)
 Графики функции $u(t)=(220/4)\sqrt{2} \sin(314t-30^\circ)$, $u(t) = 220\sqrt{2} \sin(314t-30^\circ)$ (рис. 4, б).

Затем строится график $u(t) = 140\sqrt{2} \sin(314t-60^\circ)$ путем сдвига графика $u(t) = 140\sqrt{2} \sin(314t)$ на 60° в положительном направлении вдоль оси абсцисс. Аналогично график $u(t) = 80\sqrt{2} \sin(3 \cdot 314\omega t + 30^\circ)$ путем сдвига графика $u(t) = 140\sqrt{2} \sin(314\omega t)$ на 30° в положительном направлении вдоль оси абсцисс (рис. 5, б).

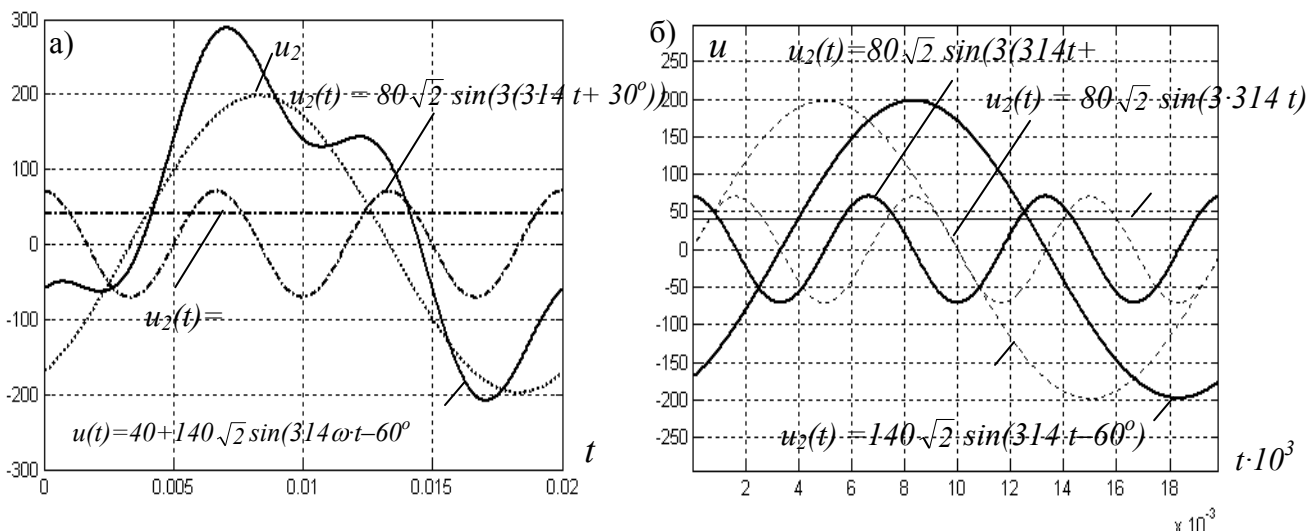

Рис. 5. График функции $u(t) = 40 + 140\sqrt{2} \sin(314\omega t - 60^\circ) + 50\sqrt{2} \sin(3 \cdot (314\omega t + 30^\circ))$ (рис. 5, а), а также необходимые вспомогательные графики (рис. 5, а, б)

Далее складывая или вычитая ординаты графиков функций, соответствующие одному и тому же значению аргумента получаем результирующий график функции (рис. 5, а)

$$u(t) = 40 + 140\sqrt{2} \sin(314\omega t - 60^\circ) + 50\sqrt{2} \sin(3 \cdot (314\omega t + 30^\circ)),$$

Необходимо обратить внимание студентов, что результирующий график, полученный в результате сложения двух синусоидальных функций разной частоты, имеет несинусоидальную форму.

Выводы. В ходе проведенных исследований установлено, что наряду с традиционными подходами к реализации межпредметной интеграции математики и электротехники необходимо разработать конспект лекций по математике, адаптированный для изучения электротехники. Обоснована необходимость повторения

математических знаний до и в процессе изучения соответствующих разделов электротехники. Наиболее рационально повторение необходимых математических знаний организовать в рамках самостоятельной работы, которая предусмотрена курсом «Электротехника». Предложен пример реализации фрагмента конспекта лекций по математике по теме «Преобразование графиков функций», который адаптирован для изучения раздела электротехники «Цепи переменного тока».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева И. А., Рубцова О. А. Особенности преподавания курса высшей математики студентам технических специальностей. – <http://ea.donntu.org:8080/bitstream/123456789/7162/1/особенности%20преподавания%20курса%20высшей%20математики%20студентам%20технических%20специальностей.pdf>. – (дата обращения: 05.03.2019г.).
2. Скафа Е.И., Бабенко Н.А. К вопросу о формировании профессиональной готовности будущего учителя в условиях реформирования образования Донецкой Народной Республики // Дидактика математики. – 2018. – № 47. – С. 70–79.
3. Евсеева Е. Г. Деятельностное обучение математике в высшей школе / Е. Г. Евсеева // Дидактика математики: проблеми і дослідження. – Донецьк, 2006. – Вип. 25. – С. 197–205.
4. Симкина И. М. Профессионально-ориентированная деятельность – основа обучения высшей математике младших специалистов электротехнического профиля / И. М. Симкина // Дидактика математики: проблеми і дослідження: зб. наук. пр. / Донец. нац. ун-т. – Донецьк, 2007. – Вип. 28. – С. 119–124.
5. Сохлакова М.В., Чернышев Э.П. Методика преподавания курса теоретической электротехники в условиях слабой начальной подготовки студентов – https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2017_10_2/06.pdf.
6. Шелехова О.Г. Использование математического аппарата при изучении электротехники как дидактическое условие повышения качества знаний // Эвристическое обучение математике // Материалы IV международной научно-методической конференции (19-20 апреля 2018 г.). – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 217–220.
7. Шелехова О.Г. Интеграция математики в учебно-методическую литературу по электротехнике при изучении раздела «Нелинейные цепи переменного тока» // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III международной научной конференции (25 октября 2018 г.). – Том 6 Педагогические науки: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 166–168.

Поступила в редакцию 23.03.2019 г.

IMPLEMENTATION OF INTERMEDIATE COMMUNICATIONS OF MATHEMATICS AND ELECTRICAL ENGINEERING DURING THE DEVELOPMENT OF MATHEMATICS LECTURES INSPECTION ADAPTED TO STUDY ELECTRICAL ENGINEERING

O.G. Shelekhova

In the course of the research it was found that along with the traditional approaches to the implementation of interdisciplinary integration of mathematics and electrical engineering, it is necessary to develop a lecture notes on mathematics, adapted for the study of electrical engineering. The necessity of repeating mathematical knowledge before and during the study of the relevant section of electrical engineering is substantiated. An example of the implementation of a fragment of the abstract of lectures in mathematics on the topic "conversion of graphs of functions", adapted for studying the section of electrical engineering "AC circuits", is proposed.

Key words: integration of mathematics and electrical engineering, interdisciplinary communication.

Шелехова Ольга Георгиевна,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры радиопизики и
инфокоммуникационных технологий ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет»
E-mail: jenjaistorik@mail.ru

Shelekhova Olga Georgievna,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor, Department of
Radiophysics and infocommunication technologies,
SEE HPE “Donetsk National University”
E-mail: jenjaistorik@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук: [сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса: [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Keywords**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

○ Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);

○ Ученая степень и звание (без выделения).

○ Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).

○ Должность (без выделения).

○ Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия В. Гуманитарные науки

Научный журнал

2019. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: Е.В. Гришанова, М.В. Фоменко

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 03.06.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 24,7.
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.